ГОРИЗОНТ №8(82)

MERIDIAN

АВГУСТ 2026

ГОРИЗОНТ

MERIDIAN

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 8 (82)
АВГУСТ 2026

Приложение к журналу «Меридиан»
Германия · Ганновер

СОДЕРЖАНИЕ

Выпуск № 8(82) · 2026

Лучшие письма читателей 4

Татьяна Тихонова. У вас есть улица великанов? 11

Ника Батхен. Из цикла «Сердобольные горожане». Дудочка. Большая сцена 23

Камелия Санрин. Рули, Британия! 34

Сергей Панарин. Рысьи глаза 43

Дарья Рубцова. Зависимость 52

Антон Лапудев. Лиса 57

Ирина Домнина. Из двух миров 59

Владимир Неграш. Как обычно 61

Илья Трейгер. Криптозоологи против мифов: анатомия лесных аномалий 63

Григорий Панченко. Добсегна, новогвинейский сумчатый волк 69

О криптозоологии на YouTube: «Горизонт» рекомендует 73

Федор Степанов. Ад Чосон, или «Легко ли быть молодым» по-корейски 80

Антон Первушин. Эпизоды космической эры: Тяжёлый рейс Германа Титова 96

Юрий Зубакин. Фантастика Фрэнка Тинсли 105

Кирилл Берендеев. Перпендикулярное кино (за пределами Голливуда) 118

Марина и Сергей Дяченко. «Захар Беркут» (2019): трагедия или поцелуй в финале блокбастера? . 126

От редакции. Последний юбилей 128

Книжный компас: информация для читателей 132

Джулиус Лонг. Защита почила в бозе 136

Василий Немирович-Данченко. В 2428 году 143

Андрей Ренников. Русским Интернационал 147

MANUSCRIPT

Лучшие письма читателей

Обзор статей июльского номера. Обзор фантастики старых мастеров (да, в прошлом номере читателям был сделан большой подарок — и в следующем тоже будет!). Неотения — главный путь эволюции? Шамп из озера Шамплейн — знакомьтесь: не прошло и полвека (действительно, всего несколько месяцев как не прошло!)

АВТОРСКИЙ МАТЕРИАЛ MANUSCRIPT

О. М.

Вопросы о криптозоологии, поднятые в прошлом номере, явно недостаточно освещены в разделе переписки с читателями — поэтому они плавно смещаются на август: тогда и, надеюсь, продолжим разговор. А пока — обзор следующего «Горизонта».

Илья Трейгер. Криптозоологи против мифов: концепция «невидимости» (cloaking) как пример псевдонаучной иммунизации гипотезы о реликтовом гоминоиде

Продолжение темы мифов, связанных со снежным человеком (он же РГ). На этот раз это действительно так, и речь идет о конкретном мифе, известном как «cloacking». Суть мифа в следующем: РГ может по желанию становиться оптически невидимым. Т. е. это не человек-невидимка Уэллса и не медуза, которая почти прозрачна в родной стихии. РГ остается волосатым обезьянином, но, если надо скрыться — становится прозрачным, словно хищник из одноименного фильма. Однако если костюм хищника был продуктом высоких технологий, то здесь это заявлено как свойство организма. Как фант. допущение — очень любопытно, однако, как и настаивает статья, не слишком реалистично.

Последнее, впрочем, понимают и сами сторонники мифа, поэтому вводят сверху дополнительный конструкт: якобы РГ может, издавая ультразвуковые вопли, формировать вокруг себя облако невидимости из водяного пара. Здесь, думаю, корни растут из красочных голливудских фильмов о ниндзя, которые бросают под ноги бомбочку и исчезают в облачке дыма. Однако поскольку бомбочка, да еще и с довольно сложной начинкой, — это всё-таки продукт уже далеко не примитивной технологии, то РГ собрать ее не может, а вот ультразвуковые вопли — такой механизм ему природа могла выдать.

Однако сформировать воплями вокруг себя облако водяного пара, по эффекту сопоставимого с костюмом хищника…

Ну, на мой взгляд, это реально красиво придумано, мое почтение автору идеи, но даже как фант. допущение пойдет разве что для уровня b-movie, где любая физика с логикой приносятся в жертву красочности. Тут даже не в наукообразности дело, а банально непонятно, зачем эволюция озадачилась таким сложным механизмом. Да, она та еще придумщица, но еще и лентяйка и схожие задачи решает схожими методами. Если РГ нужна маскировка, то проще было бы сделать его хамелеоном, чем выдавать сложную и, главное, ситуативную способность.

Во-первых, водяного пара под рукой может и не оказаться в нужную минуту. Во-вторых, умение становиться невидимкой при необходимости куда менее полезно, чем качественная маскировка, и более того — исчезающий прямо в воздухе объект преследования, напротив, привлекает к себе дополнительное внимание.

Но придумано, повторюсь, красиво. За это я и люблю мифы.

В целом, спасибо автору за интересный разбор мифов, однако склонен попенять за то, что, вновь увлекшись критикой, он не выдвинул своего объяснения сообщениям об исчезновениях РГ. Свидетельства-то есть.

Григорий Панченко. Криптиды фон Чуди

Интересный экскурс по странным существам Южной Америки, которых описал в своих заметках Иоганн фон Чуди. Некоторые из них — великаны своего племени (что, на мой взгляд, всё же не делает их криптидами), другие обросли вымыслами и домыслами, но каждая история по-своему любопытна. Прочёл с большим интересом.

Александр Путятин. Американский триумф русского генерала

Статья рассказывает о русском генерале И. Т. Беляеве, которого судьба занесла на Чакскую войну. Это достаточно известный конфликт в Южной Америке, где американская и английская кампании стравили два государства, надеясь чужими руками оттяпать себе кусок пожирнее в грядущей нефтедобыче: то, что нефть пока не найдена, их волновало мало. Война вообще получилась довольно интернациональной. В парагвайской армии служили военными советниками русские офицеры-эмигранты. В боливийской — их недавние противники немцы со своими верными подпевалами чехами. Оружие так и вовсе закупалось где повезет, лишь бы побольше да подешевле. Боливия могла позволить себе более многочисленную и лучше вооруженную армию. У нее даже было несколько танков. Впрочем, судя по описаниям боев, на 40-градусной жаре эти консервные банки были опаснее для экипажей, чем для окружающих. Парагвай противопоставил врагу российскую военную школу и союзных индейцев гуарани (этот союз также был во многом детищем Беляева, которого индейцы очень уважали). Гуарани развернули партизанскую войну против боливийцев, а поскольку боевые действия велись на плато, где «нет дорог, есть только направления», то их помощь была неоценима. В итоге Боливия потерпела сокрушительное поражение. Немецким советникам указали на дверь, а русские офицеры — не только Беляев — стали национальными героями Парагвая. Нефть, правда, так и не нашли, но, наверное, оно и к лучшему. Алчные компании перенесли свой интерес в иные регионы.

Кирилл Берендеев. Поворот рек: писатели против писателей

Интересный рассказ о полемике вокруг идеи поворота рек. И да, как верно сказано в аннотации, это не политика, это история, и автор показывает ее с разных сторон. У проекта были и сторонники, и противники. В целом, не берусь судить, насколько эффективно получилось бы, если бы получилось, но сам по себе замах впечатляет. Это действительно было время, когда человек почувствовал себя властелином природы, которую можно исправлять и перекраивать по своему разумению. Возможно, не всё бы получилось — даже к Творцу всего сущего иногда возникают вопросы, — но было ощущение мощи, ощущение, что человек способен на великие дела, то самое ощущение мира Полудня, который тогда казался еще одной версией рая.

Юрий Зубакин. Кинофантастика Рэя Брэдбери

Обзор бурундийских (и не только, там и Сан-Марино, и Гвинея) марок, посвященных творчеству Рэя Брэдбери. Надо же, я и не знал, что он еще и сценарист. Картинки на марках, однако, не рисованные, а переделанные кадры из фильмов или кинопроб. Для марок это, наверное, минус, однако для статьи — несомненный плюс, т. к. позволяет параллельно с марками устроить экскурс по киновоплощениям творчества Брэдбери.

P. S. Лиловый пистолет — это круто!

Кирилл Берендеев. Перпендикулярное кино (за пределами Голливуда)

В этом ежемесячном кинообзоре — без изменений. Написано завлекательно, и что не цепляет — то не цепляет именно в силу поднятой темы. Тема протестов меня не вдохновляет, и если в первом фильме побили именно метателя, то заслужил, «ибо какой мерой вы меряете, такой и вам отмерят». Саудовское и иранское кино опять же по описанию стремится к современной драме, от которой я нынче стараюсь дистанцироваться. А вот «Бандиты на пенсии» заинтересовали, тем более что ремейки на фильмы с Луи де Фюнесом

бывают годными. Достаточно вспомнить хотя бы «Оскара».

По поводу ссылок в статье: к сожалению, «Кинопоиск» больше не дает просматривать страницу без регистрации на «Яндексе», но информацию о фильме можно найти не только там.

Марина и Сергей Дяченко. Роман «Vita Nostra»: вопросы и ответы

Ответы обоих авторов романа на вопросы читателей. Что любопытно, даже у соавторов подчас разные ответы на одни и те же вопросы.

От редакции. Из искры возгорится…

Обзор сборника рассказов, к выходу которого во многом причастна редакция «Горизонта». Обзор довольно подробный, по каждому рассказу, так что авторам будет интересно. Ну и тем, кто хочет составить свое мнение до того, как откроет сам сборник.

От редакции

В августе мы обещанную статью сделать не успели: постараемся в сентябре…

У млекопитающих маскировка по принципу хамелеона невозможна. Что до формулировки «Свидетельства-то есть», возразим: нормальных свидетельств «бесследного исчезновения» — нет. Никогда не бывало, чтобы у кого бы то ни было из криптозоологов, работавшего в соответствии с научными методиками, фигурировала «невидимость» иначе, чем способность очень хорошо затаиться или очень незаметно подкрасться.

А вот когда деградировавшие остатки прежних криптозоологических школ разучились опрашивать очевидцев, сами захотели стать очевидцами и, чтобы объяснить отсутствие подтверждений, заговорили о паранормальщине — тогда да, рядовые энтузиасты тоже последовали за ними…

Насчет того, что «великаны своего племени — не обязательно криптиды»: да, не обязательно, но… может быть и так. В статье «Криптиды фон Чуди» описаны варианты, при которых разница в размерах может указывать на несколько иное таксономическое положение. Но и без этого вопрос о, например, гигантских анакондах, превышающих 10 м, проходит по ведомству криптозоологии, даже если они принадлежат к тому же виду (что, кстати, не факт).

Наибольший интерес, возможно, вызывает научный энтузиазм фон Чуди: в свою пятилетнюю экспедицию по еще достаточно «дикой» Южной Америке он отправился, когда ему самому едва исполнилось 20 лет! Кто из нынешних молодых натуралистов решится на такой подвиг?

Об идее, что американская и английская компании ради своей выгоды стравили два латиноамериканских государства. Ну, сейчас привычен, конечно, такой патерналистский подход, традиционно обращенный против «проклятых англосаксов» и предполагающий, будто малые страны столь чисты духом, что и подраться меж собой без «стравливаний» не могут. Между тем это любимое их занятие, для того же Парагвая, зачинщика Парагвайской войны 1864—1870 годов, уже заканчивавшееся абсолютной трагедией — причем даже трудно кинуть камень в его противников, обоснованно решивших, что ту войну надо было довести до конца, не остановившись на «99%-ной победе»…

Если же вернуться к ситуации, которую описывает статья, то дело обстоит так. Имеют место быть два осколка Испанской империи, которые упоенно грызутся с того момента, как от нее откололись (вообще забавно видеть, как эти и другие боливарские республики, всячески черня бывшую метрополию, территориальные претензии друг к другу выдвигают именно на основе ее административного деления). И вдруг — перспектива на нефть в спорных землях! «А-а-а, она вся наша, мы ее будем продавать англичанам!» — «А-а-а, вот вам: она вся наша, и это мы ее будем продавать американцам!» А рядом — главный интересант, самый ненасытный хищник в тех краях, Аргентина: «И не подеретесь, и не подеретесь! А если подеретесь — то нефть, кто бы из вас ни перебил другого, сможете продавать только через нашу

территорию и мы на этом заработаем жирный куш! Так что давайте, поскорее перебейте друг друга…»

Впрочем, Парагваю-то на Аргентину в историческом смысле сетовать не приходится: Бразилия, наиболее прогрессивная и гуманная из всех участников на момент ПРОШЛОЙ войны за Чако (а худшим из участников тогда была не Аргентина, но сам Парагвай), сохранила его, побежденный «в нуль», именно как буфер между собой и Аргентиной, сразу после победы предложившей разделить парагвайскую территорию…

О несостоявшемся повороте сибирских рек. Пожалуй, не согласимся, что это было время, когда человек почувствовал себя властелином природы, которую можно исправлять и перекраивать по своему разумению. Как раз это время уже миновало, в те годы имела место скорее имитация прежнего настроя… Люди той эпохи отлично помнили шестидесятническое освоение Сибири, Целину (реалии «Полудня», особенно марсианские, пронизаны именно этим энтузиазмом!) — и то, каким пшиком это закончилось. Потому следующая «замануха», БАМ, уже вызвала явственное отторжение, из-за пропагандистского флера лишь дополнительно усилившееся. Так что применительно к повороту рек «прогрессивная общественность» испытывала преимущественно протестные ощущения — и готова была их выразить в борьбе против официального замысла (любого). Увлечь ее можно было, лишь расширив направление атаки: да, за дополнительно продуманный в научном плане поворот — к которому прилагаются головы неофеодальных руководителей среднеазиатских республик, бороды «почвенников» (как обстриженные в петровское время боярские бороды), взлетающие в воздух обломки политбюрошного кресла Лигачева вместе с застрявшими в них клочьями его задницы… Вот тогда, на волне нового шестидесятничества, можно бы и в Полдень попасть!

Но мы сейчас живем в ином варианте реализовавшейся действительности…

Елена Ермакова

И снова — обзор рассказов старых мастеров.

Алфеус Хайат Веррил «Трагедия профессора Гендерсона»

Текст, который не может не напомнить Бенджамина Баттона («Загадочная история Бенджамина Баттона» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда), тем более что и написан он тоже в двадцатые годы XX века. Видимо, идея витала в воздухе. Но в энергичной научно-детективной оболочке, без ироничности и притчевости Бенджамина Баттона. Хотя нотки грусти в конце рассказа тоже присутствуют — предупреждение об опасности некоторых открытий (шутка ли — омолодиться до младенческого состояния и исчезнуть), которые поначалу кажутся такими привлекательными. Не слишком ли велика цена за открытие? Хочется отдать должное коллективу «Горизонта», который не только нашел этот текст, но осовременил перевод, собрал материал об авторе, который современному читателю неизвестен, да еще и о журнале «В мастерской природы», который впервые напечатал перевод рассказа, нам напомнил. Было очень интересно!

Алекандр Грин «Рынок всячины»

Поздравляю Нину Васильевну Полосухину и журнал «Горизонт» с поистине важной находкой! Александр Грин, мистическая зарисовка из жизни Петрограда 1918 года! Вот это да! Герой рассказа пробирается по узким улочкам и попадает на рынок, но рынок этот непростой. На нем продаются убеждения, привычки, углы зрения и прочие странности. Такое ощущение, что сам дух опасного, мятежного и непонятного революционного времени пришел на рынок и занялся жутковатой торговлей, продавая и покупая души. Замечательно, что рассказ-зарисовка нашел дорогу к читателю и не потерялся! Находка так находка!

Антон Сорокин «Послание Иуды»

Весточка из Омска, который столько всего пережил в 20-е годы XX века, приютил столько разнообразных судеб и точек зрения. В предисловии сказано об

«эксцентричной странности» Антона Сорокина по воспоминаниям современников. Видимо, этот текст — как раз то самое «странное» произведение. Исповедь Иуды — заложника судьбы, который всё на свете подвергает сомнению. Текст, который задает вопросы и не дает ответы. Неудивительно, что он будоражил сорокинское окружение. В контексте тогдашнего времени читать было очень интересно.

От редакции

Мы несколько лет назад были очень удивлены, узнав, что, кроме фильма «Загадочная история Бенджамина Баттона» (действие которого сдвинуто к современности), есть и рассказ, причем какого автора! Если же вернуться к Веррилу как современнику Фицджеральда, то теперь найти бы издательство, которое рискнет опубликовать его сборник (или серию сборников, включая «приключенческо-популяризаторскую» подростковую линейку: издание таких книг, кажется, сейчас сильно просело). У Веррила, конечно, многовато того, что теперь воспринимается как типичная «палп-фикшн»… но немало и сохраняющего литературную ценность по сей день!

Что до журнала «В мастерской природы», то это издание вообще одно из тех, которые подтолкнули нас к идее журнала «Меридиан» в его первом варианте (о «Горизонте» тогда еще речь не шла).

О Грине: безусловно, любой его «новый» (затерянный) рассказ — большая находка! А в сентябре, чтобы не давать два рассказа одного автора (даже Грина) подряд, мы познакомим читателей со следующей находкой — и за нее тоже спасибо Нине Васильевне Полосухиной!

О рассказе Сорокина: надеемся, его интересно читать и в контексте нашего времени…

Антон Сидорук

В комментариях на «Дзене» я как-то «разговорился» со случайным человеком, под случайной статьёй, концов теперь не найду. Но столкнулся вот с таким заявлением этого моего собеседника (скопировал его):

> «У человека более ста явных признаков неотении. Навскидку: 1) Шаровидный череп. 2) Тонкость костей черепа и их позднее срастание, что даёт большой мозг. 3) Недоразвитость надбровных дуг. 4) Уплощённое лицо (недоразвитые челюсти); маленький нос; маленькие зубы; маленькие челюсти. 5) Недоразвитое оволошение: волосяных луковиц не меньше, чем у обезьян, но они неразвиты. По оволошению человек чрезвычайно похож на недоношенного шимпанзе. 6) Недоразвитый позвоночник (отсюда прямохождение: позвоночник не выдерживает поперечной нагрузки при передвижении на четырёх конечностях). 7) Влагалище женщин, развёрнутое вперёд (ровно так же у эмбрионов обезьян), точнее, оставшееся развёрнутым вперёд, как у эмбрионов. 8) Менструальный цикл (крайне редкий у млекопитающих) как незавершённое развитие эстрального цикла. Список гораздо шире, но я не всё помню: там и иммунная система, и по внутренним органам многое… Неотения — вообще один из основных вариантов образования новых видов. У всех живых существ, далеко не только у человека».

Насколько, на ваш взгляд, данные утверждения могут быть верными?

От редакции

Пункты 1—4 приводятся как признаки неотении если уже не сто лет, то точно очень много десятилетий. Но, надо сказать, «шаровидный», точнее куполовидный, череп — поздняя особенность именно сапиенсов, за счет развития височных долей: дети даже ближайших человеческих видов развивались еще не так. Здесь же речь явно идет не о форме черепного свода, связанной с развитием мозга, а об отсутствии костных гребней, появляющихся при заматерении: это, да еще рост челюстей, превращает «круглую головенку» детеныша человекообразной обезьяны в страшную звероподобную башку взрослого «монстра», особенно если это самец. Кроме того, в п. 4 все верно, кроме одного подпункта: что такое в данном случае (применительно к человекообразным обезьянам) «маленький нос»?

П. 5: вот этот тезис интересен — никогда прежде о нем не задумывались! Действительно: не только недоношенные, но и просто новорожденные человекообразные обезьянята выглядят почти голенькими.

П. 6: вообще-то при бипедальной локомоции нагрузка выше. Скорее можно согласиться, что у детенышей еще не полностью развились те специализированные особенности позвоночника и таза, которые характерны для шимпанзе, прошедшего (как и другие современные приматы) свою эволюционную линию, и которых не было у последнего общего предка нынешних гоминин. Австралопитеки их тоже не унаследовали, но начали специализировать свой позвоночник к бипедальной локомоции. Кстати, маленькие дети бегают именно на четвереньках.

П. 7: у самок бонобо оно тоже развернуто вперед, так что они практикуют секс в «миссионерской позиции» (точнее, и в ней тоже: бонобо, если говорить об этой области их увлечений, большие затейники!). Пожалуй, в целом — отчасти так, поскольку разворачивание его назад есть, видимо, следствие увеличения роста (по сравнению с общим предком) при четвероногой локомоции. А размеры в наименьшей степени изменились именно у бонобо, «карликовых шимпанзе»…

П. 8: он имеет иную природу — и, похоже, связан с таким устройством плаценты, которая питает относительно крупный мозг. Сходная ситуация складывается и у тех редчайших видов млекопитающих, для которых он тоже характерен.

Так что неотения — один из важных и довольно распространенных путей эволюции, но все же не следует его абсолютизировать…

З. К. Х.

Не Лох-Нессом единым: в озере Шамплейн, в моем любимом Вермонте, тоже, как считается, водится озёрный монстр. Нет новостей о «Шампе»?

От редакции

Вы будете очень смеяться, но действительно совсем недавно, в июне этого года, появились новые кадры с предполагаемым «Шампом», которые эксперты называют самым убедительным визуальным свидетельством за последние почти 50 лет.

Кинорежиссеры Келли Табор (Kelly Tabor) и Ричард Росси (Richard Rossi) случайно засняли с воздуха крупный подводный силуэт в заливе Булвагга-Бей озера Шамплейн. Кадры высокой четкости были сделаны с дрона, а обнаружены позже, при просмотре на большом экране во время монтажа. 10-секундный ролик можно увидеть вот тут: https://www.youtube.com/watch?v=Dkpzfqlt3PI. Наиболее четкий стоп-кадр с комментариями — тут: https://www.adirondackexplorer.org/communities/local-filmmakers-footage-of-lake-champlain-monster-champ-goes-viral/.

Вы будете смеяться еще громче, но это случилось во время съемок вышеупомянутыми кинематографистами их детского художественного фильма «Lucy and the Lake Monster». Да, на тему встречи девочки и Шампа. Опровергателей это сразу же заставит думать о фальсификации, а нас — нет: как раз на озере, связанном с историями о «водяном монстре», съемки

кино об этом монстре выглядят совершенно логично — и шанс на то, что объект случайно попадет в объектив профессиональных камер во время одной из таких съемок, достаточно высок. Куда выше, чем вероятность его фиксации случайными туристами с их любительским оборудованием.

(Вот так и ленту Паттерсона — Гимлина сейчас пытаются очередной раз объявить подделкой на основании того, что известно уже многие десятки лет: Паттерсон и Гимлин, интересуясь темой бигфута, собирались снимать фильм о так называемом «происшествии в Обезьяньем каньоне», имевшем место за десятки лет до того. Приобрели профессиональную камеру, обзавелись или планировали обзавестись «костюмом бигфута», примерно столь же примитивным, как в огромном количестве других фильмов, включая современные… Сделали наброски того, как должен выглядеть персонаж в этом костюме… Предварительно договорились с одним из своих рослых знакомых, чтобы он в этом костюме или его пробной заготовке попробовал походить, о чем тот потом вспоминал, утверждая, что «Патти — это я!»… Но при этом они оставались энтузиастами поисков бигфута и, планируя фильм, ездили по «бигфутовским местам» — в ходе чего как раз произошла встреча.)

Эксперты, работающие с документальным сериалом «The UnXplained with William Shatner» с телеканала «History Channel», охарактеризовали эту запись как самое веское визуальное доказательство существования Шампа со времен знаменитой фотографии Сандры Манси (Sandra Mansi), снятой в 1977 году, а опубликованной в 1981.

О подлинности фотографии Манси ничего сказать не можем, о природе зафиксированного на ней существа, если снимок подлинный, — тоже (хотя бы потому, что непонятно, какая часть тела попала в кадр). Но о новой съемке скажем, что обликом и размерами существо напоминает кого-то из крупных осетровых рыб. И таковые в Шамплейне действительно водятся. Настолько больших осетров там прежде не фиксировали, но за пределы их рекордных размеров этот объект, пожалуй, не выходит.

Объясняет ли этот случай ВСЕ описанные наблюдения «Шампа»? Точно нет. Но эта тема достойна отдельного разговора…

Несколько слов дополнительно — вот тоже недавние и четкие кадры: https://www.youtube.com/watch?v=8DyWwQsNteo. Другое дело, что не видим, чему тут удивляться: снят явно кит (думается, скорее всего кто-то из некрупных усатых: возможно, малый полосатик или молодой горбач; но не исключен и какой-нибудь клюворыл, при таком ракурсе это трудно на 100% понять) — и именно там, где его вполне можно встретить.

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a8724d8ab983', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Татьяна Тихонова. У вас есть улица великанов?

Ну разумеется! У нас вообще многое что есть…

ТАТЬЯНА ТИХОНОВА MANUSCRIPT

Дом выходил рядами старой смородины к самому лесу. Двухэтажный и широкий, с сараями, слесаркой, угляркой и заброшенным коровником — в нём давно поселились голуби. Половицы в доме скрипели на все лады. Будто сзади кто-то шёл, останавливался вместе с тобой, готовый выглянуть из-за плеча и спросить, почему ты остановился. Пахло старым жильём, сушившимися по осени в кладовке яблоками, луком и чесноком, висевшими там же в связках. Остро несло мышами, скребущимися в стенах, бегущими и шлёпающими голыми лапами по холодному и старому, изъеденному жучком брусу.

Дед жил здесь в одиночестве. Всегда что-то мастерил. То ловушки для мышей, когда «эти маленькие твари объедали яблони», то игрушки, то вилы насаживал на новый черенок, а то вырезал деревянное кружево для ставен, ворот или качелей.

Игрушки у него выходили такие, какие обычно не приходит в голову и делать. Целыми и невредимыми у меня сохранились лишь три из них: мальчишка, шагающий на ходулях, клоун с грустными глазами и грустная же белка. Заводные. Мальчишка ловко перемещался на ходулях и крутил время от времени сальто, застывал на мгновение, обращал вправо и влево хитрое конопатое лицо и опять крутился. Клоун грустно разводил руки и кланялся. А белка вставала на задние лапы, водила носом и протягивала пушистую лапку, её взгляд будто спрашивал: «Ну, что с тобой, расскажи».

Когда мне не хотелось никого видеть и я прятался в пыльной заброшенной мансарде, то доставал их из коробки из-под пылесоса и усаживал перед собой. Забывал про них, вытянувшись на старом диванчике. И читал. Всё подряд. Потом «заводил» на полный, страшно скрежещущий завод белку и мальчишку.

Клоуна я не «заводил» никогда. Если же вдруг с ним решал поиграть кто-то из огромной ватаги двоюродных братцев и сестриц и клоун принимался грустно кланяться, я отбирал его и выключал. А потом и совсем спрятал с глаз долой в коробку на втором этаже, куда обычно поднимался только дед да я или бабушка, и то не в каждый свой нечастый визит на дачу. Жили они с дедом порознь, он круглый год — на «летней квартире», бабушка же любила жить на «зимней».

А ещё в мансарде стоял стол. Очень старый и очень обычный, письменный, из дуба. Это потом я обнаружил на нём сзади металлическую бляху с выгравированной надписью «1823 год, Генрих Гамбс и сыновья». Имя это мне ни о чём не говорило, но я невольно проникся уважением к потрескавшейся и потускневшей развалине, которую было не сдвинуть с места.

Когда дед умер, я долго не мог оставаться на даче один. Мне всё казалось, что старик бродит по дому, шаркает тапками, бормочет себе под нос, ищет что-то. Нет, я не боялся его, мне было грустно.

Однако прошло немного времени, и опять весной захотелось сюда. Тем более что цвели яблони, разросшиеся вдоль ограды вишни осыпались мелкими лепестками на землю.

К тому же свалилось много работы, нужно было закончить очередную статью, а дома случился ремонт. Каждый раз, когда я оказывался в гостиной со своим ноутбуком, бабушка, как привидение дремлющая перед телевизором, закутавшись в белую шаль и сложив руки на животе, говорила:

— Нет, наш Даниил никогда не женится. Никогда, Светочка. А какая Вероника хорошая девушка была… да и эта… предыдущая-то, тоже ничего… только болтливая больно.

Мама тихо вздыхала, надевала очки и опять принималась разглядывать листья бегоний.

И я вскоре перебрался на дачу.

Дом, холодный, промёрзший за зиму, нехотя подавался теплу, пошедшему от затопленной печи. Он, как старик, покряхтывал, поскрипывал суставами, но глядел веселее во все окна лампочками без абажуров. В дедовом кабинете было две лампы и два выключателя. Один патрон пустовал. Странно — при дедовой любви к симметрии и порядку. Доходило порой до смешного, и он вдруг переставлял кочергу симметрично с веником. Относительно ведра с углём.

Когда дом прогрелся, я поднялся на второй этаж. Прошёлся, постоял у окна. Сел за дедов стол. Мне вспомнилось, что я всегда хотел забраться в этот стол. И забирался. Дед лишь посмеивался, но один ящик неизменно был закрыт на ключ.

С одной стороны, нет ничего проще открыть дверь, если ты решил её открыть. Но тут полезло разное в голову: «дедова память», ворчливое бабулино «не к ночи будь помянут», но всё-таки я решительно ковырнул ножом замок, ещё раз, и он открылся.

Ничего. Только лампочка лежала в дальнем углу пустого ящика. Запасная, дед не успел вкрутить.

И я пошёл вниз с лампочкой, с чувством разочарования, исполненного долга, а ещё я подумал, что мне за взлом ящика причитается по первое число, как говорил дед. Крутил в руках лампу и не мог понять, что мне в ней не нравится. Потом решил, что она слишком толстостенна, не очень ровна, даже не очень симметрична. Как будто сделана вручную.

Да ладно. Не может быть. Но старик был охотник до освоения новых ремёсел, и я не удивился бы, обнаружив у него в столярке старый гончарный круг. А уж нагреть песок в его муфельной печи, где он обжигал как-то раз глиняную куклу для племянницы, раз плюнуть.

Был уже вечер, когда я решил, что спать буду в кабинете деда, улёгся на его кожаном диване с книгой и вскоре, заложив пальцем страницу, уставился на пустой патрон. Темновато. Попробовать эту странную лампу?

Лампу я вкрутил. И чертыхнулся, потому что стало темно. Ну, как чувствовал, что лампа подозрительная. Пробки выбило.

Я отправился на ощупь в кухню, к буфету, где всегда хранились свечи. В любом уважающем себя старом доме должны быть свечи. На блюдце с подсвечником, с оплавившейся в прошлое такое же происшествие свечой и коробком спичек.

Но буфета не оказалось на месте.

Я «поплыл» назад, на ощупь, как космонавт в невесомости, решив, что просто отвык от дома и ушёл не туда. Однако вскоре понял, что не могу отыскать дедову комнату.

Зазвонил телефон. Машинально я отправился на этот звук. Дед опять какой-то раритет прикупил, в каком веке так звонил телефон?.. Не было никакого телефона на даче!

Добравшись на звук, я растерянно обнаружил аппарат впереди себя, на стене. Трубка разразилась радостным в ответ на моё «слушаю»:

— Приветствую вас, милейший Даниил Константинович! А я ведь вам вот уже второй год дозвониться не могу, но характер у меня, как вы знаете, настырный…

Мои глаза тем временем осваивали темноту. Обнаружили длинный коридор с множеством дверей, обтянутые как будто тканью стены, двустворчатые двери в ближайшую комнату были раскрыты.

Послышались шаги.

А между тем голос в трубке возбуждённо вопил:

— Вы не представляете, Даниил Константинович, как я рад, что вы наконец

ответили! Я сейчас направляюсь в бюро! Как Катерина Павловна поживает?

Я рассеянно слушал этот голос и смотрел, как на меня плывёт фигура в старомодном платье до пят, шали и пятне света. Фигура подплывала всё ближе. Но страха не было, было вязкое ощущение, что я всё ещё дома, в дедовых тапках и его жилете, подбитом старой мерлушкой.

Фигура остановилась, и тут я уже испугался, что испугается она.

Невысокая старенькая, очень худенькая женщина смотрела на меня, держа перед собой канделябр из трёх свечей, горела только одна. Рука женщины мелко дрожала, а глаза её были удивительные. Захотелось немедленно её защитить от себя самого.

— Не пугайтесь, пожалуйста, — проговорил я, — не знаю, как я здесь оказался, сейчас же и ухожу. Наверное, это вас.

И протянул ей трубку.

Она не взяла её, покачав головой и улыбнувшись:

— Как вы похожи на Даниила Константиновича.

Между тем голос в трубке в своём восторге повысился ещё на одну октаву:

— Не слышу, Даниил Константинович? Повторите, пожалуйста!..

Я промолчал, не зная, что делать.

— Ну так как, заехать за вами? Я проезжаю сейчас по Оружейному мосту, в пяти минутах от вас!

Оружейный мост…

— Даниил Константинович — мой дед, думаю, вы его имеете в виду. А вы, вероятно, Катерина Павловна? — я опять протянул трубку собеседнице.

Она снова не взяла её.

— Меня нет дома, — ответила она. — Скажите этому господину. У меня нет сил вести пустые восторженные беседы. С тех пор, как Даниил ушёл в последний раз… Что с ним?.. Я всё боюсь погасить свет, вдруг он потеряет свою лампу или разобьёт, или случится ещё что-нибудь в этом духе…

Странное дело, она ведь вроде бы спросила меня, но своей мягкой скороговоркой сейчас будто не давала ответить, будто знала и страшилась ответа, стараясь остаться на своей спасительной стороне, где она ещё не знает ответ. Я продолжал молчать.

— …Выходите, через минуту я буду у вашего подъезда! — Восторженный голос отключился.

— Он заедет сейчас за мной, сказал, выходите, — повесил трубку я. — Екатерина Павловна, скажите, ради Бога, где я оказался?

— Идите-идите, — улыбнулась она глазами, посветлев лицом, — вот, возьмите Данин плащ, и шляпу, и зонт.

В подставке на полу она выбрала чёрный зонт-трость и протянула мне, пока я, кляня себя за нерешительность, натягивал плащ. Зачем я одеваюсь? Достаточно сообщить этой женщине, что дед умер два года назад, спросить, как пройти к лампе, и выкрутить её! Так нет ведь, я переобулся в ботинки из светлой кожи, с пуговицами на боку, надвинул шляпу, чудесную шляпу с небольшими бортами и мягкой округлой тульёй. Кивнул, как болван, и вышел за дверь.

Спустился по красивой лестнице, винтом уходившей вниз на два этажа.

На улице было тепло, темно, свет шёл лишь от фонаря на противоположной стороне улицы. Справа послышалось тарахтение. И света стало больше. Фары ослепили. Автомобиль остановился, продолжал тарахтеть, а водитель, сдвинув рыбьи очки на лоб, спрыгнул ко мне:

— Дорогой, Даниил Константинович! — он схватил мою руку и принялся её трясти, тут же сконфуженно её бросил. — О! Простите!

У него было совсем незапоминающееся лицо, пока он молчал. Правильное и светлоглазое, но какое-то сверхэнергичное, как только он открывал рот. Сейчас же восторженность его сменилась молчанием,

требующим ответа, так вытянулось его лицо. Я вздохнул и сказал речь, которую готовил, спускаясь по лестнице:

— Простите, мне неловко было прерывать вас. Я внук Даниила Константиновича, во всяком случае, мой дед точно носил это имя и отчество. Дед умер два года назад.

— О! Что вы говорите? — протянул незнакомец. — Я так обрадовался, что не дал вам сказать ни слова. Значит, вы внук. Как же так… умер. Боже, какое несчастье. Примите мои соболезнования.

— Благодарю.

— Значит, вы новый человек в наших местах. Дед вам ничего не рассказывал?

— Понятия не имею, что вообще происходит.

— Да, Даниил Константинович был человеком слова. Печальное известие вы нам принесли. Катерина Павловна… даже не представляю…

— Она ещё не знает.

— Понимаю, — кивнул водитель авто и представился: — Малинин, служащий.

— Рощин Даниил, журналист, — ответил я.

— Ну, коль уж мы с вами познакомились при столь печальных обстоятельствах, то я просто не имею права не задать вопрос, касающийся наследства. Что вы собираетесь делать с заводом?

Я не имел представления о заводе!.. Но промолчал.

— А! Вы ведь, верно, и прибыли сюда в связи с этим. Я мог бы показать вам его.

— Был бы благодарен, — поддакнул я.

— Да, но сначала заедем в бюро. Я улажу некоторые вопросы и возьму ключи от ворот. У вас, я так понимаю, их нет, — рассмеялся он. — Прошу в авто, господин Рощин!

Я забрался на узкое сиденье небольшого автомобиля с открытым верхом, был он непривычно узок. Большой бак впереди, под капотом, показался скрытым паровым двигателем. Сверху что-то захлопало. Я задрал голову, придерживая шляпу. Дно большого корабля проплывало над улицей. Дирижабль. Что-то сильно хлопало по его борту. Прожектор светил на носу.

Автомобиль тронулся, я вцепился в сиденье.

— Здесь недалеко! — крикнул Малинин. — Бюро давно работает и днём, и ночью. Ведь, сами понимаете, у одних сейчас ночь, у других — утро, а вопросы решать надо всем и срочно!

— А что за бюро, если не секрет? — решил для приличия хоть что-то крикнуть и я.

— Бюро оптимальных решений, восточное отделение.

Стало ещё непонятней, я решил больше ни о чём не спрашивать и замолчал, вспоминая Екатерину Павловну. Если я попал в какое-то наше прошлое, то даже в этом случае она нисколько не походит на мою бабушку. Совсем другое лицо, даже если предположить, что эта женщина моложе… Да она совсем другая…

Тут мне показалось, что я забрался не в своё дело.

И стал смотреть на реку, мелькавшую между перилами моста. С моста на реку светил фонарь. Внизу плыла огромная баржа с лесом, густое облако дыма тянулось за ней. Над баржей очень низко шёл всё тот же хлопающий снастью дирижабль.

Проехали мост, свернули в плохо освещённый переулок. Остановились, и Малинин сказал:

— Будьте добры, подождите немного в приёмной, я скоро вернусь.

Раздался протяжный низкий гудок с неба. Мы уставились наверх. Дирижабль с носом нарвала, узкий и вертлявый, на приличной скорости пересёк улицу, вильнул между трубой, может быть фабричной, и водонапорной башней и исчез за крышами соседних домов.

— Активное движение. Для таких махин положен целый свод отдельных правил, — сказал я, сунув руки в карманы и глядя в небо.

— Ещё бы уважаемые водители этих махин исполняли бы их! Полиция едва успевает за ними, так быстро они улепётывают, — кивнул Малинин.

Он скрылся в одном из кабинетов, я же уселся в кресло, сняв шляпу и запахнув полы плаща. Был я в свитере и домашних штанах, в которых и полез вворачивать злосчастную лампу. Смешно, дедовы замечательная шляпа и ботинки к ним не шли, но будто делали приемлемыми.

Приёмная выглядела так, словно я попал век в восемнадцатый — как я его себе представлял. Дубовые панели, под золото — ручки дверей и стрелки в напольных часах с боем, ковровые дорожки — в коридоре, видневшемся в приоткрытую дверь. Свечи-бра на стенах и большая люстра — под потолком, наверное, на сто свечей. Пахло немного воском, резко — одеколоном, а вообще — обычной канцелярией. Я всячески вертел в голове услышанное от Малинина название и никак не мог решить, чем всё-таки занимается это бюро.

— Потрясающе, — проговорил господин в одежде офицера русской армии, не рискну утверждать, какого века, а он продолжал, расстегнув верхнюю пуговицу мундира, — дел натворили, а теперь — смотрите, Анатолий Алексеевич, и нам рассказывайте. Нет, я понимаю, что я за это хорошо получаю, гонорары здесь неплохие и в валюте реального времени… Но я же человек, я чувствую себя ответственным!

— А что, собственно? — Я повернулся к нему, но можно было и не спрашивать, он сам рвался поговорить.

— Я, знаете ли, историк, много лет изучаю движение декабристов, дело всей моей жизни, если вы меня понимаете. И вот, когда вышла в свет моя книга «Что если бы…», когда на неё зашикали критики: «Утопия, бред больного балалаечника» и прочее, ко мне пришёл господин и предложил… — военный замялся, но всё-таки выпалил: — Попробовать воплотить в жизнь!

— Хм, — сказал я.

— Вот именно! Но он сумел меня убедить. Чёрт знает, как им это удаётся! Но я поверил… И что вы думаете?!

— Ничего не думаю, простите.

— Я, смеясь, соглашаюсь. Мне переводят на счёт очень хорошие вступительные… потом я что-то там подписываю, и мне вручают лампу. Для связи с бюро, они это так называют. Всё! Теперь я должен жить, слушать и читать новости, гулять по улицам, и рассказывать им, и писать, э-э… мемуары…

— И что? Как это удалось? Извините, не читал вашу книгу.

— Много, знаете ли, ходило разговоров об этом. Я предположил просто, что время заседания в сенате не было изменено. Присяга новому императору не была принесена раньше времени, а декабристы всё-таки захватили сенат…

Он замолчал.

— И что? Что дальше?

— Ничего. Сенаторы тянули время, Оболенский не решался перейти к решительным действиям, потом был опять смертельно ранен Милорадович, опять отправившийся на переговоры… за это время подтянули артиллерию…

— Залп дали до наступления темноты… — Всегда думалось, а смог бы я сам так же — в каре, на площади. И никогда не мог ответить.

— Да.

— Жертв больше или меньше? — Я посмотрел на соседа.

Тот внимательно поглядел на меня:

— Меньше, солдаты без офицеров оказались сговорчивее. Но… это ужасно, аресты ещё только начались!

Вышел Малинин, скользнул взглядом по моему соседу, быстро мне кивнул. Я попрощался с военным, который очень неодобрительно смотрел на Малинина.

Автомобиль по-прежнему тарахтел, но фары погасли. Рядом стоял мужик с ведром

в одной руке и керосиновой лампой в стеклянном колпаке — в другой.

— А, каналья, опять ты с пустым ведром! — расхохотался Малинин, хлопнув по плечу мужика.

— Думайте о хорошем, мистер Робинсон, — мужик посторонился, фонарь над подъездом бюро осветил его. Джинсовый комбез, кроссовки, русая аккуратная бородка. Бейсболка меня добила, и я отвёл взгляд. А «каналья» продолжал ровным меланхоличным голосом: — Придётся вам ехать в темноте. Ацетилен кончился, — и протянул лампу мне, — будете светить.

— Поехали! — крикнул Малинин, я уже сидел на своём месте, держа лампу и с опаской поглядывая на бак.

Опять мы понеслись по тёмным улицам, но скоро дорога вышла за город, потянуло свежестью, лесом, трещали сверчки. Месяц, звёзды… Да, здесь август, не меньше, но прохладно, как во второй его половине.

Вскоре дорога стала хуже. Колдобина на колдобине. Машина свернула и остановилась у обочины.

— Теперь совсем недалеко, прогуляемся, погода хорошая. — Малинин-Робинсон снял очки, перчатки и потёр ладонью усталые глаза.

— Пойдёмте, конечно, — сонно согласился я, хоть уже давно, километров двадцать назад, понял, что не рад своей затее посмотреть дедов завод. Да какой там завод, я, разумеется, не верил, что он был на самом деле!

Но последовал за Малининым, скоро нагнал. Шагалось по широкой наезженной просёлочной дороге легко, легко дышалось, и было грустно.

— Знаете, с этим заводом одно недоразумение, — нарушил молчание Малинин. — Даниил Константинович долго сопротивлялся, взялся без энтузиазма, так оно всё и вышло.

— Так это не его завод?

— Завода вообще не было. Была лавка, небольшой магазинчик, где Даниил Константинович изредка продавал свои игрушки, а чаще дарил. Там же он их и делал, в задней комнате. Он очень не хотел соглашаться на моё предложение.

— Какое предложение?

— Поставить дело на широкую ногу! — воскликнул восторженно Малинин-Робинсон, не удивлюсь, если узнаю, что за ним числится ещё не одна фамилия, настолько многоликим он мне стал казаться. — Игрушки у него выходили замечательные, он в них вкладывал душу. Все, знаете ли, думают — вкладывают и вкладывают, что тут такого. А у него они оживали от твоего приближения, будто радовались именно тебе. Поэтому он и оказался здесь.

— Где — здесь? Как называется это место? Этот ваш каналья с пустым ведром в бейсболке меня совсем выбил из колеи, — сказал я.

— А вы поняли, что это андроид? — рассмеялся Малинин. — Он каждый раз повторяет фразу: «Думайте о хорошем», поэтому я его и купил у хозяина! Никак не называется это место. Есть масса предрассудков, что если дать название непонятному, как оно тут же исчезнет! Понимаете, вот когда начинаешь говорить о чуде вслух… вот, вот сейчас, как только я сказал это, разве вам не захотелось усмехнуться?! — Робинсон повернулся ко мне, лицо его еле угадывалось в свете моей керосиновой лампы, которой я шёл и размахивал, совершенно позабыв про неё.

— Не захотелось, — буркнул я, хотя чего уж там, захотелось, из уст этого мистера Робинсона в его клетчатом коротком плаще-пончо слово «чудо» прозвучало особенно нелепо.

— В общем, здесь ничто никак не называется. Только вот так неопределённо, не прорисовывая до конца. Нашёл Даниила Константиновича я, — не без пафоса произнёс Робинсон, — пригласил пожить в будущем. Бюро дало подъёмные. Подыскали ему квартиру, заброшенный эллинг. На подъёмные он нанял работников. Здесь очень много хороших механиков, сами видите, машины здесь любят. Все эти гончарные круги, стеклодувные мастерские, печи для обжига, ткацкие и прядильные

станки он собирал по всей округе, благо этого здесь хватает. И улица гончаров, и гильдия стеклоделов, и кузнецы — все были рады помочь ему. Потому что его игрушки уже славились по всем закоулкам этого города… мастеров. Что удивительно, он и слышать не хотел о штамповке, только ручная работа.

Игрушки хорошо пошли на продажу. И в вашем мире есть несколько мест, где мы их реализовали. Кто не верил в чудо, считал их заводными, кто верил — называл чудесными. Дело пошло в гору! Хотя… Даниил Константинович не интересовался этой стороной, он бежал от меня как от огня, деловыми вопросами занималась его помощница… конечно, мне было обидно! Но что об этом теперь. Да, я просил его расширить производство, добавить станков, увеличить ассортимент!

— Может… он боялся. Что его игрушки станут другими. Хотя, знаете, вряд ли он думал об этом вообще, дед просто уходил в себя, когда его что-то захватывало. Он не мог думать ни о чём другом.

— Но… это же совершеннейшая нелепость, человек должен ещё на что-то жить!

Я промолчал. То же самое иногда говорила бабушка, но «жить» в понимании деда было какого-то другого свойства. Это не плохо, не хорошо, просто так было.

Мы остановились. Дорога подходила прямо к воротам, высокий забор терялся в темноте.

За оградой виднелась куполообразная крыша эллинга.

Робинсон достал большой ключ, вставил его в замочную скважину, замок щёлкнул.

Загавкала собака. Тонко, будто только проснувшись. Вылетела в прореху открывшихся ворот. Маленькая и облезлая, шерсть на ней торчала клочьями. Собака грозно принялась скрести землю задними лапами, при этом продолжая судорожно, спросонья лаять.

— Пиранья, фу! — вслед за собакой появилось существо, закутанное в большой мужицкий тулуп.

— Здравствуй, Гаврик! — сказал Малинин-Робинсон. Гаврик буркнул что-то непонятное, но приветственное. — Познакомься, Гавриил, это Даниил Рощин, внук Даниила Константиновича, наследник, одним словом.

Я поднял лампу высоко, лица наши все были хорошо освещены: и конопатое славное лицо Гаврика, и отчего-то подмигивающее в этот момент лицо мистера Робинсона.

— Может быть, наследник сумеет всё-таки открыть цех, — сказал он.

Я усмехнулся, получается, ключа от ворот маловато.

Гавриил в своём тулупе пошёл впереди нас. Но пошёл не к эллингу, а к сторожке — крепкому дому, метра три на четыре. Всё добротно, с любовью, узнаю работу деда. Гаврик вышел тут же и подал мне ключ. Большой, гаражный, но как из прошлого века, похожий на золотой ключик.

— Даниил Константинович просил передать только тому, кто назовётся его именем, — неприветливо скребнул взглядом Гавриил по лицу Робинсона.

— Может, я соврал, — улыбнулся я.

— Пускай и соврали, да только лицо одно, — разулыбался в ответ Гаврик, скинул тулуп и «посадил» его на лавку возле сторожки, оставшись в подвёрнутых на треть джинсах и обычной толстовке.

— Так-так-так, Гавриил, — укоризненно и сухо сказал Малинин-Робинсон, — а мне ключ не отдал. Нехорошо, друг мой.

Гаврик ничего не сказал, отправился к эллингу.

Я и ворчащий Робинсон пошли следом. У самых дверей Гаврик забрал у меня лампу и быстро шепнул:

— В чужих руках ключ не заработал бы, неа, хозяин с ним на улицу заговорщиков ходил два раза.

— Понял, — кивнул я, хоть ничего и не понял и хотелось смеяться, но держался серьёзно.

Подошёл к своему собственному заводу как-никак.

Услышал, как провернулся ключ, щёлкнул замок. Но ничего не произошло. Послышался шорох с той стороны. Я навалился, толкнул. Чем-то припёрто. Я толкнул ещё раз. За дверью грохнуло.

— Разрешите вам помочь, господин Рощин! — Робинсон было упёрся обеими ладонями в дверь.

— Не разрешаю! — рявкнул я.

— Напрасно! — он ещё что-то говорил, но я его уже не слушал.

Дверь наконец подалась, что-то поползло вместе с ней внутрь. Пространство эллинга еле охватывалось светом от лампы, но в окна на потолке светил месяц. Угадывались какие-то помещения, перегородки.

По проходу удалялась огромная фигура огромными шагами. Я растерянно оглянулся на Гаврика и Робинсона:

— У вас есть улица великанов? Стой!

И побежал вперёд. Зачем мне было бежать за ним… Что я стал бы делать, нагнав… Никогда в такие минуты не думаешь об этом. Фигура перемещалась очень быстро, вскоре свернула за угол, маленькая голова и плечи чудовища прыгали над перегородками.

Я видел, что Гаврик побежал навстречу верзиле, поэтому прибавил хода, насколько мог. Что если мальчишка выскочит на него быстрее…

Я свернул. Увидел, как верзила опёрся руками в перегородки. И вдруг всей махиной повалился вперёд, в полный рост.

— Ох, ты ж… — проговорил я сочувственно. — Какой кульбит!

— Ходули! Так и думал! Но горазд! Молодца! — торжествующе выкрикнул сзади запыхавшийся Малинин.

Я посмотрел на Малинина. Поймал себя на том, что никак не могу определиться, кем мне его считать — Малининым или Робинсоном. Пройдя дальше по проходу, светя лампой, я действительно обнаружил ходули. Ещё дальше мне встретился Гаврик, озабоченно снующий по проходу в темноте.

— Давай посвечу.

— Убежал он!

— Ладно, я пошёл направо, а ты налево…

— Нет, я направо!

— Вот она! — раздался крик Робинсона.

Он светил карманным фонариком. А я с этой лампой ношусь.

И правда она. Забилась между двумя ящиками и теперь щурилась в свете фонаря и лампы. Лицо сильно разбито. Гаврик отпихнул наши руки с осветительными приборами.

Девушка, лет двадцать пять, в коротком мужском полупальто, в мужских штанах и старом бархатном жилете. Из носа и губы текла кровь, заливая клетчатую рубашку. А глаза были хороши, так хороши, что я невольно вспомнил Катерину Павловну.

— Вы целы, не расшиблись?! Я потрясён! — воскликнул Малинин. — Как вы оказались в цехе, Ольга? И зачем, мой Бог, зачем?! И эти ходули! Познакомьтесь, Рощин Даниил — наследник! Ольга Рощина — незаменимая помощница вашего деда и… также наследница, что, кстати, объясняет, как вы оказались в цехе, — последнее он произнёс не очень уверенно.

Девица ничего не ответила и вызывающе покосилась на меня.

Я покачал головой:

— Нет-нет, я претендовать не буду, только помочь! Да и что я могу здесь делать, дед был мастер, а я… Давайте руку, что вы между этих ящиков, ведь не звери мы какие-нибудь.

Я протянул ей руку. Она решительно ухватилась за неё, легко поднялась, поморщилась, но независимо вздёрнула подбородок:

— На что, простите, вы претендовать не будете? Почему был? — губы Ольги дрогнули. — Даниил Константинович жив.

— Дед умер два года назад. Я присутствовал на его похоронах.

Девушка молчала. Появилось предчувствие бурных слёз. Но всё, кажется, обошлось, и только покраснел нос. И глаза стали зелёными-зелёными.

— Оставьте меня, — громко сказала Ольга, будто мы её все держали.

Гаврик опять отпихнул мою руку с лампой, я всё время невольно пытался что-то осветить. Девушка пошла к выходу, она почти бежала.

— Кто она всё-таки? — спросил я, не оборачиваясь, у Малинина.

— Приёмная внучка Даниила Константиновича, внучка Екатерины Павловны, родители её погибли, так что ваш дед ей заменил и отца, и деда, — сказал негромко Робинсон, слышно было, что он улыбается.

— Да чему вы улыбаетесь?! — разозлился вдруг я и крикнул: — А почему на ходулях-то, Оля?

Но она уже выскочила за дверь.

Робинсон продолжал улыбаться, а я пошёл между ящиками, коробками, ровными рядами тянувшимися сразу от входа. И остановился. Стоял какой-то неумолчный гул, шорох.

— Готовая продукция, — проговорил Малинин, удаляясь в свете фонаря вглубь эллинга.

Я приложил руку к ящику. Шорох явно доносился отсюда.

— Гаврик! — позвал я.

— Тут я, — ответил сзади мальчишка.

— Ты слышишь? Что происходит?

— Это игрушки.

— Но… почему?

— Живые, — пожал плечами мальчишка, однако видно было, что ему не по себе.

Мы пошли вдоль ряда.

— Я туда не пойду, — сказал вдруг Гаврик и остановился. — Там всегда сильно стучит.

Из самых высоких коробок слышался стук. Он становился всё громче. Потом скрежет. Потом опять стук.

— Что там у вас такое? — крикнул Малинин откуда-то слева. — Господа, здесь в коробке что-то шевелится!

Стучало в ящике прямо передо мной. Ящик был не мал. Мне по грудь. Стук, скрежет…

Звук настойчиво повторялся.

Тонкие доски выперло.

Появилась щель.

Опять стук, опять скрежет.

В свете фонаря в щели мелькнул витой рог и белая голова с выпуклыми грустными глазами. Опять топот, опять мелькнул рог.

Я стал отдирать доски. Красавец. Белый единорог. Он гарцевал на месте, вскидывал сухую красивую голову, опускал её до полу, выбрасывая вперёд тонкую ногу. Опять гарцевал, опять вскидывал голову. Незаметно двигался вперёд. Вот рог пробороздил по мне, и я очнулся.

Ожили все ящики. Они шевелились.

— Ходули! — вскричал я. — Гаврик, забирайся на Ольгины ходули! Робинсон!

— Понял!

Гаврик справился с ходулями быстро, пока я метался от коробки к коробке, пытаясь угадать, кто там. Мишки, зайцы, куклы… я обнаружил их изображения на ярлычках, аккуратно наклеенных сбоку.

Эти были маленькие, и вред нанести они могли только себе, приведя в нетоварный вид, взбив причёску подружке, выбив ей стеклянный глаз или вырвав клок шерсти у соседа. Единорог шёл за мной по пятам, и, если я медлил, он ощутимо меня поторапливал.

— Здесь должны быть ещё ходули, должны!

— Нашёл! — крикнул Гаврик от самых ворот эллинга.

Ну конечно, мы их приняли за обычный строительный хлам.

Забравшись на ящик, мы с Малининым взгромоздились на ходули и замерли, еле удерживая равновесие, между ящиками. Шум стоял такой, что не слышно было друг друга.

Но скоро стало тише.

Вот и единорог перестал скрести рогом по ноге моей правой ходули.

— Чёрт! — воскликнул Малинин, устало повиснув на руках. — Я так долго не продержусь и не уверен, что могу сделать хоть шаг! Представляю, что творится в коробках! Как теперь это продавать?!

— Надо двигать отсюда, — сказал я, рассмеявшись, — будем учиться ходить.

Гаврик в это время быстро перемещался по проходу. Уже успели выбраться почти все единороги, пара гигантских лемуров. Лошадка-качалка скреблась-скреблась напротив нас из коробки, да так и остановилась на полдороге. Мелькала вихрастая голова великана-Гаврика. Начинало светать. Первые лучи солнца осветили нас.

— Это прелестно, — пробормотал Малинин, щегольские его рыбьи очки сползли набок, фонарик валялся внизу и был раздавлен его собственной ходулей.

Лампа… Я лихорадочно стал её искать глазами. И перевёл дух — лампа аккуратно стояла на краю ящика и уже погасла. Удивительная аккуратность для меня в такую минуту… да, старею… или умнею… а может, это дед, как всегда, присмотрел за мной…

Мы тепло попрощались с Гавриком. Я наказал ему плюнуть на всё и хорошенько выспаться. Пиранья ласково вилась вокруг ног и гавкала, захлёбываясь теперь от радости.

Возвращались молчаливые, усталые. Двигатель давно заглох и, конечно, не завёлся.

— Как вас звать, наконец скажите? — спросил я.

Мы шли по краю поля к городу. Плащ я давно снял и нёс теперь, бережно сложив и перекинув через руку. Малинин тоже снял плащ, рукава своей белой рубашки он закатал, но это рубашку не спасло.

— Иван.

— А Робинсона — Джон.

— А Лаута — Ганц, — съязвил Малинин.

— Будет вам, не злитесь, — рассмеялся примирительно я, — слышать, что у человека две фамилии, не очень приятно.

— Какое вам дело? — огрызнулся Иван.

— Вы правы.

— Извините, кажется, я принялся хамить.

— Принято.

— Что вы думаете делать с заводом, Данил, позвольте полюбопытствовать?

— Сначала разберусь, что там внутри этих игрушек.

— Это чудо, — поморщился Малинин, — не надо его разбирать на винтики.

— Если чудо, то ему это не повредит, если нет — разберу, — упрямо сказал я. — А продавать не буду.

— Чем же вы будете платить работникам, господин альтруист? — усмехнулся Малинин.

— То, что уже готово, продадите, так и быть! — крикнул я, да, я злился, потому что не видел выхода. — Но ровно столько, чтобы мне раздать долги, а потом… потом… А я не знаю, что будет потом!

— Да вы авантюрист, батенька!

— Это вы авантюрист, Малинин. Возомнивший себя меценатом. Что у вас там с декабристами?

— А-а, нажаловался господин! — буркнул Иван. — Ничего особенного. Вариантов прошлого прорва. В одном из них восстания декабристов нет вообще! Что изменится оттого, что в одном из прошлых оно пройдёт по другому сценарию? А вдруг какой-то из них даст отсутствие войн следующего столетия?!

— Мороз по коже. Кто вы? — сказал я.

— Из одного из вариантов будущего! — улыбнулся Малинин и покосился на меня в ожидании. — Ну?

— Чего вы ждёте? — вредоносно скривился я. — Благодарностей от лица подопытных кроликов? Не дождётесь. Поставить на поток чудо!

— Да вы ведь в него не верите.

— Не верю! — вызывающе выпятил я вперёд фамильный дедовский подбородок.

И мы устало рассмеялись, продолжая размеренно месить пыль.

— Знаете, — через некоторое время сказал Малинин, — попробуйте сделать то, что заставит хоть одного человека улыбнуться. Улыбнуться и обернуться. И не забыть себя ещё долго. Это ведь само по себе чудо. И я приду к вам за ним. Ну, или не я, а кто-нибудь ещё. Здесь, в будущем, мы очень здорово вдруг почувствовали, что где-то в прошлом перестали верить в чудо, стали меньше улыбаться… не хохотать, нет… а улыбаться.

Я промолчал.

В город попали уже к обеду.

Чай мы пили в столовой, очень светлой и солнечной. Чашечки прозрачные и белые светились… А Оля так и не появилась.

В ответ на мою попытку найти нужные слова Екатерина Павловна тихо сказала:

— Ничего-ничего, Данилушка, я соберусь. Всё будет хорошо. Я ведь чувствовала, что его нет, но всё как-то…

Она махнула рукой и замолчала.

Вскоре я попрощался и выкрутил лампу.

И замер посреди комнаты. Здесь было утро. Ощупал карманы дедова плаща, в котором так и отправился домой. В кармане торчал заяц. Как и все дедовы игрушки — с добрыми и грустными глазами. Пушистый и замечательный, оживающий только от твоего присутствия или прикосновения — у него не было «завода», как у тех игрушек, что остались у меня. Поэтому заяц был основательно связан и лишь жужжал. Покажу его нашему Бомбе, уж если и он не поймёт, что к чему здесь…

— Да вот же, всё очень просто, — пробормотал Бомба, в быту Славка Козинцев, умник, очумелые руки и просто мой старый друг по университету.

Он прощупал зайца, вспорол пух в месте, которое ему не понравилось. Я и пикнуть не успел.

— Ты же говорил, разберись, — покосился он на меня, видимо, я всё-таки какой-то возмущённый звук издал. — Так вот. Датчик тепла, но хитрый, не просто на тепло реагирует, но и, похоже, на пульс или что-то в этом роде. Вот смотри…

Он вставил датчик обратно и стал изгаляться над зайцем. К печке, от печки, мы выбегали из кухни и заглядывали, ставили видеозапись… А зайчик всё шевелился.

— Из чего он у него сделан, этот датчик?! — вошёл в раж Бомба.

— Да всё просто, — сказал я.

Зайчик в это время проводил по своим мягким ушам лапами и смешно смотрел на нас из-под ушей. Я вынул датчик. Зайчик замер.

— Мне достаточно, Слав.

Я ушёл расстроенный. Вечером уехал на дачу.

Поднялся в мансарду. Достал клоуна. Поставил на стол и сел, сложив руки перед собой, кулак на кулак, упёршись подбородком в большой палец. Поймал себя на том, что сижу один в один как иногда сидел дед.

От моих шагов ли, от встряски ли щёлкнула не развернувшаяся когда-то до конца пружина в клоуне. Что-то заскрипело-заскрежетало в нём. Старик развёл руки, его грустное лицо улыбалось. Он поклонился. Так и застрял.

Через два дня я опять вкрутил лампу.

И подумал, что у Малинина получилось.

Я опять иду туда, улыбаюсь как идиот, вспоминая себя на ходулях, мечтаю починить клоуна и зайца и думаю, что таки придётся научиться ходить на ходулях.

Потому что ещё не придумал, как не повредить игрушки, когда вновь приду туда.

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a8724dea14d6', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Ника Батхен. Из цикла «Сердобольные горожане». Дудочка. Большая сцена

Новый цикл, на сей раз об оборотнях Сортавалы. Каждую его новеллу, прозаическую или стихотворную, можно читать и по отдельности — но лучше не забывать и о других. Продолжение очень даже следует!

НИКА БАТХЕН MANUSCRIPT

Дудочка

Русалки из Сортавалы красивы, как сны Суоми,
Солома волос богатых, очей ключевая синь.
Такая не сядет в лодку, такую не спрячешь в доме,
Такая ныряет в бурю, жемчужным хвостом форсит.
Русалки играют в прятки, русалки поют ночами,
Охотно вплетают в прядки трофейные ордена,
Мужчины для них — игрушки, не стоящие печали,
Не стоящие и нити речного веретена.
Русалки сидят по барам, фланируют по бульварам,
Танцуют призывно в парке, подманивают на ром.
Целуют своих счастливцев на зависть никчемным парам,
Вонзают поспешно когти в просвет под шестым ребром
И тянут на дно любого, кто прелестью их пленился,
Кто фоткал на телефончик, выклянчивал номерок.
Русалка любого топит… пока не находит Нильса,
Бродягу с безумной флейтой, мальчишку, который смог.
Он знает слова свободы, он видит любую деву,
Неважно, с хвостом, с крылами, с корабликом на груди.
Он любит хватать в полете, кружить и счастливой делать,
Он полон любви по горло, не надо его судить.
Русалкам нельзя влюбляться, у них тогда тает сердце,
И хвост переходит в ноги, и голос течет рекой.
Им надо ловить понурых, плевать на тоску сентенций,
Волной поцелуев рушить унылый земной покой.
Русалка находит Нильса, русалка берет и тонет,
Неделю или другую кувшинкой в пруду цветет,
Живет человечьим жаром, как бабочка на ладони

Сидит и трепещет нежно. И помнит, что всё пройдет.
Видали в июле пену у берега Ворссунсалми?
Гуляли по Сортавале, считая грехи свои?
По шхерам разносит ветер заливистый смех русалки,
На мокрой скамейке сохнут жемчужинки чешуи.

Большая сцена

Слой опавшей листвы оказался удивительно тонким. Она пахла печалью и нежностью, забытыми воспоминаниями и последними поцелуями на вокзале. Она являла собой волшебный ковер — скажешь: «Сим-салабим» — и летишь себе в город Багдад насмехаться над колдуном из Магриба. Она опять не влезала в мешок — придется идти в дворницкую за новым. И снова шурх-шурх метлой по дорожкам, вдыхая осень, касаясь пальцами струн, сотканных из тумана и света…

У Димитрия Муравьева было две беды — гитара и богатая фантазия. Вторая доставляла немало хлопот: и жена, и дочки полагали его выдумщиком, если не сказать хуже. Первая же с недавних пор перестала злить благоверную — потому что стала приносить деньги.

…Музыкантов в Сердоболе водилось не то чтобы много, и, когда на набережной открылось пафосное арт-кафе в петербургском стиле, оказалось, что красиво играть там некому. Выпускники музыкальной школы в большинстве своем не отличались творческим воображением, виртуозы народных инструментов не давали нужного вайба, звезды из северной столицы стоили дорого, вели себя разнообразно и зачастую не окупались. Арт-директор, он же владелец нового заведения, тонкий и звонкий брюнет Бронислав, оббегал всё, что мог: Дом культуры, загс, три ресторана, побывал даже в похоронном бюро и отовсюду вышел несолоно хлебавши. Наконец владелец одного скандального паба посоветовал отыскать Диму Анта — был, мол, такой рок-музыкант в городе, неудачно женился, погряз в семейных заботах и играть перестал. Но попробовать стоит: вариантов-то нет.

Музыкант обнаружился в дворницкой — связывал новую метлу, мурлыча под нос что-то похожее на «Дым над водой». Высокий, немолодой, полноватый, несколько даже обрюзгший дядька с впечатляющей лысиной, носом-картофелиной и щербатой улыбкой, светлой, как у ребенка. Представить его на сцене Бронислав не мог от слова «совсем». Но спросил. И получил ответ: да, мол, было дело, игрывал, веселил народ.

— А сейчас? — вздохнул Бронислав.

— И сейчас могу, — подтвердил Дима. — Гитару только подключу. Любимая у меня расстраивается, когда я дома играю, обещает продать или выкинуть инструмент, в подсобке от греха прячу.

Пустая трата времени… Или нет? Бронислав увидел, как из потрепанного клетчатого кофра явился Фендер — немолодой, но не потерявший голоса. Грубые пальцы осторожно подкрутили колки, коснулись струн, и на свет родилась мелодия. Звуки города, трамваи, колёса, колокола, движение прочь, движение к цели, одиночество человека в толпе, биение сердца, прорывающееся сквозь обезличенный шум…

— Спасибо, достаточно. Сколько вы берете за вечер? Два выхода по сорок минут, на выходных, если много народа, — три выхода.

— Прямо не знаю. Дело хлопотное, небыстрое, опять же царица моя не любит, когда поздно домой прихожу.

— Не набивайте цену, не люблю. Заведение новое, миллионы брать неоткуда.

— Тысяча за вечер не очень много?

— Две. И ужин. Согласны?

— Пробуем.

Дима застенчиво улыбнулся.

Чуть подумав, Бронислав протянул пару купюр:

— Купите себе темные джинсы, рубашку стильную. И постригитесь, конечно же. И одеколон не забудьте. Пьете?

Дима дернул щекой:

— Навсегда завязал.

Именно водка однажды изменила жизнь беспечного музыканта. Единственный сын бесконечно любящей матери-одиночки, он рос тепличным цветком, идеально приспособленным к творчеству. Музыкальная школа, хор, рок-группа в девятом классе, первые свои песни. Ленинград, Рубинштрассе, компания дерзких парней, Фендер, подаренный за удачный концерт одним знаменитым рокером. Первый альбом в двадцать два — записанный на Петроградке, в подвальной студии, на кассетник. Дима Ант сделался именем, его узнавали, начали приглашать — в Выборг, в Москву, в Нижний. И везде наливали как взрослому, и это нравилось, помогало не стесняться, не чувствовать себя неудачником, волей капризного случая вознесенным к вершинам славы. А потом был рок-фестиваль «Дети Цветов», и море водки, и компания разношерстных девиц. С одной из них, юной и безотказной, Дима проснулся утром в палатке. И утонул в море слез: кошмар, он лишил бедняжку девственности и забыл про резинку. И ей семнадцать, и мама убьет, и домой теперь не покажешься!

Ответ напрашивался сам собой. Своего отца Дима не знал и хотел, чтобы с его детьми подобного не приключилось. «Выходи за меня замуж». — «А ты меня любишь? Правда-правда? Обещаешь, что любишь и будешь любить всегда?» — «Обещаю», — подтвердил Дима, понемногу трезвея.

То, что Эллочке двадцать три, выяснилось уже в Сердоболе, в загсе. Через пять месяцев после свадьбы она родила Диану, точную свою копию, рыхловатую, белобрысую и скандальную с первых дней жизни. Через два с половиной года — Агату, худющую, узкоглазую, похожую на восточную пери. И наконец появилась Ева, единственное дитя, в котором Дима видел свои черты, свою тонкость и чуткость, склонность к творчеству и богатое воображение. Возможно, поэтому Эллочка не… Что вы, просто была чересчур занята возней со старшими девочками, и на младшую не хватало сил. И постоянно требовала доказательств любви всеми возможными способами. В особенности материальными.

Мать Димы к тому времени внезапно вышла замуж в Финляндию и поддерживала множащееся семейство оттуда. Эллочке удалось выгодно продать их семейную дачу и участок у озера, затем ушла антикварная прадедовская мебель и десяток старинных монет, затем в бюджете образовалась дыра. Попутно обнаружилось, что Дима не приспособлен ни к какому физическому труду. Он охотно нянчил детей, готовил блинчики и котлеты, прибирался, стирал и кипятил бутылочки. Но все попытки зарабатывать чем-то кроме музыки приводили лишь к разочарованиям, а то и существенному ущербу. А музыка особых денег не приносила.

Мудрая Эллочка превратила остатки семейного капитала в партию детских костюмчиков из Стамбула, быстро расторговалась и вскоре обзавелась магазином. Дар к торговле у нее оказался небольшой, но удивительно въедливый и упрямый. Диана осталась при ней, после восьмого класса пошла в продавщицы, затем научилась управлять делом, вышла замуж за покупателя, проявив несомненную хватку, и безмерно радовала мамашу. Красавица Агата в шестнадцать уехала погостить к бабушке в Хельсинки, да там и прижилась, вписавшись в модельный бизнес. Домой она звонила раз в год. Ева звонила чаще — она поступила в Муху, устроилась в общежитии, подрабатывала оформителем всего и сразу и порой обсуждала с отцом креатив: ты же умеешь придумывать сказки, папа!

Потом Диана быстро и незаметно в считанные недели выдавила мать из дела, отчего нестарую еще Эллочку хватил инсульт. Она оправилась почти полностью, но сделалась слезлива, сентиментальна и всё больше цеплялась за мужа. И в Диме, который всю жизнь сожалел о поспешном браке, проснулось теплое чувство — день за днем неустанно говоря о любви, он начал верить своим словам. Если б Эллочка не ревновала его к музыке, не считала трень-брень никчемным занятием… Расстраивать жену Дима не рисковал.

Поэтому и пошел в дворники: всяко лучше, чем сидеть дома, копеечка капает, и на музыку остается кусочек времени. И никаких сложностей, волохать метлой да лопатой любой сможет. Учитель труда, на уроках которого Дима проявлял выдающуюся бездарность, не зря сулил мальчишке эту судьбу. А теперь и кафе подвернулось!

Подобрать подходящую одежду оказалось задачей со звездочкой, но тетя Зухра из ателье, что на рынке, решала и не такое. Там расставить, здесь подогнать — и красавец мужчина. Взамен креативной стрижки Дима обрился наголо — мрачновато, зато брутально. На запястьях с трудом застегнул браслеты времен Анта — надо же, уцелели. И явился в кафе к означенному сроку.

Негромкая атмосфера, неяркий свет, грубоватые деревянные столики и резные панно на стенах напомнили Питер старых добрых времен. Сцены как таковой не было — небольшая приподнятая площадка в углу зала, микрофонная стойка, табурет, пара колонок. На звукореже кафе сэкономило — подключал Фендер всё тот же Бронислав, и чекал он же, кропотливо и въедливо придираясь к каждому тону и шороху. Внешность Димы он похвалил, но настоятельно попросил добавить к образу темные очки: так выразительнее.

Посетители начали появляться после восьми, неторопливо занимая места, подзывая официантов изящными жестами. Никакой молодежи — элегантно одетые дамы в гранатовых колье, с кровавыми ягодками сережек в ушах, мужчины в строгих костюмах, компания явно заезжих фриков в клетчатых пиджаках. Дегустировали заказы, чуть-чуть выпивали, беседовали и ждали — чем их сегодня угостят на десерт.

В гримерке оказалось удивительно мало места — четыре шага вдоль, три поперек. И воздух оказался удивительно спертым, и вода из стеклянной бутылочки выпилась моментально, и руки чуть-чуть дрожали. Последний раз Дима работал с большим залом на выпускном Евы, сыграв пяток каверов для галдящих юнцов. А вдруг не выйдет? Собьются пальцы, отвыкшие от игры, сбойнет голос, публика встанет и разбежится, все эти пафосные красавицы, богачи, стиляги — откуда только взялись? Вдруг его просто высмеют и отправят домой, к залежавшимся пыльным песням?

— Ваш выход, — Бронислав приоткрыл дверь. — Готовы, Димитрий? Вперед!

Темные очки помогли справиться с внезапным приступом паники, сработали шторкой, барьером между музыкантом и зрителями. Гитара ждала. И музыка ждала, мечтая вырваться на свободу.

— Рад видеть вас в зале нашего арт-кафе, дорогие гости! Сегодня для вас играет удивительный музыкант, один из птенцов гнезда легендарного Ленинградского рок-клуба, звезда 90-х, Дима Ант. Поприветствуем! Дружнее, дружнее!

Первый шаг из гримерки показался самым тяжелым, потом сделалось проще. Сесть на табурет, подключить инструмент, попробовать звук, взять аккорд — первый глоток мелодии. Не смотреть в зал: публику нужно не видеть, а чувствовать вибриссами души. Так говорил Тёма Сыч, старый рокер, игравший в недобрые времена, когда за джинсы и хайр убивали. Начнем с классики, можно сказать с попсы. Леди знала: цена злата зла нам дана — и платила за лестницу в небо…

Зал молчал. Его слушали — Дима кожей ощущал голодное, жадное внимание. Но ни звука аплодисментов, ни выкрика, ни смешка. Мертвая тишина. А если так? Приезжайте в хостел «Калифорния». У дороги дней, у дороги дней, у дороги дней… Не заходит? Снобы, клятые снобы. Что ж, играну им свое, пусть глотнут рока по самые гланды.

Ты сотню раз твердила мне «уходи»,
А я упрямо возвращался назад.
Но каждый выстрел — это шрам на груди.
Мне опостылел записной зоосад.
Я капитан дырявой лодки «люблю»,
Портной без порта, черный плащ без плаща,
Торпедным залпом моему кораблю
Твое «прощай»…

Наконец-то аплодисменты. Сухие, короткие. И нарастающий гомон в зале. «Пить!» «Хочу пить!» «Официант, меня

мучает жажда! Красного! Красного мне, пожалуйста!»

Тяжело передвигая ослабевшие ноги, Дима сошел со сцены. Сорокаминутный сет вымотал его, выжал, словно белье в стиралке. Ужин подали прямо в гримерку — соленья, мясной салат, оленина в горшочке, пирожные с кремом, мягкая булка с хрустящей корочкой. На удивление, этого не хватило, пришлось дозаказать парочку бутербродов с прозрачными ломтиками сала на черном хлебе и попросить чай — простой сладкий чай.

Второй сет оказался немного проще. Публика разогрелась и не стеснялась проявлять чувства — отбивать такт холеными пальцами, притопывать носками дорогих туфель, улыбаться, покачиваться в такт музыке. Старые рок-хиты заходили чуть хуже, чем ожидал Дима, его собственные песни — сильно лучше, чем он боялся. Возвращение на сцену оказалось успешным, и только сейчас сделалось явно, как не хватало забытого кайфа — чувствовать власть над завороженным залом, пить восторг, наслаждаться взглядами. Быть услышанным — ради этого, собственно, и затевается представление.

Сияющий Бронислав аж лоснился от удовольствия, передавая музыканту благодарности публики. И конвертик, в котором лежала розовая купюра — больше, чем договаривались, но вы заслужили, Димитрий. И стопочку медовой настойки — на семи ягодах и десяти травах, уважьте, будьте любезны. И угощение с собой — для вашей любезной супруги. Сладковатый дразнящий вкус удивил, но спиртное и вправду придало сил, распрямило плечи. И до дома Дима дошел приплясывая, не чувствуя ни ноющего колена, ни привычной боли в спине. И семейной сцены удалось избежать: Эллочка не была избалована подарками, даже в сытые годы по ресторанам не прыгала, и затейливо украшенные пирожные привели ее в полный восторг.

Второе выступление прошло еще лучше первого, и третье оказалось вполне удачным — свободных мест в зале не оставалось. По договоренности с Брониславом Дима играл в пятницы, субботы и подходящие к случаю праздники. Иногда выходил и среди недели, если вдруг приезжали особенные туристы из Москвы, Питера или полузапретной Финляндии — арт-кафе делалось популярным. Выступления проходили по накатанной схеме: молчаливая настороженность, повышение градуса, полный восторг, и официанты, носящиеся по залу с красным вином. Но были и странности — мелкие, но шероховатые, царапающие сознание. Ни молодежи, ни тем паче детей в зале ни разу не появлялось, посетители не встречались ему на улицах, и пафосных колье из блестящих, похожих на кровь гранатов Дима никогда не видал.

Наконец всё сложилось: во время субботнего сета с музыканта упали очки. Доиграть композицию это не помешало, но взгляд на зал прояснил многое. Кого только здесь не было — гладкокожие усатые накки, рыжие и черно-бурые красавицы кетту, худощавые локки в белых нарядах, отделанных перьями, зубастые злюки хауки, облаченные в сверкающий мех тивисте, заезжие большеглазые гости с серебристыми волосами и острыми кончиками ушей. Не то чтобы Дима не знал про перевертышей, бок о бок с людьми заселяющих Сердоболь, но ни разу не встречал их в таком количестве. Пару раз случалось подглядеть отражения в витрине, да лепший школьный дружок Микке под страшным секретом показал, как умеет превращаться в лосося. А здесь собрался полный ковен.

Конечно же, Бронислав заметил минуту замешательства, конечно же, он спросил: не возникает ли у уважаемого музыканта ненужных вопросов, не станет ли он болтать лишнего. Дима трепать языком вовсе не собирался. Он точно знал: ему не поверят, сочтут увиденное чересчур богатой фантазией. Даже милая Ева скажет: папочка, не выдумывай. А ведь он ничего не выдумывает.

За неразговорчивость и деликатность Диме, конечно же, подняли гонорар. И относиться к нему стали чуть теплее — то один, то другой гость подходили лично поблагодарить за прекрасное выступление. И поинтересоваться, вдруг уважаемый

музыкант согласился бы на приватное выступление. Где-нибудь на удаленной мызе, в шхерах или хотя бы на вершине мистической горы Хернямяки? За деньгами, сами понимаете, не постоим… Бронислав быстро прерывал подобные разговоры под самыми пустячными поводами. А на вопрос Димы, почему бы не подзаработать, резюмировал лаконично: съедят. Может, и преувеличивал… Проверять не хотелось.

Со временем они с Брониславом не то что сдружились, но стали неплохими приятелями, всегда находя полчаса поболтать о приятных и несущественных пустяках. Как идут дела в бизнесе, какое меню шеф-повар разработал на Новый год, какую шикарную витрину для цветочного магазина оформила умница Ева, какую беленькую болонку завела Эллочка — прогулки окончательно избавили ее от постинсультной скованности движений. Как он, Дима, мог бы стать знаменитым музыкантом, нашедшим славы и деньжат на подмостках, — были ведь шансы, и про песни суровые рокеры завистливо говорили: «Хитяра! Мощь!»… Понимающий Бронислав вздыхал: да, вы имели успех, так жаль, что не смогли продолжать. Но зато у нашей публики вы пользуетесь невероятным успехом! Какое отношение арт-директор имеет к перевертышам всех мастей, Дима так и не понял — человечье обличье было для сдержанного петербуржца естественным и единственным.

Со временем, помимо больших концертов, появились и приватные: Диму стали приглашать спеть лично для почетного гостя или небольшой дружной компании. От таких выступлений он уставал сильнее обычного, но и зарабатывал не в пример больше. Счастливая Эллочка заказала новый кухонный гарнитур, обзавелась большим телевизором и начала поговаривать о машине. Впервые за время совместной жизни Диму не пилили за его музыку, не обдавали ядом и не устраивали бойкот — только забота, ласка и свежий ужин ожидали его дома… естественно, если он не пытался припрятать заработок и не тратил деньги на пустяки.

В заказе на персональный концерт для молодой девушки, на первый взгляд, не было ничего сложного. Но заказчик — пожилой суровый накки — объяснил, что дела обстоят безрадостно. Весной его дочь Хильди вместе с сестрой-близнецом Хельгой плескалась в шхерах подле острова Рахкасари. И туда занесло шальной катер. Не заезжих туристов даже — местный рыбак решил полихачить, покрасоваться перед приятелями. На крутом вираже он вылетел на камни — разбился сам и сбил сразу двух тюленей. Хильди получила тяжелые переломы, но искусство подводных целителей залечило их, насколько возможно. Хельга, на первый взгляд, пострадала меньше, однако раны загноились, кости отказались срастаться, и страдалица ушла в жутких мучениях. А Хильди с тех пор не находила себе места, исхудала и перестала есть. Горе высасывало ее изнутри, целители разводили руками, и единственным, чего еще не пробовал отчаявшийся отец, оставалась человеческая музыка. Попытаемся? Попытаемся, подтвердил Дима.

Тощая и бледная девушка и вправду выглядела опустошенной. Наверное, раньше она была красива — густые волосы цвета пепла, выразительные глаза, обрамленные веерами ресниц, изящная фигурка. Но щеку пересекал грубый шрам, пальцы левой руки не разжимались, при ходьбе Хильди тяжело опиралась на трость. И тоска, сочащаяся из-под ресниц, казалась весомой, зримой. Девушка еще не пережила потерю. Чем ей поможет музыка?

— Что вам сыграть, милая барышня? — спросил Дима.

— Все равно что, — ответила Хильди и отвернулась к окну.

Старые рок-хиты оставили девушку равнодушной, и его, Димины, песни не зацепили — тусклые глаза не посветлели, улыбки на бледном лице не появилось. Неужели не выйдет? А если бы здесь была его Ева? Потерявшая близкого человека, изуродованная, отчаявшаяся? Что бы он сыграл, что бы спел, исцеляя раны ее души?

В свете розовой луны
Шхеры сонные видны,
Волны вольные хранят
Тень тюленя на камнях.

Улетай домой, сова.
Зайка, глазки закрывай,
Под корнями прячься, щука.
Забывая — забывай.

Над горой туман встает.
Зяблик песенку поет.
Ночь качает медвежат.
Жемчуга на мхах лежат.

Щерят скалы острова,
Вянут горькие слова.
Не случилось нынче чуда.
Забывая — забывай.

На мысу истлел костер,
Серый ветер стер сестер.
Сердце в озере лежит.
Ярви-ярви, будем жить.

Горе в землю зарывай
Да слезами заливай —
Прорастет к утру рябина.
Забывая — забывай.

Полный сострадания, Дима импровизировал на ходу, придумывая колыбельную для раненого сердца. Он изо всех сил желал утолить печали незнакомки. Он чувствовал, как силы покидают его, кружится голова, ноет в груди, мутится зрение. И все равно допел до конца. И услышал, что девушка плачет.

Мельком глянув на музыканта, Бронислав заторопился к нему с рюмкой медовой настойки, кликнул официанта — еды, скорее. Аромат тушеного мяса пробудил жуткий голод, Дима буквально набросился на горячее. Стало легче. Девушку увели под руки. Пожилой накки проводил дочь и вернулся с благодарностями.

— Она не могла заплакать с того дня, как узнала о смерти сестры. Теперь пойдет на поправку. Спасибо, Димитрий, я ваш должник.

— Не стоит благодарности. У меня дочка того же возраста, я рад, что вашей Хильди стало легче, и от всего сердца желаю ей выздоровления. Она красавица и сильная девочка, все получится.

— Надеюсь, что так. Гонорар вы, само собой, получите весьма щедрый. Но скажите, Димитрий, есть ли у вас проблемы? Беспокоит здоровье, кто-то обидел, не хватает средств на мечту? Вдруг вы хотите чего-то особенного, но не можете обрести?

Озадаченный Дима задумался. Денег ему хватало, здоровье не беспокоило: за год работы он постройнел, окреп и словно бы помолодел — не сильно, но очевидно. Дома тоже все ладилось, Диана родила внучку и примирилась с матерью, Агата с мужем приезжала в гости, Ева кончила Мухинское с красным дипломом. А для души оставалась дворницкая, метла и опавшие листья.

— Знаете, у меня всё есть. Здоров, обеспечен и благоденствую.

— Так ли и всё? — накки прищурился, в человеческом облике явственно проступил звериный оскал.

— В юности я мечтал, что стану знаменитым музыкантом. Но увы, судьба распорядилась иначе.

— Судьба — уклейка, вильнет хвостом, и поди поймай, — фыркнул накки. — Удачи вам, Димитрий, и еще раз спасибо.

История с девушкой надолго осталась в памяти: острое сочувствие зацепило. В молодости из впечатления получилась бы рок-баллада, красивая и трагическая. Но сейчас Дима сочинял мало: не хватало ни времени, ни душевных сил. Милая Эллочка все так же требовала доказательств страстной любви, внучка росла любопытной, славной и очень громкой девчушкой, заказы сыпались один за другим. Музыка же требует одиночества, полного сосредоточения на часы, дни, а то и недели. Дима не мог себе этого позволить.

Весной стало известно, что в июле Сердоболь станет столицей «Кантеле» — огромного музыкального фестиваля. Со всей страны съедутся всевозможные группы, на Певческом поле поставят огромную сцену, ожидаются толпы туристов. «Белый Кречет», «Ёж и ко», «Река Смородина», Анна Ангел, Оппа-па, ЗемляНика — все флаги в гости к Карелии. Разглядывая афишу, Дима вспомнил старых друзей — надо же, Тёма Сыч все еще держит бас, Дроссельмейер стучит как бог, Неле, прекрасная Неле играет на флейте, и воздух

светлеет от ее трелей. Все преходяще, музыка вечна.

В городе, впрочем, до поры ничего не менялось. Сновали по озеру катера, зазывали туристов торговцы сувенирами, валялись на камушках холеные толстые нерпы. Дима все так же дважды в неделю играл в кафе, пять раз в неделю мел улицы, а по воскресеньям, сказавшись занятым, сидел в дворницкой и шлифовал до блеска новенькую балладу, воображал богатые аранжировки и соло флейты. Он смеялся над собой — накки все-таки покусали, добавили хрупкого волшебства суровым мелодиям. Может, и в самом деле мотнуться в Питер при случае, поднять старых знакомых, найти студию, бахнуть сингл?

В начале июля Сердоболь закипел, как лохикейто. Номера и даже койки в гостиницах расхватывали втридорога, торговцы сувенирами распродали годовой запас пестрого хлама, в кафешки стояли очереди, а на улицах стало не протолкнуться. Туристы заполонили город, взыскуя разнообразной музыки и развлечений. Девицы с синими и розовыми волосами, сплошь татуированные, лысые или дредастые парни, хмурые качки, манерные андрогины — кого только не встретишь… Точь-в-точь как на бессмертных Гауя в девяностом, среди хайрастых любителей свободы и пацифизма. Толпа бодрила, добавляла адреналина — Диме вдруг захотелось надеть рваные джинсы, пацифик и старые фенечки. Но прошлого не вернешь.

Фестиваль планировался с семнадцатого по девятнадцатое июля. Семнадцатого в десять утра позвонил Бронислав. К нему прибежала Карина, организатор проекта. У «Кантеле» случился форс-мажор, Хэнк Росомахер, хэдлайнер пятницы, перекушал Чивас Ригала, вышел проветриться с балкона второго этажа гостиницы, сломал ногу и к выступлению непригоден. У него часовой сет. Нового музыканта из Питера привезти не успеют. Игранешь, выручишь людей? Что играть? Ты же музыкант, Дима, ты профессионал, и у тебя есть программа. Выстраивай как сумеешь. Двадцать тысяч зрителей в зале, и подвести их нельзя. Покажи им, ну!

Нервная Эллочка, конечно же, разверещалась, предчувствуя недоброе. Даже баснословные деньги за час работы ее не радовали. И Неле, опять она! Тебя ждет эта рыжая стерва, вы заранее сговорились, ты мне изменяешь, да, признавайся немедленно, ты с ней спишь! Нет, родная, я люблю только тебя! Кое-как успокоив жену, Дима вышел из дома. В дворницкой ждал старый добрый приятель Фендер — что, соскучился по большой сцене? Я тоже.

Через рамку Дима прошел свободно, охрана не злобствовала, как бывало в громкие девяностые. Суета вокруг сцены ощущалась родной — музыканты настраивали инструменты, разыгрывались, распевались, растягивались, хлопали друг друга по плечам: «Старик!», «Бро!» Воздушная Анна Ангел, разевая дорогой ротик, этажным матом крыла фотографа: «Меня нельзя снимать снизу, дебила кусок!» Простецкий Ёж растянулся на скамейке, воспользовавшись минуткой, чтобы подремать перед работой. Чей-то менеджер гнусавил в трубку: «Эвиан! Эвиан, я сказал, бочковые огурчики и бутерброды с костромским сыром! Корочку срежьте перед подачей!»

— Здорово, чувак! Не стареешь ни на день!

Седой как лунь Тёма Сыч совершенно не изменился, разве только лицо сплошь покрылось морщинами да походка отяжелела. Дима обнялся с приятелем, пихнул в бок худющего, как кузнечик, улыбчивого Дроссельмейера, осторожно поцеловал Неле в прохладную щеку — все так же красива, все то же голубое безумие плещется в бездонных глазах. Если б флейтистка видела хоть что-нибудь, кроме музыки, жизнь могла бы сложиться совсем иначе…

— Я ждал твой новый альбом, чувак! — Дроссельмейер был полон энтузиазма. — Ты же гений, в натуре гений! Весь Питер с тебя тащился в девяносто четвертом, кассеты отрывали с руками. Ёж писаться с тобой хотел, Иоланта думала тур по Сибири делать, «Кочубеи» каверов намутили, по сей день крутят, твой «Заложник» все чарты порвал. А тебе небось не отстегивают.

— Знаешь… я думал, что бездарь. Что не гожусь, не умею и настоящим музыкантом в жизни не стану, — понурился Дима.

— От дурак ты, Ант, всем дуракам дурак. Неле, правда он дурень?

— Правда. А еще гений. Я до сих пор помню каждую твою песню, Ант, дружище. …Мы стоим на перекрестке, разведенные мостами…

Дима отвернулся, ощутив предательскую сырость в уголках глаз. Он не думал, что его музыка спустя столько лет окажется кому-то нужна.

— Отставить сантименты! — скомандовал Тёма Сыч. — Мы сессионщиками у Росомахера были, теперь с тобой игранем. Понимаю, что репетируют только трусы, но мы ж вообще не в курсе, что ты сейчас творишь. Айда на сцену, пока народ не чекается! О, узнаю твой Фендер!

Старые песни вспомнились моментально, Тёма Сыч не забыл партии, Дроссельмейер включился на раз, палочки так и летали в тощих руках. Ритм и драйв новой баллады музыканты поймали с лёту. Умница Неле тут же придумала восхитительное долгое соло. К Диме вернулся голос — высокий, чистый, рвущийся на свободу. Словно не было долгих лет разлуки, словно снова двадцать и впереди целая жизнь и музыка раскрывает крылья, готовясь взлететь над сценой, над городом, над страной…

Говорливая Карина сдернула его с репетиции. Сунула кучу бумаг на подпись, напомнила, что ничего лишнего со сцены ни-ни, сейчас, знаете ли, не девяностые.

— Запретили слова нехорошие, — хихикнул на это Тема Сыч.

Карина моментально вспыхнула спичкой:

— Это мне, мне за всё отвечать! Вы, юмористы, уедете в Питер, а меня штрафанут на триста кусков!

— У меня все цензурно, — заверил Дима. — Доверьтесь мне. Когда на сцену?

— Двадцать тридцать, час с подключкой, за тайминг не выходить, все понятно?

— Конечно. А еще вы сегодня прекрасно выглядите, вам удивительно к лицу локоны, и косынка в цвет глаз подобрана с большим вкусом.

Довольная Карина зарделась и убежала. Дима улыбнулся — после любимой Эллочки он мог успокоить любую женщину.

Последний час до выхода на сцену запомнился смутно. Сыч предлагал хорошенько дерябнуть, но Дима едва пригубил. Неле льнула к нему с прежней бесцеремонной нежностью, но теперь он понимал: дело в музыке, только в ней. Значит, и вправду сделал хорошую вещь… Наш выход!

Дроссельмейер кузнечиком прыгнул за барабаны, Неле в белом порхнула на край сцены, Сыч неторопливо шагнул к басухе. Грянули аплодисменты. Дима на миг отшатнулся, замер, парализованный видом тысячеглазой, орущей, свистящей и хлопающей толпы. Они хотели музыки, жаждали и мечтали. Что ж, получайте! Долгий аккорд, перебор, вступает флейта… Поехали!

— Элли, Элли, пойдем со мной, в тайный край бузины и хмеля,
Элли, Элли, пойдем туда, где колокола немели,
Где влетали на мель пароходы, серебром играла вода,
Где эквиски и сид эльфийский, Элли, Элли, пойдем туда!

Час на сцене пролетел как один долгий вдох. Дима пел, танцевал, выкрикивал что-то, забывая слова тотчас. И чувствовал: его слышат! Его любят! Ему покоряются тысячи людей, он играет на них, словно на струнах Фендера, дарит радость, восторг, творит чудо. Это в его честь танцуют девчонки у сцены, протягивая красивые руки, прыгают и толкаются здоровенные мужики, притопывают и кружатся дети. Это его обнимает светом, это его слова подхватывает флейта, это его лицо смотрит на фестиваль с экрана. Он, простой человек из Сердоболя, — музыкант! Профи! Хэдлайнер! У него получилось!!!

— До новых встреч, дорогие, прекрасные зрители! С вами был Дима Ант!

Приветствуем нового выступающего — ЗемляНика! Ваши аплодисменты!

Потный, выжатый Дима прижался спиной к холодной стене, его трясло. Сыч подсунул еще коньяку, Неле дала воды, обтерла ему лицо — словно кошка вылизывала котенка. Дроссельмейер долго моргал, недоумевая — как? Неужели? Правда.

— Слушай, чувак, тебе надо в Питер. У меня есть концы, покажу тебя одному продюсеру, запишемся и бахнем хороший сольник. Сингл в студии сделаем, «Элли хитяра», взлетит на раз. Даже не сомневайся! Ты лучший!

— Да, да, конечно, — согласился Дима. Он услышал взрыв аплодисментов в зале и осторожно выглянул из-за кулис. Длинноногая фея в микроюбке и сверкающем топике прыгала по сцене, обведенная светом софитов. Дима видел узлы варикозных вен под коленками, целлюлитные бёдра, чувствовал острый, едкий запах женского пота. Умцала фонограмма. Зал бесновался. Фея запела:

— Розовая зая с синими глазами
По твоей квартире бегаю босая
Я тебя спасаю и зависаю
На флэту-ту-ту-ту…

Повторяйте за мной, любимые, хором! На флэту-ту-ту-ту!

Зал откликнулся: «Ту-ту-тууууууу!» Они любили артистку, до безумия, жадно, страстно — точно так же, как парой минут назад любили его.

— После концерта жахнем тусыч в гостинице. Все наши соберутся, и тебе бы туда, возобновить знакомство, напомнить, кто ты есть. Слышишь, Ант? Следующий фест в Твери бахнет, там приличные бабки и хороший состав, давай тебя туда пропихнем. Росомахер достал, он из синей ямы не вылезает. А ты звезда, понимаешь? Звезда!

— Я домой, Сыч, — с трудом произнес Дима. — Жена ждет. Завтра поговорим, всё обсудим. Окей?

Не дожидаясь конца концерта, он спустился со сцены и пешком, через парк, отправился к дому. Мусора-то, мусора после фестиваля осталось! Дворники небось счастливы всё это выгребать.

Телефон начал разрываться с восьми утра. Звонили с Ладожской волны и из «Ладога-Сортавала» взять интервью у местного самородка, ставшего звездой фестиваля «Кантеле». Из Петербурга тоже звонили, предлагали концерт. И Сыч уже договорился со студией — приезжай да пишись. И Карина горела желанием пригласить сразу на два проекта — вы харизматичны, талантливы и нравитесь публике, Димитрий! Остается подписать договор и айда в стремена!

Встревоженный Бронислав явился лично, вызвал во двор. Вы сами понимаете, Димитрий, у нас сезон. Я желаю вам самого лучшего, но не могу позволить себе остаться без музыканта на выходные. Так что будьте любезны, предупредите заранее, если решите строить карьеру и покинете город. И в любом случае желаю удачи, я ни минуты не сомневался в вашем таланте.

Дима пообещал позвонить. Он еще не принял решения. Что скажет Эллочка?

— Любимая, знаешь, мне сделали сказочное предложение, даже несколько. Обещают гастроли, запись альбома, сулят огромные деньги. Съездим к морю, как ты хотела, купим автомобиль, навестим Агату и маму… Я должен согласиться, так ведь? Ради тебя, ради девочек.

— Нет. Нет, не должен, Димкин, — сказала Эллочка и улыбнулась мягким, расплывшимся ртом. Годы не были добры к женщине, но наполнили ее внутренним светом. А Дима не замечал этого, привычно целуя в щечку, оглядывая нестойкие формы, гладя тонкие волосы, выцветшие от времени. И лишь сейчас он увидел, сколько любви в той, что оставалась рядом долгие годы, рожала детей, ждала и терпела. Сколько страха — вдруг уйдет, вдруг бросит ее, такую простую, такую неподходящую, укорит за обман, за жадность, ревность, привязчивость. Вдруг предпочтет ей — музыку.

— Ты хочешь вернуться на сцену? — спросила Эллочка. — Я слышала, вчера был огромный успех.

— Я хочу остаться с тобой, — сказал Дима. — Просто остаться с тобой. И играть свою музыку по субботам в кафе на набережной.

— Тогда сыграй для меня, Димкин? Хочу услышать твою новую песню. Как тогда, помнишь?

Дима помнил. Костер на берегу реки, друзья, девушки, танец вокруг огня. И его голос, сплетенный с ветром. И ее глаза — прозрачно-зеленые, чистые, распахнутые навстречу. И мимолетная связь, что скрепила их на всю жизнь.

Он достал из чехла Фендер, подключил инструмент, тронул струны:

— Элли, Элли, пойдем со мной…

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a8724e35b72d', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Камелия Санрин. Рули, Британия!

К борьбе за дело трудового британского народа будь готов! Ой, кажется, это не отсюда? Или…

КАМЕЛИЯ САНРИН MANUSCRIPT

Пройдя интеграции долгий процесс
(пора бы забыть разногласия, сэр),
Россия со временем вступит в ЕС
и даже возглавит ЕСССР.
@ Р. Урусшайтан

Накануне

— Сидишь тут, цаца, ноги как рельсы, глаза фары. Не надо на меня светить! В окошко глянь, что там. Не на землю, ты повыше глянь. Тучки небесные, мелкие странницы на восток летят. Хер долетит одна. Или в стаю собьются, или рассеются — по одиночке не долететь. Знаешь, сколько отсюда километров до Сибири? А не надо считать — до едрени фени километров. Ветер западный, а ни одна не долетит. И ты сиди. «Полечу! Полечу!» Ворона драная. Кому ты там нужна? Нету той страны уже. Радуйся вот здесь. Я покурю.

В глубине сада на флагштоке загорался в рассветных лучах алый флаг. Дмитрий прикрыл за собой дверь и застыл, скуксившись на красную тряпку. Серп и молот жёлтыми каратистами кувыркались на ветру. «Страны-то нет, а мы остались, хрен куда нас отсюда выживешь. Мой дом. Моя крепость. Кому Англия, а у меня дома — СССР». Дмитрий подкинул в руках воображаемый автомат и послал две очереди соседям справа и слева.

— Дима, хватит курить, идём спать! — от голоса жены зачесалась правая лопатка. — Утро уже совсем, сколько можно колобродить? К нам сегодня ещё Смиты обещались зайти. И Эдита Эрвандовна может приехать.

Разжал челюсти:

— Иди ложись. Я подышу.

Выкурил ещё одну. Потоптался. Громко дыхнул пару раз. Однако прохладно во дворе. А в спальне курица замшелая со своими Смитами-хренитами… тёплая, в одной ночнушке под пуховым одеялом. И некуда деться. Он потянул дверь дома за ручку. Сзади кашлянули. Дима замер.

— Дмитрий Моисеевич, можно вас на минутку?

Мягкий голос белорусского разлива снял паралич с нервов. Дмитрий сунул руку в карман и обернулся.

— Дмитрий Моисеевич, пожалуйста, не вытаскивайте руку из кармана, — улыбнулось круглое лицо в армейской фуражке, — мы знаем, что у вас там пистолет.

С двух сторон от говорящего, слегка позади, закивали ещё две фуражки. Все трое бодро цокнули армейскими сапогами образца 1969 года, вскидывая правую ладонь к козырькам. Сзади них на высоком флагштоке встрепенулся флаг страны Диминого детства.

Дима начал садиться, шаря рукой в поисках стула. Стульев возле дома не было и быть не могло: он сам их унёс вечером в сад, где они белели, сгрудившись вокруг стола. Один из второго ряда подхватил Диму под локоток, второй уже летел к стульям.

— Раз! И готово, — склонился над Димой круглолицый, помогая сесть. Скосил глаза на флаг и рявкнул, вытянувшись внезапно во фрунт: — Разрешите доложить, товарищ Президент! Специальный отряд под командованием майора Неспляка прибыл в ваше распоряжение!

Он замер под немигающим Диминым взглядом — голова на древке туловища, готовая вот-вот сорваться. Задвигался, пытаясь незаметно расслабиться, и снова замер. Кашлянул. Дима вздрогнул и кивнул.

— У меня нервы… — свой голос Дмитрию показался смутно знакомым. Он задумался

на мгновенье и вспомнил: Дон Карлеоне сипел точно так же.

— Товарищ генерал предупреждал, что у вас могут быть нервы, — круглолицый кивал, соглашаясь с каждым своим словом.

Термополянка. Длинный лужаистый квадрат сзади дома. «Тут огурчики, там помидорчики, здесь тепличка», — Ксюхина мечта. Домечталась. Вот твои огурчики с помидорчиками — зелёные человечки. Человечки в зелёном, говорящие по-русски.

— Это сколько я вчера выпил? — поинтересовался вслух. Вопрос был задан самому себе с целью проверки памяти.

— Три бутылки белого вина, две бутылки виски и четыреста граммов водки! — майор щёлкнул каблуками. — Оставшиеся сто выпила ваша супруга.

— А вы кто такие?

— Я — майор Неспляк, командующий советскими вооружёнными силами Кента! А это — наш передовой отряд. Всем построиться! — рявкнул внезапно майор, отделив этим рыком от кустов живой изгороди фигуры в камуфляже. Фигуры бросились бежать к Диме, замирая и выстраиваясь в две шеренги. Неспляк следил за построением с приклеенной к фуражке ладонью. Потом повернулся к Диме: — Специальный отряд особого назначения под командованием майора Неспляка построен!

— А… какое у вас особое назначение? — Дима икнул.

— Охрана Президента СССР! — Неспляк опять вытянулся с небесной отрешённостью во взоре — как есть, натуральный майор Советской армии.

— Ай, молодец…

— Служу Советскому Союзу!

Дима начал соображать. Вчерашняя пирушка с красным флагом, «мой дом — моя крепость», «за сбычу мечт»…

— Ребятки… это я что?.. Это я до вас допился, да? — Димин голос — уверенный, порой скрипуче-занудный, исключающий какие-либо жалобные нотки — куда-то исчез и не желал возвращаться.

— Товарищ Президент, разрешите приступить к постройке палаточного городка? — майор повёл бровью, легко прокатившейся по круглому лицу направо и вроде бы слегка назад.

Там бровь покачалась, отдавая распоряжения двоим в фуражках, — и вернулась в строй.

Дима моргнул. Майор тут же озвучил его моргание:

— Есть приступить! — Двое вспорхнули из-за его спины, и на всём протяжении сада закопошилась зелёная масса в советской военной форме, разбивая палатки.

Дмитрий сосредоточенно следил за работой военных. Его сосредоточенность выражалась в остекленевшем взгляде по-птичьи округлившихся глаз. На соседской крыше позавтракавший скворец поочерёдно исполнил арию будильника, арию мобильника и страстное соло полицейской сирены. Затуманившийся было взгляд Дмитрия прояснился, голова повернулась в направлении Неспляка, а рука, оторвавшись от пластикового подлокотника, приподнялась в плавном движении неопределённой направленности.

Майор вырос, как лист перед травой, ловя готовые родиться звуки Диминой речи:

— И что вы хотите сказать, — рука закачалась в попытке обозначить пространство садового участка, — вы хотите сказать, что это всё?.. Ик!.. Настоящее?

Раньше Дима недооценивал силу русской водки. Но четыреста грамм «Столичной» определённо что-то сделали с его мозгами. Он затряс головой, с ужасом ловя накатывающую волну мигрени:

— Ой, мамочки… да что ж так больно-то?!

— Разрешите доложить? — Левая бровь майора отдавала приказания ординарцу, голубые глаза заглядывали Диме в рот. — У вас начальная стадия похмельного синдрома!

Бровь вернулась на место, ординарец исчез, и майор продолжил:

— Снимается путём приёма внутрь огуречного рассола либо, в отсутствие такового, — пива. Но лучше всего — рюмкой водки!

В воздухе перед Димой возник планшет, на котором стояла пустая рюмка. Приблизившаяся к рюмке бутылка «Столичной» наклонилась и, ласково журча, наполнила её доверху. Туманным фоном к чудесной картине маячило лицо в фуражке — того, что «на полшага позади».

— Ты кто? — Диме казалась неудобной сосредоточенность его взгляда на рюмке, но перевести взгляд на лицо «подателя сего» не удалось.

— Разрешите доложить? — Майор ловко перехватил планшет в свои руки. — Командир второго взвода лейтенант Лепёхин. А там у полевой кухни — старший лейтенант Башкатов!

Майор махнул рукой в дальний конец сада, и Дмитрий, в спасительном поцелуе осушающий рюмку, заметил в своём саду полевую кухню и хлопочущего возле неё чернявого старлея. Умиротворение разлилось по организму.

— И, однако же, что-то здесь не так… — задумчиво забормотал Дима. — Вчера мы отмечали Первое мая, день анархии и солидарности трудящихся, пили за достижения социализма и за нашу Великую Родину и пили за возрождение СССР, ясен пень… Но не может же быть, чтобы вот так, среди ясного неба… Однако же и на чертей вы никак не похожи, а впрочем, можно позвонить фазе Дэвиду, хотя эта крыса работает на Эм-Ай-Сикс, как и все они, но что-то же они знают обо всём этом… А я даже в армии не служил, кстати, знаете, майор?

— Так точно, товарищ Президент! Вас из-за плоскостопия оставили служить на гражданке!

— Точно… а вы откуда знаете? Вы из этих?.. Следили за мной, что ли? — Дима всегда верил, что представляет какой-то интерес для родного КГБ, и подтверждение этой уверенности добавило радостных лучиков майскому солнышку, улыбавшемуся Диме с безоблачного неба.

— Мы собрали данные обо всех причастных лицах. Безопасность Президента — наша приоритетная задача. Ничто не должно остаться без внимания, ни малейшая деталь. Товарищ генерал всё просчитал досконально. Когда вчера разглядели со спутника флаг СССР в вашем саду — включился план «Д»: от первой буквы вашего имени, товарищ Президент!

— А я, кстати, заметил, вы меня уже называли «товарищ Президент», — Дима проницательно прищурился, — а с какой, кстати, стати? Чего и где я, по-вашему, президент?

— Вы, товарищ Президент, — Президент Союза Советских Социалистических Республик! Выбранный единогласно на вчерашнем Форуме ЦК КПСС.

— Что, и такой форум уже есть? Я в Интернете не очень разбираюсь.

— Товарищ Президент! — очередной щёлк сапогами. — Я боюсь, что не сумею всё объяснить. Или сумею, но неправильно. Разрешите отложить вводный инструктаж до сеанса связи с Главнокомандующим!

— У вас есть главнокомандующий?.. Ну оставляйте, мне не жалко… Когда это?

Майор Неспляк посмотрел на наручные часы:

— Через шесть часов, в тринадцать восемнадцать по Гринвичу! Разрешите уточнить?

— Ну?

— А вы клянётесь хранить тайну?

— Да чтоб я сдох! — поклялся Дима.

— Охранять права и свободы граждан?

— Ну?

— Соблюдать Конституцию?

— Клянусь, и?

— Служить Советскому Союзу?

— Я уже сказал, клянусь!

Но майор не слышал. У него словно что-то перемкнуло — и, пока батарейка не сядет, будет играть старую пластинку.

Дима задремал, кивая острым носом в такт майорской речи. Его разбудила внезапная тишина. Дима приоткрыл глаз на туманную статую с прилипшей к козырьку ладонью. В небесной голубизне сияла майорская улыбка:

— Разрешите идти?

— Вольно, — Дима зевнул, — пойду-ка я вздремну перед сеансом связи.

Майор помог ему подняться и распахнул дверь:

— Отдыхайте, товарищ Президент!

* * *

Спалось Дмитрию неспокойно. Солнце, навалившееся на окно, согрело спальню, сделав из неё самую горячую точку дома, спать в которой и в трезвые дни тяжело, но с перепою — особенно. Дима задыхался, одеяло наваливалось на него дюжиной спецназовцев, которых он сбрасывал с себя, тоненько повизгивая во сне и вспоминая все нехорошие слова, какие однажды в детстве расстроили маму.

В детстве Дима не матерился, ни в коем случае, он был не просто хороший мальчик, но самый лучший из всех возможных. Мама случайно услышала урок русского языка, даваемый Диме старшими мальчиками. Она не видела, что её ребёнка крепко держат двое старших ребят, только слышала, как Дима послушно повторяет вслед за соседским Серёжкой набор русских слов, которого порой так не хватает в словаре. Мама провела беседу. Беседа осела цепким бетоном в строящемся здании детской морали.

Проснувшаяся от звуков русской матерной речи Ксения с удивлением открывала для себя неизвестную ей раньше сторону Дмитрия. Этот новый мужчина ничем не напоминал скучного привычного супруга, бурлил адреналином, будоража женское воображение.

* * *

Мой друг, который был родным, а стал совсем чужим,
мне исполнял «Прощанье» Сарасате.
Мой брат, отрезанный давно, болит.
А кукла весело хохочет, прижимая лейбла.
И я смеюсь невесело: «Хе-хе».

Наутро

Дима проснулся под звуки декадентской песни в удаляющемся последнем вагоне. Поезд прошёл по извилинам Диминого мозга, оставив травму и мутные обрывки незнакомого куплета. Последние вагоны ещё грохотали где-то вдали, но уже спальня закидывала их тишиной, сухо шелестел пластиковой занавеской душ в ванной комнате, аккомпанируя дневному свету.

Душ умолк, деловито скрипнули кольца занавески, певуче скрипнула босая нога, покидая ванну, зашуршало полотенце, взревел фен. Диму подбросило в кровати и потащило прочь из спальни.

Дима не любил пить. В детстве он выгребал из карманов мелочь, вносил свой вклад в дворовое мероприятие и маялся в ожидании выпивки, как у двери зубного врача. Каждый приём алкоголя становился лотереей. Порой приходила эйфория, но чаще — мрачная мигрень с осознанием греховности и бессмысленности человечества. Ксению это задевало. «Не мужик», — мрачно докладывала она подругам.

И об этой её мрачности регулярно докладывал Диме общий для супругов Советский Эгрегор, вяло сопротивляющийся исторической реальности. В самом деле — что общего может быть у ленинградского рабочего паренька и девушки из Днепропетровска, единственной дочери владельца чебуречной, случайно встретившихся в Англии? Только вот этот невидимый, но ощутимый эгрегор.

Дима торкнул дверь ванной комнаты. Дверь приоткрылась.

Жена в своём розовом халате сидела на унитазе, выпучив глаза. Скотч сдерживал рвущиеся из женщины децибелы, пропуская лишь тоненькие попискивания.
Склонившаяся фигура в форме офицера советской армии шептала ей на ухо что-то нежно-успокаивающее.

— Проводим воспитательную работу среди населения. — Фигура развернулась в сторону Димы, беззвучно сдвинулись каблуки, ошалелый Дима обмяк под лучистым майорским взглядом.

Мозг ещё не включился, и Дима двинулся по ступенькам вниз, оросить сад. Глянул через стеклянную заднюю дверь на палаточный городок и повернул к передней двери: в палисаднике живая изгородь, лужайка с цветником и фаянсовыми гномиками, полная приватность и скрытность.

Вместо гномиков в палисаднике, в центре крохотного пятачка лужайки, со всех сторон обсаженного крокусами и фиалками, Диму встретил с детства знакомый Ленин. В одной руке вождь сжимал свою неизменную кепку, а другой указывал на соседний паб.

Димин желудок затосковал от нереальности ситуации. Мочевой пузырь, помолчав секунду, повторил старую команду с новой силой. Дима смущённо отвернулся от памятника и замер, уткнувшись лицом в рододендрон.

Облегчённо вздохнул и столкнулся взглядом с часовым у калитки. Во взоре солдата отражалось бескрайнее небо. Дмитрий холодно отразил это же небо, вздёрнул подбородок и вошёл в дом.

Через стеклянную дверь сада ему заботливо кивнул Неспляк. Дима открыл. Он не осознавал, что умиротворение, которым дышал весь облик майора, — эта его уникальная особенность явилась основной причиной выбора кандидатуры Неспляка для непростого задания.

— А знаете, майор, там, у двери, — Дмитрий махнул рукой в сторону входа, — Ленин стоит. Я вышел, а он там.

— Сегодня доставлен из Бердянска! — ответил майор, заражая хозяина оптимизмом.

— И часовой. А гномиков нету… и хер с ними.

— Гномики передислоцированы в дальний конец сада!

— А Сталин будет? Хочу Сталина!

— Будет исполнено! Разрешите выполнять?

— Ага.

Неспляк мгновенно исчез из зала, посемафорил в саду бровями и тут же вернулся, неслышно притворив за собой дверь:

— Разрешите доложить! Статуя товарища Сталина будет доставлена сегодня вечером! Обед готов! До сеанса связи — ровно две минуты!

Гороховый суп обжигал ощущением из детства. Две котлеты с толчёнкой и солёным огурчиком на общепитовской тарелочке помрачали разум. Из телевизора «Рекорд», который оказался чёрно-белым монитором, за Диминой трапезой наблюдал внимательным взглядом старик в генеральской форме. Диму поминутно подмывало отбросить ложку и вытянуться по стойке «смирно».

Вместо этого Дима сидел по стойке «смирно», автоматически двигал ложку от тарелки ко рту и обратно — и слушал.

— Уважаемый Дмитрий Моисеевич! Разрешите представиться: первый секретарь КПСС, Временный Исполняющий Обязанности Председателя Совета Министров СССР, Главнокомандующий Антарктического военного округа генерал-полковник Твердохлебов.

Дима закашлялся. По спине мягко постучали, прогоняя кашель. Генерал-полковник продолжил:

— В ходе ялтинской встречи в 1945 году между товарищами Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом была достигнута договорённость относительно вступления Великобритании и США в СССР с перенесением столицы в Лондон. На этом условии настоял товарищ Уинстон Черчилль. Товарищ Теодор Рузвельт выставил дополнительные условия, которые были приняты единогласно после продолжительного обсуждения. Объединение держав должно было состояться не ранее две тысячи пятого года и лишь после полного или частичного перехода экономики означенных держав на социалистический путь развития. К сожалению, в 1992 году советские

социалистические республики временно отошли от социалистической линии развития. Правительство СССР вынужденно передислоцировалось в Антарктиду, откуда продолжало наблюдать за развитием событий в ожидании момента «Ч».

Горячая еда произвела эффект. Что-то щёлкнуло в Диминой голове, и он начал думать.

«Дима ел… Дима ест… Дима будет есть…», а происходящее вокруг — не бред, ой не бред…

— А, простите, товарищ генерал, почему вы решили, что я это скушаю?

— Оригиналы документов будут предоставлены по первому требованию. В данный момент вы можете ознакомиться с образцами. — И генерал-полковник повёл бровью.

Дима оглянулся на встрепенувшегося у него за спиной Неспляка. Тот щёлкнул каблуками и протянул планшет с документами. Дима отложил ложку и взялся за планшет:

— Но я не обязан…

— Вы принесли присягу, товарищ Президент Советского Союза.

— Но почему я?!

— Вы подняли над своей резиденцией красное знамя социализма.

Дима боролся за выживание не первый год. Сорок три года он практиковался в этом умении, и, если даже алкоголь накануне слегка усыпил инстинкт выживателя, — едва проснувшись, инстинкт схватился за Диму с утроенной силой. С одной стороны, он никому ничего не должен. С другой стороны — оружие. А значит, надо успокаивать, поддакивать и соглашаться.

— В 2005 году мы возобновили переговоры с Великобританией и США. Переговоры несколько раз прерывались по политическим причинам. Непрямые опросы населения и поступательные изменения в экономике привели к тому, что на сегодняшний день США вступает в СССР в неполном составе. Арканзас отказался вступать в Союз. С британской стороны Шотландия заявила о своей неготовности к принятию решения о вступлении.

Дима кашлянул осторожно:

— А можно попроще? Я как-то не готовился… Что я должен сейчас делать?

— Ну вот, в свете вышеизложенного, — генерал глянул на свои «командирские» часы, — в семнадцать ноль-ноль по Гринвичу вам предстоит подписание трёхстороннего договора о восстановлении СССР. Для этого вам придётся отправиться в Вестминстер.

— Но у меня, это… супруга ждёт гостей.

— Встречу с представителями местной общественности организует майор Неспляк. Он с сегодняшнего дня занимается исключительно охраной Президента и членов президентской семьи. В Вестминстер назначен вас сопровождать полковник Ханоянц, который прибудет с минуты на минуту, чтобы сопровождать вас на встречу в Вестминстере.

Надо запомнить ещё одну фамилию. Дима почувствовал лёгкое онемение в мозгу.

Наедине

Дима попинал покрышку светящегося чернотой Bentley, выдохнул застоявшийся в грудной клетке воздух и развернулся к дому. Путь преградила шеренга в чёрных костюмах.

— Дипкорпус, — мурлыкнул незримый Неспляк.

Дипкорпус взирал на Диму дюжиной молчаливых глаз. Дима снова отвернулся к машине. Та размножилась — уже три одинаковых блистательных «Бентли» отразили чёрных дипломатов. Дима быстро повернулся к дипкорпусу и тут же снова к машинам: ровно три. Захлопали дверцы. Дверца перед Диминым носом распахнулась, ноги подкосились, тело плюхнулось на мягкий кожаный диван.

— Удачной поездки, товарищ Президент! — пожелало пространство мягким майорским голосом.

Дверь захлопнулась. Открылась и захлопнулась дверь с противоположной стороны, отделив от улицы целеустремлённый горбоносый профиль.

— Здравствуйте! Полковник Ханоянц, — представился сосед.

Дима никогда не ездил в роскошных авто. Упорными тренировками челюстей Дима сумел добиться на своём лице такого выражения, что со стороны это невозможно было заподозрить. Напротив, едва увидев Димино презрение при виде всякого рода «Ламборджини», «Феррари» или «Ролс-Ройса», всякий мог понять, что для него подобные тачки — тьфу, а не роскошь.

И вот спустя все эти многие годы, потраченные на тренировки, Димины челюсти внезапно разжались. Он переполнился впечатлениями и не заметил, как обмяк подбородок, как поползли в стороны уголки губ и замерли в непосредственной близости от ушей, с рождения прижатых к голове.

С этим новым своим лицом Дима повернулся к фигуре слева от себя:

— Ну что? Некислая машинка-то?

Машина тронулась.

* * *

Ксения проводила взглядом автомобили, увозившие людей в чёрном и с ними — непонятное существо, бывшее её мужем. Она не узнавала его. Что-то изменилось со вчерашнего дня — решительность, грубость, пришедшие на смену неопределённости (раньше казалось: загадочности) — но самое главное: вот эта улыбка. Дима Гельцер так не улыбался.

Ветерок пробежал по спине, будто смотришь фильм про вампиров — нереально, но такова сила искусства, что невозможно не верить.

Ксения потрясла головой и отошла от окна. Выглянула осторожно из двери спальни и устремилась к шкафу с одеждой. Футболки, свитера, платья — всё не то. Вот: белоснежная рубашка и синяя миниюбка. Ксения сдёрнула с вешалки алое шёлковое платье, приложила к груди — да! Открыла шкатулку с принадлежностями для шитья, схватила ножницы и дрогнувшей рукой выхватила из платья размашистый треугольник — пионерский галстук.

И запорхала, словно бабочка, дождавшаяся наконец лета.

Кухня — сад — парадное (встречать гостей) — гостиная — сад — деревенская площадь со стихийно возникшим митингом — всюду Ксению согревали ласковые взгляды сотни неженатых мужчин, способствуя революционным изменениям в биохимии женского организма.

И не было ей дела до ветра политических перемен, куда бы он ни дул — воздух вокруг коленок Ксении не становился прохладнее. И блузка распахивалась — рукава закатывались, одна за другой облетали пуговицы, выпуская цветок из бутона.

В жизни каждой женщины должен случиться подобный день, когда вся зелень сомнений лопнет, подобно весенней почке, — и выпустит на волю безудержное цветение женственности. И вернуть её прежнюю уже невозможно, как невозможно бабочку засунуть обратно в кокон. И как бабочка равнодушно отворачивается от своего старого кокона, так и женщина без всякого интереса и даже с недоверием видит себя прежнюю: не может быть! «Я рождена, чтобы летать», — узнав об этом, она уже не вспомнит, как жила вчера — то был сон, долгий скучный сон. Хорошо, что кончился.

Мировые события дня не прошли совсем уж незамеченно для Ксении: краем глаза она видела мелькающие в телевизоре фигуры королевы, премьер-министра и американского президента — и рядом с ними Диму с ясной улыбкой, и отдельно от них — задумчивого Диму крупным планом. И Диме что-то шептал на ухо жгучий брюнет с проницательным профилем. И Дима кивал и сам что-то говорил. И мягко журчал голос Неспляка, ни на секунду не оставлявшего воспитательной работы. Ксения всё понимала, но…

Но от старой Ксении ничего не осталось. А для той, что наблюдала за политической жизнью своего мужа (и всего мира) на

экране телевизора, — всё на свете казалось пустяками.

Так они и встретились вечером: слегка усталый мудрый Президент СССР и цветущая красавица Первая Леди, его супруга. И они, конечно же, сразу полюбили друг друга.

На центральной площади Лентон Грин, деревушки, приютившей семью и охрану Президента, стояла военно-полевая кухня и танк с ней рядом. Народ, в обычные дни заседавший в пабе, нынче в паб не заходил, слоняясь рядом. Кто-то сидел на газоне, орудуя ложкой в котелке, кто-то протягивал руки за добавкой. Танкисты раздавали гречневую кашу с густым мясным ароматом. Ксения толкала пламенные речи, освещала ситуацию, стоя на танке, вдохновляемая верным Неспляком. Лицо её разрумянилось, волосы реяли на ветру, и всё в жизни казалось ясным и правильным.

Подъехали три машины, вынудив Ксению прерваться. Солнце уже почти совсем закатилось за горизонт. Машины прошуршали к дому, сверкнув саблезубым оскалом радиаторов, остановились, и на дорогу вышел он. Мужчина её мечты. Ветер взъерошил ему волосы и распахнул пиджак. Мужчина повернулся, на его лице обозначилась загадочная улыбка. Он смотрел на Ксению, чьи волосы тоже развевались на ветру, стройная фигурка светилась в закатных лучах. Миниюбка взволнованно трепетала над парой безукоризненных ног.

Прежний Дима ценил тот факт, что супруга младше него на тринадцать лет. Прежний Дима был ценитель и коллекционер. Немного он наколлекционировал за свою жизнь — и оттого вечно страдал из-за несправедливого распределения вещей на планете.

Новый Дима не коллекционировал — он владел. И всё, чем он владел, — было бесценно. Как бесценна эта прекрасная комсомолка на танке, которая скоро, очень скоро будет танцевать возле его постели. Улыбка возникла сама собой.

«Как же так? — сказал бы кто-то бы посторонний. — Ведь парень влип в наидвусмысленнейшую ситуацию! С хрена ли ему улыбаться?»

Этому постороннему не посчастливилось общаться с полковником Ханоянцем. Полковник, несмотря на юность тела и красоту профиля, обладал незаурядными умственными способностями. Впрочем, противоречия здесь нет никакого — возраст не пригасил его пыл и не насыпал склеротических крошек на поле мысли, а недостатки внешности (которых у полковника, надо заметить, не было в наличии) не сумели посеять сомнений в природе человеческой и доброте людской. Всю дорогу до Вестминстера Ханоянц (чья роль всегда была и будет — оставаться в тени) объяснял Диме суть происходящего. Полковник верил в способность людей к пониманию — и не обманулся в своих ожиданиях.

Дима понял и принял свою роль «калифа на час» — персоны, призванной подписать договор, более полувека вынашиваемый лучшими умами наинеизвестнейших, если не сказать: «наизасекреченнейших» (но ведь это трудно было бы прочесть, да? Поэтому не скажем) организаций мира. И Дима осознал, что плюсов для него таки есть: президентская пенсия и дипломатическая неприкосновенность.

По всему миру катилась, сметая судьбы, волна новостей. Обрушивалась на всё новых и новых слушателей — и люди замирали, поражённые, с откушенным куском бутерброда во рту, с полунадетой штаниной, с пультом в руке, взятым, чтобы отключить телевизор, — замирали на ходу, на бегу. Останавливались автобусы, и водители выдирались из насиженных мест, проталкиваясь в салон, чтобы увидеть экран, обращённый к пассажирам: «USSR is back!» — кричала планета в один голос.

И только Дима и Ксения не могли оторвать взгляд друг от друга.

Рвались телефоны редакций СМИ, рвали на себе волосы начальники спецслужб, лопались, не зная о том, что лопаются, банки — и вцеплялись зубами в ставки валют, обращавшихся в пыль. Рушилась система мировых финансов, международных займов и обязательств — и только военные

получали сейчас приказы, чётко разворачиваясь, чтобы раздробить большой приказ на кучу мелких — и раздать по инстанциям. Весь старый привычный мир уходил ко дну. И кто-то кричал и рвал на себе волосы, кто-то доставал из сейфа пистолет и примерял к своему виску, отсчитывая секунды, чтобы прийти в себя: «Мозг, ты ошибся, тебе показалось, ты вырубился и бредишь, считаю до трёх… до десяти… до двадцати…»

Дима плавно повернулся к дому, открыл дверь и зашёл. Ксения, привязанная к нему незримым канатом, слетела со своего танка — дом затянул в себя и её тоже.

Майор Неспляк извинился перед митингующими и торжественно поздравил:

— Welcome to new world, comrades!

Его мощный русский акцент был встречен свистом и овациями.

Давняя любовь Англии к коммунизму наконец обрела взаимность.

* * *

А в спальне, на втором этаже крохотного коттеджа, такого крохотного, что не каждый спутник разглядит, — неудержимо и неукротимо надвигалась на супруга преобразившаяся Ксения. Рвала на груди рубашку, рычала, закусывала губу, выпрыгивала из юбки, перешагивала через ненужную тряпку — и шла дальше.

Всё детство, всю свою затурканную комсомольскую молодость Дима мечтал об этой сцене: дикая амазонка, незаконно проникшая в спальню, набрасывается на него, словно дикая львица: «Аррр!» — рычит она. «Аггг», — отвечает маленький Дима… И вот он уже вырос, и умеет выговаривать эту львиную букву, и рычит: «Аррр!» — скрываясь в ванной комнате, чтобы отмыть руки от рукопожатий… и моет, настораживаясь от внезапной тишины. И Дима выглядывает из ванной комнаты… и тут Ксения на него набрасывается и сводит с ума.

О, это не то сумасшествие, когда, бледный и несчастный, ты озираешься по сторонам, просчитываешь всевозможные опасности и страдаешь от космической неуверенности… Таким было, где-то в глубине души, привычное Димино состояние. И сойти с ума для него значило отринуть вечные сомнения и тревоги, ощутить себя всемогущим, всесильным и настолько уверенным в себе, насколько это не дано здравомыслящему человеку — а только глубоко, внезапно и несколько даже истерически влюблённому.

И женщина вилась вокруг него травою шёлковою, волною морскою, летней жаркой непогодой заполняла пространство вокруг — ничего не оставляя для важного Диминого «Я», растворяя и сливаясь с ним. Такая ночь ломает любые хитрые постройки, над которыми ты можешь трудиться всю жизнь, прячась в них, разбирая и анализируя жизнь, что проходит где-то за бортом. Ты вдруг осознаёшь: «Всё шелуха». Ибо понимаешь, что Бог — есть. И Бог — это ты.

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a8724e8c3219', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Сергей Панарин. Рысьи глаза

В какой-то момент тебе придется перестать смотреть на мир детским взглядом…

СЕРГЕЙ ПАНАРИН MANUSCRIPT

…вышиб дно и вышел вон.
А. С. Пушкин

Серёжа стоял на краю пшеничного поля и бережно ловил ладошкой золотую волну, будто хотел погладить огромного кота, а тот норовил ускользнуть. Тёплый июльский ветер качал бескрайние колоски, шелест проникал в уши мальчика и заполнял, заполнял, заполнял голову…

«Сколько здесь колосков? — думал Серёжа, глядя на розовеющий горизонт. — И сколько зёрен в каждом? Сколько всего зёрен? Страшные миллиарды миллионов, наверное…»

Огромное поле восхищало, а вопросы о несметных количествах зёрен и колосков довершали ощущение какой-то пронизывающей бесконечности. Серёжу захлёстывала странная смесь восторга и опасения. Вдалеке, где-то между краем поля и горизонтом, за которым, как знал Серёжа, оно продолжалось, виднелся огромный дуб. Было ясно, что дойти до этого дуба можно за несколько часов, потом ещё обратно топать… Похоже, поход к дубу не состоится, да и незачем вроде бы.

«Но если не решусь, то никогда нигде не побываю, — подумал Серёжа, не отрывая взгляда от далёкого-предалёкого дерева. — Товарищ Балуев говорит, что когда-нибудь свозит. Но поехать — это немножко не то… Вот дойти бы…»

Привычно вспомнив о том, что каждые два часа нужно возвращаться домой, Серёжа отвернулся от дуба и поля и посмотрел на своё жилище — деревянный двухэтажный дом с пристроем. Рядом — сарай, курятник, теплица и поленница. Колодец-журавль. На самом кончике «носа» журавля высоко-высоко мигала лампочка — сейчас тревожным оранжевым светом. Наскучивший до чёртиков огород, по сравнению с полем почти отсутствующий, но на самом деле не такой уж маленький. И за высоким бревенчатым частоколом — лес.

Частокол заканчивался на границе поля, то есть пройди метров сто, заверни за забор — и вот тебе вход в лес, в хвойный сумрак и пахучую прохладу. Серёжа туда один не ходил. Не потому, что боялся (он вообще ничего не боялся, ну, почти ничего), а потому, что обещал товарищу Балуеву. Здесь товарищ Балуев был неприступен: лес — не место для одинокого героя, пусть ему уже почти двенадцать и он бесстрашен, как воины древности.

И что самое обидное, Ирка Жукова, единственная Серёжина подруга, не захотела сбегать в самоволку. Но Ирка — девчонка, с девчонок другой спрос. Даже такая умная девчонка — всё-таки не пацан.

В то же время из леса никогда ничего опасного не появлялось. Вот медведь не дурак же — может забор обойти. Товарищ Балуев сказал, улыбнувшись, я, мол, единственный в округе шатун, а остальные медведи обитают далеко и точно сюда не сунутся из-за отпугивающих приспособлений.

И как не верить товарищу Балуеву, если он председатель лесохозяйства? Каждый день он приезжает в гости по дороге, что проходит между полем и лесом. Летит на старом тёмно-зелёном УАЗике, подпрыгивает. Пыль столбом. Только фары на ухабах подмигивают. Урчит довольный двигатель. Товарищ Балуев приезжает с севера — там деревня Кордоны. Боевое такое название. А Ирку Жукову привозят из противоположных далей — там село Лепово.

Серёжа очень редко наведывается в Кордоны, а в Лепове был всего пару раз, и

то на несколько минут. Нельзя ему надолго отлучаться.

Вот и сейчас, посмотрев на редкие облака, гонимые ветром куда-то в сторону дуба и дальше, Серёжа зашагал к журавлю. Опустил звонкое ведро в таинственное и гулкое горло колодца, достал воды. Перелил в другое. Потащил к дому.

В сенях разулся, стараясь не плескать на пол. Понёс воду в дальнюю кладовку.

Там стояла клепсидра.

Конечно, одно название, никакие это не древнегреческие часы. Просто приёмный резервуар, вмещающий ровно ведро воды. И каждые два часа вода заканчивается. А ночью — каждые четыре. А Серёже во что бы то ни стало надо залить новую порцию, иначе (и вот здесь нет ни малейшего повода для смеха) домовой умрёт.

Не странный бородатый человечек, ворующий крошки, конечно. Умрёт, остановится, погаснет интеллект дома, питаемый водородным двигателем.

Серёжу иногда брало зло: почему тот же товарищ Балуев не раздобудет ему резервуар большей ёмкости? И почему в хозяйстве нет ничего, из чего можно сделать приспособление для подачи воды? Почему бы просто не поставить насос? Года три назад Серёжа задал эти вопросы товарищу Балуеву.

— Извини, брат ты мой, — пробасил председатель лесхоза. — У этой модели такое конструкционное ограничение. Знаешь зачем?

— Чтобы я не ушёл далеко от дома, — хмуро ответил тогда Серёжа.

— Соображаешь, — уважительно и сочувствующе сказал товарищ Балуев.

А домового подвести никак нельзя, хоть он и не человек. Домовой Серёже первый друг и даже больше — нет у Серёжи ни родителей, ни бабки-дедки. В старые времена кто-то стал бы его жалеть: сирота. Но никакой он не сирота, потому что родители живы, просто в дальней космической экспедиции, плюс поживите с таким-то домовым… И с товарищем Балуевым, который шесть раз в неделю по три-четыре часа учит Серёжу всяким наукам и рассказывает такое, отчего хочется быстрее вырасти и отправиться вслед за папой и мамой. А ещё — Ира Жукова. Без неё, без их игр и совместных уроков, совсем бы худо сделалось…

«Ладно, пора поогородничать», — вспомнил Серёжа. Лентяев здесь не было: парень ежедневно вкалывал на участке, выращивая овощи. Остальное привозил товарищ Балуев.

— К нам гости, — подал голос домовой.

Недовольно так сказал, потому что никого они с Серёжей не ждали. Мальчик предположил, что это колхозники: пшеница выглядела уже готовой к жатве.

Серёжа не ошибся. С севера припылила легковушка главного агронома. Дядя Ваня, кряхтя, вылез из её обшарпанного нутра и предстал перед маленьким хозяином заимки во всей красе — долговязый, усатый, морщинистый и в серой кепке, сдвинутой на затылок.

— Привет, малец, — гортанно проговорил дядя Ваня. — Как сам?

— Спасибо, дядь Вань, нормально, — ответил с крыльца Серёжа, почёсывая кожу, натёртую браслетом коммуникатора, и намекая гостю, что тот мог бы просто позвонить. — Уборочная начинается?

— Сечёшь! — подтвердил агроном. — Завтра приступим. До тебя доберёмся суток через трое. Так что не дрейфь, ну и водой помоги, как всегда.

— Конечно, дядь Вань!

Поговорили о погоде и видах на урожай, а потом огромный агроном чудесным образом сел в свою маленькую машинку и укатил восвояси.

Серёжа глядел ему вслед, предвкушая приятные дни. Во-первых, на бескрайних просторах будет хоть что-то происходить. Во-вторых, он, Серёжа, будет к этому причастен.

— Опять греметь и пылить станут, — пробурчал домовой. — Плюс вода не казённая…

Серёжа отмахнулся, мол, не начинай, он знал, что домовой всё видит через камеры.

На «носике» журавля чинно мигал зелёный огонёк.

* * *

До пяти лет Серёжа жил с родителями, а потом они отправились выполнять свой долг перед человечеством. Так они сказали. Так говорил и товарищ Балуев. Домовой ограничивался фразой: «Время пришло, вот и отбыли». Долги людей перед человечеством машине непонятны.

Серёжа хорошо помнил мамины глаза и музыкальный смех, а ещё копну волос — золотых и волнистых, как пшеничное поле. Отец запечатлелся в Серёжиной памяти исполином: могучим, быстрым и страшно умным. Он подбрасывал Серёжу в небо и, пока гравитация возвращала сына в его сильные руки, успевал перемножить в уме трёхзначные числа.

Естественно, у Серёжи были голографические изображения его родителей. И записи, на которых папа и мама с ним говорили… Это всё хранилось в памяти домового. Ещё и поэтому никак нельзя пропускать заправку клепсидры.

Раньше домовой был роботом, но к Серёжиному восьмилетию робот окончательно пришёл в негодность, тогда его блок памяти и встроили в сеть разумного дома. Да… Мальчик помнил: незадолго до отлёта родители привезли его сюда, в это одинокое «поместье», и робот был первым и единственным, кто их здесь встретил. Робот питал киберсистему дома, заливая в приёмную ёмкость по ведру каждые четыре часа. Это теперь расход энергии вырос — из-за «мозгов» домового.

Товарищ Балуев любил повторять, что разум — самая жирная статья затрат, но она того стоит.

Одним не очень прекрасным зимним утром товарищ Балуев осмотрел робота и сказал Серёже:

— Отпахался твой железный дровосек. Придётся выключить.

И, хотя председатель лесохозяйства не раз предупреждал Серёжу о том, что его единственный постоянный спутник и заступник скоро совсем износится, парень безумно расстроился. Тщательно подготовленная новость всё равно оказалась внезапной.

— Товарищ Балуев, — медленно, чтобы не вырвался плач, сказал тогда Серёжа. — Почините его, пожалуйста.

— Не могу, старичок, — печально ответил товарищ Балуев. — Таких давно уже не делают, запчастей в округе нет.

— А самим изготовить? — с надеждой выдавил тогда парень.

— Только молекулярным клонированием, но для этого надо разобрать дровосека-то…

Товарищ Балуев называл робота железным дровосеком неслучайно: помимо сходства со сказочным героем, робот иногда брался за топор и приносил к дому дрова. Но ближе к своей полной остановке он совсем перестал ходить в лес. Старость.

Серёжа так и не дал роботу имени. На этом настоял отец. Он не хотел, чтобы Серёжа обманывался насчёт машин. В более поздних записях, которые постепенно разблокировались по мере Серёжиного роста, отец не раз возвращался к этой теме.

А Ира Жукова свою робокомпаньонку называла Мамми — в честь героини какого-то древнего романа про чужую войну.

Так вот, робота было неимоверно жаль, и Серёжа ощутил, что остаётся совсем один в этом доме. Сначала родители, теперь дровосек… Тогда он впервые захотел сбежать куда глаза глядят. Но лучше в погоню за мамой и папой, хотя глупо, глупо… За несколько лет они успели улететь слишком далеко.

От них остались изображения и голоса. От робота только голос. Постепенно Серёжа свыкся.

Он помнил, как из района приехали молчаливые техники и после серьёзной доработки сопряжений квантовые «мозги»

робота разместились в блоке памяти дома. Дом стал ещё умней.

Техники увезли останки железного дровосека. С тех пор Серёжа носил вёдра сам.

За стандартный год, как он посчитал, водородный двигатель «выпивает» три тысячи пятьсот вёдер воды. Тридцать шесть с половиной тысяч литров! Тридцать шесть с половиной кубометров.

Если взять куб со сторонами длиной чуть меньше трёх с половиной метров, то получится как раз годовая потребность. Однажды Серёжа представил этот куб во дворе. Впечатляюще.

* * *

К вечеру, как обычно, приехали с разных сторон Ирка и товарищ Балуев.

Вообще, Ирка не была привязана к своему дому так, как Серёжа, и потому он ей слегка завидовал.

Ирка, чернявая гибкая девчонка, лазающая по деревьям едва ли не ловчее Серёжи, обладала кошачьей грацией и несносной манерой резко менять тему разговора.

— Смотри, чё умею! — выпалила она вместо «здрасьте», едва выскочила из машины.

Стремительно побежала к дому, подпрыгнула и в пару шагов по стене оказалась чуть ли не у самой крыши, оттолкнулась, сделала восхитительное сальто и приземлилась на ноги.

— Здорово! — выдохнул Серёжа.

— Вчера научили. А я тебя научу. Позже, если захочешь, — пообещала Ирка.

Мамми, сидящая за рулём машины, и товарищ Балуев, чей УАЗик как раз вкатился в Серёжин двор, демонстративно морщились. Им сумасшедшие прыжки и беготня по стенам явно не понравились.

Домовой тоже высказался:

— А следы кто затирать будет?

Впрочем, никаких отпечатков не осталось. Ворчун, он и есть ворчун.

Начался традиционный трёхчасовой учебный цикл с перерывами каждые тридцать минут. Товарищ Балуев сначала разбирал с Серёжей и Иркой системы квадратных уравнений (тут Серёжа оказался сообразительнее Ирки), потом был диктант (здесь традиционно чемпионствовала Ирка), а третий час посвятили истории. Серёже история не очень нравилась, он не понимал, зачем нужно знать, кто в дремучем прошлом кому приходился вассалом, врагом или потомком, как были устроены давно исчезнувшие государства и в каком году произошла битва при очередной речке.

Товарищ Балуев добродушно и не без грусти говорил на это:

— Настанет время, сам поймёшь… наверное…

Серёжа чувствовал, что это цитата, но не знал, откуда.

После занятий Мамми традиционно накрыла в гостиной стол и вся честная компания с удовольствием почаёвничала, обсуждая и предстоящую уборочную, и начинающийся чемпионат Мира по футболу, и способы выживания в лесу, и даже какие косички лучше заплести Ире Жуковой, если на дворе июль, а модные тенденции далёкой столицы вновь тяготеют к африканским мотивам.

В вечернем воздухе пахло отступающим зноем.

— Завтра утром английский и литература. Не опаздываем, — сказал товарищ Балуев и упылил в сумерках домой.

Ирка упросила Мамми не торопиться, и у ребят появились свободные полчаса. Нянька пошла в дом смотреть очередную передачу для тех, кому до всего есть дело, а Ирка принялась учить Серёжу бегать по стене.

Чтобы не злить домового, отправились к сараю.

Сначала выходило так себе, но потом парень разобрался и понеслось. Они даже успели отрепетировать синхронный трюк.

— Прикинь, а раньше редкий человек мог выше головы прыгнуть, — сказала Ира. — Чё они с этим делали, ума не приложу!

Проводив Ирку, Серёжа сел на крыльцо и задумался. В который раз ему стало грустно: все разъехались, он снова остался один. Несправедливо.

Да, можно в любой момент соединиться из гостиной с любым человеком, если тот не занят, и говорить с ним, будто нет расстояний: голографическая технология последнего поколения. Но это всё не то…

С другой стороны, родители сейчас летят где-то в бескрайней пустоте. Сидят в космическом корабле, и никого больше. Миллионы километров от Земли. Бесконечность, не помещающаяся ни в какое воображение.

Серёжа поёжился, растёр плечи, чтобы согнать гусиную кожу, и пошёл внутрь. Английский сам себя не выучит.

Правда, после английского рука сама собой потянулась к кубу с последней разблокированной родительской записью.

— Здравствуй, Серёжа, — сказала мама, улыбаясь. — Папа сегодня в отъезде, поэтому я поговорю с тобой одна. Ты получишь это послание, когда мы будем на подлёте к Альфе Центавра, наверняка мы уже почти схватили Кентавра за ногу, как говорит твой отец. Я уверена, что тебе непросто, но ты сильный товарищ, по-хорошему упорный. В общем, не квасишься… И… Я тебя очень-очень люблю…

Серёжа поспешно выключил запись и прошептал:

— Я тебя тоже люблю, мама.

* * *

Ни свет ни заря на горизонте запылили комбайны: началась уборочная. До Серёжиного жилища этим полностью автоматизированным системам было ещё дня четыре непрерывной круглосуточной работы. Скорее всего, на четвёртый-пятый день они начнут приезжать к нему на заправку, и колодец станет поить несколько водородных двигателей.

До занятий науками оставалось сто три минуты, и Серёжа отправился в ежедневную пробежку. Обычно маршрут пролегал по периметру Серёжиной вотчины — по ту сторону частокола.

Ближние пределы Серёжа изучил досконально. Здесь всё было привычно: каждый изгиб тропинки, пара поваленных сосен, причудливые пни, муравейник… Сегодня Серёжа отчётливо почувствовал, насколько ему наскучил этот маршрут. Здесь он подмечал лишь редкие небольшие изменения, иногда останавливался рассмотреть дятла или другую птицу, пару раз натыкался на оленей. Жизнь текла в своём непререкаемом ритме: от сезона к сезону, от дня к ночи, от двухчасовки номер один к двухчасовке номер десять… Круг за кругом…

Невыносимо!

Серёжа решительно свернул с тропинки и побежал вглубь леса. Только на экран коммуникатора привычно глянул, чтобы не потерять счёт времени. Хотя он и так отлично чувствовал время.

Четверть часа бежалось легко и интересно: тот же лес, но совершенно новые места.

Вдруг какое-то шестое чувство остановило Серёжу. Он замер, вслушиваясь в шум ветвей и листвы. Сзади хрустнула ветка.

Серёжа обернулся.

Неподалёку стояла рысь. Большая кошка пристально смотрела на бегуна. Бегун глядел на рысь.

Они стояли несколько секунд, не мигая и не шевелясь.

Почему янтарные рысьи глаза с чёрными чечевицами зрачков так напоминали мамины?.. Может, потому что они норовили заворожить Серёжу, но и он мысленно посылал хищнице предупреждение: «Не связывайся со мной, я тебя не боюсь!»

Серёже показалось, что все звуки погасли и окружающее пространство свернулось в причудливый коридор между

ним и хищницей. Рысь фыркнула и скрылась в кустах.

Только теперь вернулся привычный лесной шорох. Серёжа осознал, что зверь был рыже-серый, больше полуметра в холке и с милыми кисточками на ушках.

— Мур прямо-таки, — пробормотал Серёжа, попятился, на всякий случай не отрывая глаз от кустов, а потом побежал дальше, чуть забирая в противоположную от хищницы сторону.

«Рысь захотела и пошла вглубь леса, — думал он. — Потом захочет и выйдет не спеша к какому-нибудь Лепову. Добудет курочку. А Серёжа будет таскать вёдра и следить за огонёчком на журавле».

Тут его и ударили в спину.

Серёжа перегруппировался в падении и кувырком покатился к ближайшим деревьям.

Спину жгло: рысь когтями разорвала майку и кожу под ней.

Серёжа успел увидеть, что хищница изготовилась к новому прыжку.

Потом заметил палку и метнулся к ней.

Рысь прыгнула.

Серёжа, лёжа на спине, выставил палку, словно шпагу, навстречу рыси.

Кошка была тяжёлой. Она коротко мявкнула, напоровшись грудью на палку, и отлетела куда-то вправо, а Серёжа тут же вытянул палку в её направлении.

Нет, рысь передумала геройствовать и убежала.

Приподнявшийся на локти Серёжа проводил её взглядом, полежал ещё немного, поднялся, сориентировался и, опираясь на своё оружье, побрёл домой. Боль пронзала левую часть его спины при каждом вдохе.

Серёжа осознавал, что теряет силы.

* * *

Он очнулся в собственной кровати, когда солнечный луч упал на его лицо.

Рядом в усталом оцепенении сидели товарищ Балуев и Ира Жукова. Особенно Серёжу удивило Иркино спокойствие: никогда эта егоза не была такой кроткой и тихой.

Товарищ Балуев заметил, что Серёжа в сознании.

— Очнулся, старичок! — обрадованно пробасил он, потирая руки, как перед партией в шахматы. — Ну, и напугал ты нас! И что характерно, рыси так нападают очень редко, очень… Но ты молодец!

Ира тоже ожила: коротко сжала Серёжину руку, поправила одеяло, снова схватила его за кисть.

Говорить не хотелось.

— Сколько я?.. — просипел Серёжа и сморщился от боли в спине и груди.

— Да, считай, пятые сутки, — ответил товарищ Балуев. — Она ж тебе рёбра сломала, одно из них проткнуло лёгкое. Внутреннее кровотечение, не шутка… Но ты настоящий боец, Сергунь! Дополз почти до дома. А тут и я по тревоге приехал.

Товарищ Балуев постучал пальцем по браслету коммуникатора, который висел на Серёжиной руке.

— Великая вещь! Только ты зря помощь не вызвал. Я бы быстрей прибыл.

— Я не догадался, — соврал Серёжа и закрыл глаза.

Сквозь полудрёму Серёжа слушал, как товарищ Балуев рассказывает Ире, что за герой тут перед ними лежит, а потом негромко поёт на мотив песни «Всё хорошо, прекрасная маркиза!» совсем другие слова:

Ко мне он кинулся на грудь,
Но я в него успел воткнуть
И там два раза провернуть
Своё оружье. Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во тьме
Бой продолжался на земле,
А в остальном, прекрасная маркиза,
Всё хорошо, всё хо-ро-шо!..

За окном слышались знакомые звуки: к колодцу подъезжали комбайны, коммутировались к временному насосу и заправлялись. Комбайны шли на водопой организованной толпой.

«Вот так бы и погиб, мира не посмотрев», — подумалось Серёже, и наконец-то стало по-настоящему страшно.

Серёжа рассердился на себя, затем принял важнейшее в жизни решение и — заснул.

* * *

На вершине журавля мерцал красный огонёк, отчаянно привлекая к себе внимание, но смотреть на него не хотелось.

Серёжа сидел на крыльце, на самой верхней ступеньке, барабанил пальцами по рюкзаку, лежащему на коленях, и смотрел на поле, щетинящееся «пеньками» пшеничных стеблей. Казалось, что дуб расположен ещё дальше, чем обычно. Серёжа мог бы отправиться к дубу два часа назад, но это было бы слишком подло по отношению к домовому.

— Серёжа, — грустно и тревожно позвал домовой.

— Что?

— Если ты не нальёшь воды в течение ближайших пятнадцати минут, я перестану существовать.

— Я знаю, — прошептал Серёжа.

— Выключатся системы жизнеобеспечения дома, сотрутся все квантовые данные… В том числе учебные курсы, библиотека и… сеансы твоих родителей.

Серёжа кивнул.

Он снова был здоров. И впервые по-настоящему готов.

Серёжа снял с руки браслет коммуникатора и аккуратно положил на ступеньку, поднялся с крыльца, устроил на спине рюкзак и зашагал к дубу.

В рюкзаке ничего лишнего: сухой паёк, вода, самая нужная одежда, кое-какие мелочи и самый ёмкий блок внешней памяти — с несколькими записями папы и мамы…

Домовой что-то говорил ему вслед, но Серёжа шёл, не оборачиваясь и не стирая слёз с лица.

Если не решишься, то никогда нигде не побываешь.

* * *

Двадцать долгих минут Серёжа бездумно, как сомнамбула, шёл, глядя на далёкие размытые очертания дуба. Благодаря многолетнему «водному» режиму Серёжа хорошо чувствовал время. Да, двадцать минут.

Теперь его захлестнула волна непобедимого сожаления: зря он это всё, зря!..

Серёжа резко развернулся и побежал обратно, к дому. Да, далеко успел… Слёзы мешали рассмотреть родное «поместье», контуры расплывались, но через несколько шагов Серёжа остановился.

Огонёк на журавле не горел.

Протерев глаза, Серёжа увидел дом и двор как есть — резко и ясно. Сомнений не осталось: всё обесточено.

Серёжа несколько раз ударил себя кулаком в лоб, зажмурившись и неистово сжимая зубы.

Затем отвернулся от дома и снова зашагал к дубу.

Мир опять потерял резкость. Серёжа с досадой подумал: «Только и делаю, плачу, как девчонка!», но ошибся. Глаза оставались сухими, зато с окружающей действительностью творилось неладное: куда ни смотрел Серёжа, везде перед его взглядом пробегал муар, переходящий в рябь, как на поверхности воды.

Он всё же не переставал шагать, хотя становилось всё тревожней и тревожней.

Воздух вокруг него сгущался и холодел. Движения давались с трудом, но дышалось нормально. И в тот момент, когда Серёже показалось, будто он вовсе идёт каким-то волшебным способом по дну моря, сопротивляясь водной толще, всё вокруг

словно обрушилось водопадом нереальных масштабов, и стало темно.

А потом под ногами начало постепенно светлеть…

Существо было большим — примерно с Серёжину теплицу. Существо напоминало детский рисунок человека: непропорциональное, с толстыми руками и ногами, совсем без шеи, но с огромными глазищами и тонким, будто линия, ртом, а само розовато-серое. Существо сидело на своеобразном диване, и казалось, что сейчас оно стечёт на матовый пол, испускающий ровный желтоватый свет.

Серёжа опасливо поёжился, но всё же не испугался.

Откуда-то сверху (а потолка не было видно, всё терялось в темноте) раздался голос — грудной и какой-то тёплый, напоминающий тембр Серёжиного отца:

— Ты покинул эмуляцию раньше, чем мы рассчитывали, лягушонок.

При этом существо сохраняло фундаментальную неподвижность.

«Телепатия», — решил Серёжа.

— Мы договорились с твоими родителями, что ты отправишься домой, как только покинешь кокон детства.

— Домой?! — сипло спросил он.

— Да, на Землю. Ты далеко от своей системы. У тебя много вопросов, поэтому сначала выслушай, потом задашь. Хорошо?

Серёжа кивнул.

— Ты родился в космосе, по пути к рукаву галактики, соседнему с вашим. У вас, землян, весьма развитые технологии, нам было чему поучиться. Вам, в принципе, тоже пригодился бы наш опыт. Проблема в том, что ваш корабль попал в аварию, когда тебе было пять земных лет. Ты находился в самой защищённой части корабля, в так называемой капсуле безопасности, и почти не пострадал. К сожалению, твои родители работали в периферийных отсеках. Отец погиб сразу, а мать получила ранения, несовместимые с жизнью.

— А как же?.. — вклинился Серёжа.

Существо подняло руку, дескать, не перебивай.

— Ваши корабли имеют завидную связь с мозгом человека. В распоряжении бортового компьютера остался пусть обеднённый, но слепок личности твоего отца, а мать, которую ваши роботы поместили в реанимационную камеру, пришла на несколько дней в сознание и с помощью виртуального интеллекта твоего отца тщательно подготовила программу твоего развития. Для этого не надо было покидать камеру…

— И она успела это вот… всё? С домом?.. С Иркой и товарищем Балуевым?! — не выдержал Серёжа, не сводя глаз с существа.

Существо стремительно порозовело, серый цвет почти исчез.

— Мы… Я помог твоей матери. В некотором смысле наша встреча в космосе стала причиной аварии вашего корабля. Подготовка эмуляции была насыщенной и рассказала о вашей цивилизации больше, чем любые другие данные. Наблюдение за твоим ростом — тоже.

Существо глубоко вздохнуло и сделалось чуть менее розовым, но Серёжа нутром ощутил исходящие от существа волны скорби.

— Твои родители — подлинные герои. Что по вашим, что по нашим меркам. Те недолгие дни, что оставались твоей маме, она прожила ради тебя, лягушонок. И затем стёрла свой слепок и отца… Все вычислительные мощности перенаправила на эмуляцию.

Серёжа опустился на белый пол и потрогал его руками. Эмуляция… Не было ничего настоящего? Или всё настоящее?

— Где я был? Где я сейчас? Я сплю? — тихо спросил он.

Существо подалось вперёд.

— Ты находился в психофизической эмуляции. Все твои физические действия от поездок в Кордоны до поединка с роботом-рысью — настоящие. Ты передвигался внутри вашего корабля. Он и был очень… вместительным, но мы

пристроили немаленький дополнительный отсек. Корабль дрейфует в космосе, мы и сейчас внутри, а я тут гость с позволения твоей мамы. Это что касается физического аспекта. А вот твои ощущения были дополнены. Огромная перспектива пшеничного поля, бескрайний лес, смена погоды — это всё деликатно скорректированные ощущения.

— А Ира? Товарищ Балуев? — спохватился Серёжа. Ему очень хотелось, чтобы это оказались члены экипажа.

— Ира Жукова и товарищ Балуев — персонажи, придуманные твоей мамой, — ответило существо. — Она создавала ситуацию в крайне стеснённых условиях: ни времени, ни ресурсов. Поэтому тела Иры и товарища Балуева принадлежат бортовым андроидам, а основы для личностей взяты из коллекции персонажей, запасённых в бортовом компьютере корабля. Представители вашего вида терпеть не могут долгого одиночества… Твоей маме был присущ не до конца понятный нам юмор: Ира Жукова создана из сбойного программного психомодуля, она, по выражению твоей мамы, баг. Баг Ира. И товарищ Балуев. Багира и Балу.

Серёжа, конечно же, знал сказку древнего земного автора. И теперь понял, почему существо назвало его лягушонком.

Маугли.

* * *

Через несколько земных месяцев корабль с Серёжей на борту отправился к Солнечной системе.

Тот, кого Серёжа мысленно называл существом, сделал всё, что от него зависело: подробно рассказал мальчику, кто он и откуда, подготовил корабль и пассажира к долгому пути домой и записал послание для человечества.

Теперь существо возвращалось в свою систему, анализируя накопленные знания и изредка переслушивая своё обращение к землянам:

— Мои дорогие братья! Жители прекрасной голубой планеты! Я никогда не увижу ваши поля, леса, реки… Но мне показали их ваши посланники… Прежде всего искренне прошу у вас прощения, потому что я по недоразумению атаковал ваш корабль. Кодекс чести предписывает мне минимизировать нанесённый ущерб. Поэтому оставшийся в живых человеческий детёныш рос и воспитывался, пока не достиг психической готовности к…

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a8724ed52efc', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Дарья Рубцова. Зависимость

Они живут (если такое можно назвать жизнью, а не медленным угасанием) в трех разных мирах — и связь между ними невозможна. Но… действительно ли это так?

ДАРЬЯ РУБЦОВА MANUSCRIPT

Частный детектив Андрей Ветер просыпается в роскошном номере дорогого отеля и с безучастным видом смотрит на часы.

Еще нет и семи, а сна ни в одном глазу.

Впереди длинный день и уйма свободного времени — какая радость, господа, какая радость. Он вспоминает старый анекдот про картавого полковника и, зажмурившись, громко выкрикивает это в потолок: «Какая г’адость!»

Встает и медленно бредет в ванную комнату.

Зеркало мгновенно запотевает, страшась его отражения, зубная паста пахнет апельсином. Наверное, стоило бы побриться, думает он, ощупывая подбородок. Хотя бы ради этой милой Натали, что придет убираться в его номере. Когда-то Натали улыбалась ему и флиртовала, у них даже намечался роман — по крайней мере, так казалось первые пару недель. Теперь она отворачивается и спешит поскорее покинуть номер, опускает низко голову, обходит его бочком. Конечно: зарос, как лютый геолог, похудел, озлобился. Перестал отдавать вещи в прачечную — рубашку, в которой и ест, и спит, последний раз менял неделю назад.

Вывалившись из ванной в мокрой рубашке, он шлепает босиком к окну, смотрит вниз.

Внизу идет жизнь. Гости уезжают и приезжают, работники отеля суетятся и деловито снуют между ними, похожие на жуков-навозников в этих своих блестящих синих пиджаках. А дальше, так близко, но так далеко, виднеется залив: светится вода, отражая утреннее солнце, гудят отплывающие катера.

Все это не для него. Потому что он не может выйти из отеля.

Агорафобия, так это называется. Психиатрии известны разные случаи ее внезапного проявления, но тут какая-то совершенно уникальная ситуация. Ведь вот, смотрит в распахнутое окно, перегибается через подоконник — и никаких неприятных ощущений. А стоит приблизиться к дверям отеля, стоит попытаться перешагнуть порог — и мгновенно наваливается паника: душат спазмы в горле, трясутся руки, подламываются немеющие ноги. И все озаряет свет — белый, неистовый.

Он приехал в отель… когда это было? Три, пять месяцев назад? Расследовал свое четвертое дело, важное, интересное. Заказчик обещал нехилую сумму, и разгадка была близка. И вдруг в одно прекрасное утро… проснулся и понял, что не может выйти на улицу. Никак.

Томми Грин, последний пират, раздолбай и мошенник, ворочается с боку на бок на жесткой тюремной койке и никак не может уснуть.

Вот ведь история, думает он, злобно царапая глазами потолок, — днем валишься с ног от усталости, а ночью все та же песня. Бессонница. Как у беременной дамочки или у того психа-детектива, про которого показывали сериал в автобусе.

Вспомнив сериал, он усмехается. Какой фигней иногда бывает забита голова. Казалось бы, что ему этот псих? Выдумка, высосанный из пальца сюжет. Смотрел только потому, что дорога дальняя, а на смартфоне сел аккумулятор и нечем было заняться. Но вот запомнился. Впрочем, это ведь было последнее, что он посмотрел на воле: сразу по прибытии его взяли копы, прямо на вокзале. Наверное, дело в этом.

Он грустно вздыхает и, чтобы немного развлечь себя, начинает потихоньку материться шепотом, придумывая копам все более витиеватые оскорбления. Потом костерит уже самого себя.

Эх, Томми. Старый ты паршивый глупый пес. Как можно было так попасться? С какого перепугу понесло тебя приехать автобусом и выйти на вокзале на виду у всех? Ведь и ребенку ясно, что копы будут ждать именно там.

И какого черта ты доверился старине Бену? Он обещал вытащить через месяц… а прошел уже год, и никаких вестей.

— Граф Бедрич…

Грегор поднимает глаза, щурится, прикрывая лицо ладонью. Кто-то зовет его, кто-то пришел на помощь?

Нет. Это снова мерещится, умирающее сознание рождает иллюзии. Он здесь один, один. Уже тысячу лет один. Коварные двери надежно запирают вход, никто и никогда не откроет склеп, в котором живет вампир.

Впрочем, живет — это слишком сильное выражение, скорее стоило бы сказать: умирает. Вечно холодный мертвец, вечно живой труп, самое несчастное в мире существо.

«За что же? — думает он с тоской и незатихающей обидой. — За что они со мной так? Ведь я отказался пить их кровь, я сохранил им жизни. Собаки, олени и птицы — вот кто служил мне пищей сотню голодных лет, я не хотел убивать людей. И как они отплатили?»

«Останься здесь, — сказали они, — чтобы солнце не сожгло тебя утром. Мы закроем дверь, и Древний не найдет тебя тут. Дверь запирается снаружи, но ты не волнуйся, завтра вечером мы вернемся за тобой».

Так они сказали и ушли — девушка, которую он любил, и ее старший брат, — сказали и ушли. И не вернулись.

«Чем же, чем. Чем заняться?»

Этот вопрос так и крутится в голове на бесконечном повторе.

Что прикажете делать целый день в этом прекрасном, роскошном, отвратительном отеле?

Мини-бар знает ответ. Чудесный мини-бар, в котором бутылки появляются по утрам сами собой, бесконечный источник алкоголя. Но пить уже совершенно невозможно. Как и смотреть сериалы, как и читать новостные ленты: иногда нудные, иногда пугающие, но всегда невыносимые для человека, неспособного выйти на улицу.

Его когда-то крепкая психика с каждым днем все больше напоминает весенний лед и угрожающе потрескивает. Происходящее кажется дурным сном: друзья не отвечают ни на звонки, ни на сообщения; далекие родители затаились и молчат; администрация отеля откровенно игнорирует его, а обслуживающий персонал отводит глаза и отворачивается. Хотя в первые недели все они были на редкость активны: Натали набивалась в любовницы, бармен в первый же вечер подмешал наркоту в коктейль, а старик-охранник настойчиво предлагал купить у него пистолет. И что? И где они все теперь?

Хоть бы явились потребовать оплату за номер!

Раньше он часто размышлял над этим: почему молчит администрация? По идее, деньги на карточке, с которой он оплачивал первый месяц, давно должны были закончиться. У него совсем нет источников дохода, а ест и пьет он тут за двоих. Потом перестал волноваться: дареному коню в зубы не смотрят, не гонят — и хорошо. Но… но.

Еще эти сны. Сны про двух странных парней, каждую ночь. Томми Грин — рыжий верзила разбойной наружности, и Грегор Бедрич… или Бедрик… короче, какой-то граф. Полуистлевшая мумия, запертая в склепе, — вампир.

Странные, пугающе реалистичные сны. У Томми проблемы: он сел за решетку, отказавшись сдать друзей, те обещали вытащить его — и пропали. А вампирского графа кто-то запер в склепе, и вот уже много лет он мучается от голода, не в силах ни умереть, ни выйти наружу.

По сути, истории обоих можно считать искаженными отражениями его собственной участи: смятенное сознание порождает фантазии в поисках выхода из тупика… но иногда ему кажется, что эти имена он где-то слышал. Где-то тут, в реальности. От кого? Когда?

Открыв ноутбук, он в который раз вводит в строку поисковика: «Томми Грин». И вдруг, повинуясь внезапному импульсу, правит «Томми» на «Томас», добавляя через пробел: «тюрьма, арест, автобус, вокзал». И замирает, в изумлении глядя на экран.

«…полиция арестовывает Томаса на вокзале, когда тот выходит из автобуса. Бен обещает другу вытащить его в скором времени. Однако в финале зрители видят, что машина Бена попадает в аварию, и остается неясным, выживет ли он. В октябре 2016 года кинокомпания Warner Bros. объявила о начале съемок второй части, но позднее проект был отложен на неопределенное время.

Эта статья последний раз редактировалась…»

Дни в тюрьме тянутся и тянутся — бесконечные, нудные, злые. Совершенно нечем заняться, никто не цепляет его, никто не качает права. Сокамерники — угрюмые тихушники, охранники подозрительно вежливы. Не с кем даже парой слов перекинуться.

По ночам бессонница… а если и заснешь, снится какая-то гадость — то отрывки из того злополучного сериала про русского (вот ведь прицепился!), а то еще хуже — кошмар, мрачная давящая жесть: маленькая комната без окон и дверей и ползающая по полу мумия.

Мумия эта — какой-то граф, во сне он это всегда знает и немного сочувствует ей. Бедняга, никак не может выйти. Оно, может, и хорошо, что такая дрянь остается запертой, но отчего-то кажется, что граф на самом деле — нормальный парень и не причинил бы никому зла.

Его крики невыносимы.

Ну ладно, мумия… кошмары снятся всем. Томми, правда, никогда раньше не снились, но это нормально, так все говорят. А вот чего в голову втемяшился этот русский?

У кого он ни спрашивал, никто такого сериала не смотрел. «Про русского? Что за…» Ну да, не нашли, что ли, сюжета получше, чем история русского следака, который зачем-то приехал в Нью-Йорк и втюрился в горничную? Наверное, это что-то для девчонок было — там у них дальше, походу, будет любовь и всякие паршивые драмы. Скукота.

Почему Томми все время думает о нем?..

По вечерам он ходит в тюремную библиотеку. За всю свою жизнь на свободе он прочитал от силы две книги, но тут совершенно нечем заняться, поэтому в ход идет все: романы британских классиков, детективы, какая-то галиматья про звездолеты… однажды ему попадается совсем старая потрепанная книга с клыкастым вампиром на обложке. Про вампиров он еще не читал, но смутно помнит, что это что-то женское — романтика, то, се. Вот ведь как это попало в мужскую тюрьму?

И все-таки он открывает ее, где-то ближе к концу, листает последние страницы и вдруг замирает в мучительном раздумье. Грегор Бедрич… Бедрич… где-то он это… черт!

Ночи неотличимы от дней, сны неотличимы от яви. Ему мерещатся реки крови, он зачерпывает полные пригоршни — пьет соленую, сладкую, жгучую жидкость, смеется сквозь стоны и боль. Иногда среди этих блаженных картин возникают другие — какие-то люди в странных одеждах, комнаты с безумной обстановкой. Чаще всего в этих снах он видит четырех человек.

Один высокий и светловолосый, с прозрачными, как вода, глазами — Грегор часто видит его у окна, залитого ярким светом. У него странное имя, что-то вроде Анри. Второй — рыжий, огромный, похожий на варвара, он всегда в тени. Томас. Эти двое во снах кажутся Грегору старыми друзьями, он никогда не видел их раньше, но ощущает родство, словно с потерянными в детстве братьями.

Двое других — их враги, они замышляют зло. Маленький и тщедушный, с черной щетиной у рта — колдун, каким-то образом подчинивший Анри, заточивший его в комнате с ярким светом. Из-за него Анри не может выйти на улицу, а мечтает об этом почти так же страстно, как сам Грегор.

Высокий урод, вставивший стекла в глазницы, — это враг Томаса.

«Братья. Ваши враги — мои враги, — шепчет Грегор, выныривая из кровавых сновидений, — если меня уже не спасти, позвольте хотя бы вам помочь. Скажите мне, как?»

Однажды он слышит разговор тщедушного с кем-то невидимым в тени.

— Нет. Новый сезон мы не планируем. Да, так прямо и отвечай, рейтинги были слишком низкими… а пусть посмотрят на айэмдиби. Какие фанаты, я тебя умоляю, группа на фейсбуке?.. И сколько их, пятьсот? — Тщедушный смеется, сипло кашляет, рассыпая брызги слюны. — Ладно, следующий вопрос…

Непонятные слова режут слух, тон тщедушного вызывает ярость. «Не планируем». Грегор вдруг отчетливо понимает — разговор об Анри. Имя не произносится, но он чувствует, знает: здесь и сейчас решается судьба светлоглазого брата.

Что он не планирует? Выпустить Анри из комнаты?

— Паршивый мерзавец! — он рычит, вкладывая в голос всю накопившуюся за десятилетия ярость, и тщедушный оборачивается вдруг, раскрывает в ужасе глаза.

— Сон? Я сплю… сплю-сплю-сплю…

— Уснеш-ш-шь! Уснеш-шь! Навсегда! — Грегор тянет вперед руку с выпущенными когтями и с ликованием понимает: сейчас этот колдун оказался в пределах его досягаемости. Его можно схватить. Можно дотянуться до его горла.

Можно… напиться наконец крови? Сейчас! Пить, глотать, захлебываться!

Но тогда Анри навсегда останется в заточении.

— Не планируешь, так начинай планировать! — он шипит сквозь зубы, борясь с мучительным искушением. — Ты выпустишь его из этой комнаты. Выпустишь… или я вернусь. Слышиш-ш-шь? Вернусь!

Он не знает, сможет ли вернуться, но тщедушный, кажется, верит ему.

— Запускаем. Да, я все решил, запускаем… это вчера, а сегодня ситуация изменилась. Есть тут одна идейка… нужен сценарист хороший и чтоб недорого, давай, шустро. Это будет кое-что новенькое, чего не ждут. Раскрутим так, что за русским охотятся сектанты — последователи Сталина… да, того самого. И горничная в отеле — их агент. Поворот, да? Будет прорыв, ты сам говорил, что фанатов много… Ну, группа на фейсбуке же есть?

Тодд Дженкинс, в прошлом журналист и писатель, а нынче просто недовольный жизнью пенсионер, открывает почту и с удивлением читает тему первого письма:

«От заключенного Томаса Грина, Тюрьма штата Вайоминг».

«Уважаемый мистер Дженкинс. В нашей тюремной библиотеке я нашел вашу книгу про графа Бедрича. И хочу сказать вам. Это отличная книга! Только закончилось все плохо. Этот граф, он же нормальный был, он людей не трогал. А его заперли. Ладно, вы так решили, ваше право. Но тогда ведь надо было написать продолжение. Так ведь? А я точно знаю, эта книжка последняя. И получается, что граф навсегда застрял в склепе. Он же хочет есть, так не делается, честно. Мистер Дженкинс, это нехорошо…»

— Стив… — Миловидная секретарша с трудно запоминаемым именем выглядит взволнованной. — Стив, вы должны это прочитать. Прислали сценарий, и Бобби говорит, что это потрясающе. И что нужно обязательно обратить ваше внимание на это, как можно скорее. Представляете, какой-то русский написал сценарий для второй части «Бешеной пули»… и не требует гонорар! Бобби говорит, что

сценарий — бомба. Нечто совершенно новое!

— Граф Бедрич…

Дверь со скрипом приоткрывается, за ней плещется ночь. И это не сон. Кто-то стоит у склепа, не решаясь войти внутрь.

Интересно, думает Грегор, друг или враг?

— Слышь, Грин. — Охранник вкладывает ему в ладонь клочок бумаги. — За тобой должок, — шепчет он с кривой улыбкой и тихо уходит прочь.

Томми смотрит на клочок, буквы прыгают у него в глазах. Черт, сейчас он разревется, как сучка. Это почерк Бена.

Частный детектив Андрей Ветер просыпается в роскошном номере дорогого отеля и вдруг понимает, что сегодня сможет выйти на улицу.

Вскакивает, бежит в ванную комнату, на ходу снимая давно не стиранную рубашку, долго и тщательно бреется перед зеркалом. Единственная чистая футболка выглядит мятой, но это лучшее, что у него есть.

Он спускается в холл, замирает на мгновение у дверей. Потом делает шаг, и двери раскрываются перед ним с тихим шелестом.

На небе ни облачка, яркое солнце заливает улицу светом, впрочем, как и каждое утро в этом городе. Андрей останавливается и закрывает глаза, подставляя бледное лицо солнечным лучам.

— Мистер Ветер, рад, что вы снова с нами. Кофе? — Молодой незнакомый ему охранник настойчиво вкладывает ему в руку пластиковый стаканчик.

Странно, в баре для постояльцев всегда готовы сварить прекрасный свежий кофе, и нальют его, конечно же, не в стаканчик, а в дорогую фарфоровую чашечку. Зачем этот парень принес ему кофе из автомата? Андрей улыбается — возможно, в стакане яд. Или снотворное, это даже более вероятно. Он сделает глоток и уснет, а когда очнется, вокруг будет уже совсем другая история. Пугающая, жуткая, странная или смешная… но другая. Новая. И это хорошо.

Он садится на ступени, мечтательно смотрит в небо.

Неплохо было бы перед кофе все-таки сходить на пристань — поплавать на катере или хотя бы просто постоять у воды. Но охранник напряженно маячит рядом, и Андрей кивает ему. Ладно, парень. Я сейчас.

— Живой, — бормочет он перед тем, как сделать первый глоток, и снова улыбается. — Я живой.

Тодд Дженкинс сидит на веранде с кривой улыбкой и лихорадочным блеском в глазах. Его пальцы бегают по клавишам со скоростью тараканов. На душе у него светло, а сердце колотится в радостном предвкушении. То самое чувство, которое, как он думал, навсегда потеряно для него. Вдохновение, сэр. Оно. Оно.

Граф Бедрич уже покинул склеп, уже напился, умылся и готов к новым приключениям.

— Боже! — Тодд отрывает глаза от экрана и невольно смеется, качая головой. — Новая жизнь, Грегор! Это новая жизнь для тебя и для меня. Но как же все-таки… черт, как же все-таки я завишу от тебя, сукин ты сын!

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a8724f1b030a', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Антон Лапудев. Лиса

Вот так приходит понимание. И спасение

АНТОН ЛАПУДЕВ MANUSCRIPT

Первый камень попал практически по центру каски. Рядовой ЦАХАЛ Натан Галис инстинктивно поднял голову и шагнул к нависавшему над дорогой глинистому склону. Это было ошибкой. Следующие камни полетели точнее. Они ударяли по плечам, бронежилету, автомату… Натан покачнулся, взмахнул руками, теряя равновесие, и тут уже совсем удачно подвернулась нога. Противный хруст ударившегося об обломок бетонного ограждения бедра, казалось, заглушил яростную вспышку боли.

— Херэм! — прошипел Галис сквозь зубы. — Только бы не потерять сознание. Только бы…

Раздавшийся невдалеке взрыв, сопровождаемый автоматными очередями, отвлёк внимание нападавших. Впрочем, не всех. По дороге к Натану бежал невысокий ливанец в покрытой пылью, местами порванной одежде. Натан успел отметить залысины и испачканные грязью очки мужчины.

«Автомат! Ему нужен автомат», — мелькнула мысль. Автомат, выпущенный из рук Галисом, валялся всего в паре метров, но добраться до него со сломанной ногой было почти нереально.

«Утрата военнослужащим личного оружия…» — всплыли в голове строчки устава, и Натан потянул из кобуры пистолет.

Халил стряхнул с головы кирпичную крошку. Очередь крупнокалиберного пулемёта прошла высоко над головой, но осколков кирпича посыпалось вниз изрядно. Так, теперь надо быстро перебежать до следующего дома, как раз недалеко от дороги. Вжав голову в плечи, Фахури рванул вперёд.

Дорога вплотную подходила к холму, на котором Фахури видел скачущие человеческие фигуры, постепенно скрываемые наползающим с востока дымом. А внизу… Внизу был израильский солдат, видимо отставший от своих. Вот он внезапно взмахнул руками и упал. Его громкий вскрик заставил врача взглянуть ещё раз. Точно ведь, упал. И, видимо, сломал ногу. Да как плохо упал-то! Бедро, да… Ах, шайтан-шайтан, как бы не эмболия. Надо срочно помочь парню, с таким переломом может долго не протянуть. Но, может, так ему и надо?

Врач внутри пересилил, и Фахури побежал к лежащему солдату.

Натан приподнялся и сел. Удерживая пистолет двумя руками, прицелился в подбежавшего мужчину.

— Дамам! — крикнул он. — Яра!

Ливанец рухнул на колени и потянулся к разорванной рубашке над правым карманом.

— Ана тбиб! — выдохнул Халил и потянулся к эмблеме Красного Креста, которую он как врач христианского вероисповедания носил на груди справа.

Но… нашивка оказалась сорванной.

«Это я там, когда сквозь дыру в стене протискивался», — запоздало подумал Халил. Впрочем, уже неважно, как и где. Израильский солдат смотрел на него поверх пистолетного ствола, и взгляд его, уже мутнеющий, был очень и очень нехорошим.

— Макану! — с отчаянием в голосе выдохнул Фахури, понимая, что нет. Не будет ждать солдат. Для него он просто чужой, просто враг, просто опасность, подлежащая устранению…

И внезапно, сам не понимая зачем, Халил расстегнул левый нагрудный карман. Достал большой значок и протянул его сидящему израильтянину.

— Хбарун гамаиля таалаб! — воскликнул доктор Халил Фахури, войдя в палату.

— Ой, а что сказал дядя доктор? — спросила высокая худая девочка, сидящая на койке у окна.

— Доктор назвал тебя красивой лисичкой! — торопливо перевела санитарка Фадиля. Раньше она работала в советском торгпредстве и до сих пор неплохо говорила по-русски.

— Конечно, я — лисичка! — засмеялась девочка. И правда: вытянутые уголки глаз делали её похожей на лисицу. Жизнерадостную, улыбающуюся лисицу.

Младшая дочь русских специалистов попала в бейрутскую больницу почти случайно: требовалось срочное лечение, посольскую лечебницу закрыли ввиду какого-то карантина, а местная оснащена была неплохо, да и врачи почти все отучились в Европе. Но вот по-русски говорила только Фадиля, и выздоравливающая девочка отчаянно скучала.

Нельзя сказать, что доктор подружился со своей пациенткой, но каждый утренний осмотр он начинал именно с её палаты, с красивой маленькой лисички.

— Кив иаиш, у таалаб? — спрашивал он, подходя к койке.

— Хорошо, дядя врач, хорошо, — улыбалась в ответ девочка.

А при выписке торжественно вручила ему большой значок.

— Вот тебе, дядя врач, наша русская лисичка. Пусть она охраняет тебя всегда.

И поцеловала Халила в свежевыбритую щёку.

Ничего не понимая, Натан смотрел на зажатый в руке мужчины большой значок с улыбающейся лисой и крупными красно-зелёными русскими буквами: «Л-И-С-А».

— Ли-са, — громко и удивлённо прочитал вслух Галис.

— Ли-са, — так же громко подтвердил ливанец и вдруг улыбнулся. — Энта Ру’си?

— Русский? Да, я — русский, — и Антон Галис опустил пистолет и тоже улыбнулся. — Русский…

А лиса… А что лиса? Она просто улыбалась двум спасённым сегодня людям…

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a8724f6ec9eb', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Ирина Домнина. Из двух миров

В лесу родилась Ёлочка

ИРИНА ДОМНИНА MANUSCRIPT

Ёлочке восемнадцать. Она самая красивая девушка на этой вечеринке. Празднуют чей-то день рождения. Неважно. В разгар веселья никто не спросит, откуда Ёлочка взялась.

Свет в ресторане приглушён, но танцевальный зал искрится праздником. И все мужчины смотрят только на неё, на Ёлочку, так она обворожительна сегодня. Волшебна. Танцует легко и воздушно, улыбается всем, даже тем девушкам, что смотрят колюче, завистливо. Неважно.

Ёлочка выбрала Его, не красавчика, но безумно обаятельного. И сразу поняла, что правильно. Не по шепотку других за спиной, о том, что завидный жених, богатенький, а по собственному разумению. Ёлочка тоже богата, но не одним восхитительным платьем и красной машиной на стоянке перед рестораном, у неё природный дар: видеть всех живых существ такими, как есть.

Ёлочка выбрала Его как кошка, по запаху, по вспотевшему затылку, по всколыхнувшемуся в усиленном биении сердцу.

— Кирилл, — представился парень.

«Л-л-л…» — отозвалось в её душе колокольчиком.

— Лена.

Главное впитала сразу: Кирилл восхищён ею, но привык стреножить чувства. Обычный человек. Подавляя настоящие движения души, зарегистрировал Ёлочку по-деловому, как особенную, но всё же игрушку, так… на вечер. Не объяснять же глупому, что другую Ёлочку не встретит. Чудо возможно однажды — сейчас.

Они вспыхнули единым целым, как жерло вулкана, так яростно, как могут только люди. Никогда Ёлочка не испытывала подобного. Счастье.

Час ночи. Два, три… Остановить бы счастье, но грустный момент наступил.

— Поехали ко мне.

Кирилл смутился и покраснел, ведь хотел предложить это непринуждённо, но голос дрогнул, а он так надеялся, что надёжно прячет истинные чувства. Откуда человеку знать, что Ёлочка давно его читает.

— Ко мне, — ответила она.

Не выдала печали, и Кирилл легко согласился.

— На моей, — сказала, когда он, выйдя из ресторана, хотел направиться к своей машине.

С новыми чувствами трудно бороться, они больно рвут Ёлочку на кусочки изнутри. Ах… если бы Кирилл позволил своей любви пробиться по-настоящему. Ёлочку бы отпустили… Сливаясь, их любовь сама бы совершила чудо. Ёлочка бы осталась здесь. С ним. Осталась…

Остановились у незагороженного края большого городского парка. Ёлочка вышла из машины и пошла к деревьям. Летняя ночь тепла, от близких фонарей светло. Хмельной Кирилл послушно шагает рядом, спросил:

— И где ты тут живёшь?

— Сейчас увидишь. Вот. Смотри!

Кирилл повернул голову в сторону оставленной машины, куда указала Ёлочка, а когда его взгляд вернулся, девушки уже не было. Исчезли и прекрасная Елена, и красная машина. Зато Кирилла словно передвинул кто, он очутился слишком близко к ветвям огромной ели, что секундой ранее тут вроде и не росла. Парень отпрянул, кинулся искать свою Елену. Кричал, как бешеный, но никого, конечно, не отыскал. С рассветом он ушёл.

Нет Ёлочки. Ель обернулась собой. Мысли её перестроились и потекли как прежде. Она слилась с родным природным миром, что недоступен человеку. Безбрежный и шумный Эфир обнял её. Делись. Всем интересны сказки о жизни людей. «Спасибо», — подумала Ель для того, кто подарил ей чудо. И про Кирилла. Кто знает, может быть, тот, кто опекает всех на Земле, однажды выберет и его для сотворения нового чуда. Покажет человеку иной мир.

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a8724fb457bd', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Владимир Неграш. Как обычно

Если ты по-настоящему надоешь богу, он может и внять твоей молитве…

ВЛАДИМИР НЕГРАШ MANUSCRIPT

Красные густые капли крови срывались с повязки на левой руке и падали на дорогу, вздымая маленькие фонтанчики пыли. Побелевшие пальцы правой руки стискивали горловину холщового мешка. Каждый шаг требовал невероятных усилий.

Мать выбежала навстречу, подставила плечо. Сын с благодарностью принял её помощь: было не до гордыни, последние сто дхану пути он одолел на одной лишь силе воли.

— Спасибо, мама, — нашёл он в себе силы сказать. Через несколько шагов добавил: — Мне пришлось сразиться с хранителем. — Перевёл дыхание и продолжил с ноткой сожаления: — Проклятое порождение Гаруды не дало себя провести в этот раз… — Едва уловимым движением головы указал на покалеченную руку.

Женщина ничего не ответила, напрягая все силы, чтобы поддержать сына.

У дверей дома он с видимым облегчением привалился спиной к косяку, глубоко вздохнул пару раз и, превозмогая смертельную усталость, выпрямился. Распутал завязки мешка, помогая себе зубами, и раскрыл его. Воздух тут же наполнился чудесным ароматом.

— Вот, — произнёс он, не скрывая торжества.

Мешок почти доверху был наполнен коричневатыми скрученными палочками — тваком, который арабские купцы покупали на вес золота.

Чуть позже, когда он выпил молоко с мёдом и маковым отваром, мать развязала кровавую тряпку и сдержала вздох облегчения. Сын лишился лишь пары фаланг на двух пальцах. Промывая и зашивая раны, она вспоминала братьев и мужа — сильнейших мужчин селения, не раз возвращавшихся с богатой добычей. Но удача переменчива. Гигантские кровожадные птицы, охраняющие твак на отвесных скалах. Ракшасы в ядовитых болотах на подступах… Сколько бы чудовищ ни гибло от рук героев, их число не уменьшалось. Рано или поздно наступит день, когда её единственный сын — ловкий, смекалистый и сильный — всё же не вернётся домой живым.

Закончив с повязкой, она взяла одну из принесённых палочек, вышла к алтарю и сожгла драгоценность в курильнице. Молитвенно сложив руки, она обратила взор к небесам. Муруган был уже порядком пресыщен безмолвным плачем матерей, готовых на всё, лишь бы их сыновья не гибли ради чудесной пряности. Эта молитва стала последней каплей.

«Да будет так», — решил бог.

И лишил их своей милости.

Ткань мира дрогнула.

Женщина проснулась перед самым рассветом. Когда она вышла во двор, её сын, вернувшийся вчера с окровавленной рукой, уже сидел под баньяном.

— Мам, я просто собирал кору, как обычно, а нож вдруг соскочил. И вот… — понурив голову, он приподнял перевязанную руку.

Досада уколола сердце матери. На её памяти он всегда был неуклюжим недотёпой, не хватавшим звёзд с небес. И всё же она любила его. Мать подошла, нежно поцеловала сына в макушку.

— Ничего. Заживёт, — сказала она успокаивающе и уселась подле него, привалившись спиной к шероховатому стволу.

Через дорогу, над рощей коричника, рассвет озарял небо. «Будет хорошая погода, — думала женщина. — С деревьев

можно собрать достаточно твака, который так ценят арабские купцы, и купить риса на неделю».

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a87250195860', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Илья Трейгер. Криптозоологи против мифов: анатомия лесных аномалий

Если вы вдруг почувствуете, что вас «леший водит», не спешите принимать именно это объяснение…

ИЛЬЯ ТРЕЙГЕР MANUSCRIPT

(Продолжение.)

В этой статье речь пойдет о самой, пожалуй, любимой теме «криптозоологов от эзотерики» (не путать с подлинными криптозоологами — теми, которые «от» естественнонаучных дисциплин, даже если это не только зоология как таковая). Да, вы угадали: это пресловутое «энергетическое воздействие», с которым традиционно связываются паралич воли, внезапная потеря сил, внезапное чувство страха, внезапная потеря направления движения в лесу и пр.

В академическом описании современной «паранормальной бигфут-среды» действительно фигурируют электромагнитные поля, энергия эпифиза и другие псевдофизические мотивы. Это типичный набор для перехода от зоологии к оккультной натурфилософии.

Но чем эти мифы характерны, так это тем, что враньем в полном смысле их назвать нельзя, поскольку упомянутые субъективные ощущения действительно возникают у людей в реальности: это как раз правда. Еще одна характерная черта вышеупомянутого комплекса мифов заключается в том, что совершенно антинаучные объяснения этим явлениям исходят далеко не всегда от людей, которых можно назвать невежественными. Такие теории возникают и у людей, которые в общих чертах вполне помнят и физику, и биологию, как минимум школьную. И на первый взгляд, бывает, что выглядят эти теории вполне адекватно. Настолько адекватно, что и желания возразить автору не возникает. Но стоит лишь выйти за пределы стандартного школьного образования, как такие объяснения рассыпаются.

В качестве такого примера можно привести гипотезу, недавно предложенную одним из наших коллег, которая заключается в том, что раз чешуйки кутикулы волоса расположены по спирали, значит, волос функционирует как индукционная катушка, генерирующая электромагнитные волны. Или же, как минимум, волос является антенной, передающей электромагнитные волны.

Но подробно именно эту гипотезу мы разберем ниже. А вначале пойдем от общего к частному.

Общее

Почему эти подходы антинаучны в принципе? Ключевой симптом здесь — слова «энергия» и «поле», которые используются не в физическом, а в расплывчатом метафорическом смысле. В науке энергия — измеряемая величина; поле — формализуемый объект с параметрами; физиологическое воздействие — проверяемая зависимость с дозой, механизмом и эффектом. В псевдонаучном рассказе ничего этого нет: нет единиц измерения, нет прибора, нет контролируемого эксперимента, нет слепого протокола, нет дозозависимости, нет воспроизводимого эффекта на независимой выборке.

Очень часто такие рассказы опираются на субъективные состояния — страх, оцепенение, необычное чувство присутствия, «изменение сознания», внезапную потерю сил и пр. Но субъективное переживание, хотя и существует в реальности, само по себе не

указывает на внешний специфический механизм. Оно может иметь множество конкурирующих объяснений: стресс, ожидание, ошибка восприятия, особенности памяти, внушение, интерпретация постфактум. Наука требует не просто необычного переживания, а процедуры, которая отделяет одно объяснение от другого.

Нарушаемые принципы здесь — измеримость; экспериментальный контроль; сравнение конкурирующих гипотез; воспроизводимость; различение физического термина и метафоры. Ничего подобного мы тут не наблюдаем — только ничем не подтвержденные интерпретации.

Волос как индукционная катушка

Теперь переходим к частному. И начнем именно с гипотезы волоса как индукционной катушки, поскольку это предположение ближе всего к тому, что можно принять за реальность.

Действительно, согласно учебнику Перышкина «Физика для 9-го класса», для функционирования объекта в качестве индукционной катушки необходимо соблюдение как минимум трех фундаментальных физических условий:

- наличие выраженного электропроводящего материала;
- формирование замкнутой структуры или многовиткового контура;
- прохождение измеряемого тока при допустимом уровне энергетических потерь.

А из курса школьной биологии мы помним, что ткани живых организмов являются электропроводными (помните опыты с подергиванием лапок обезглавленной лягушки?). Получается, что все необходимые компоненты для индукционной катушки налицо. То есть все действительно выглядит так, будто волос вполне может выполнять подобную функцию. Никакие прямые нарушения известных законов физики вроде как не просматриваются. Если так, то в чем же тогда антинаучность этой гипотезы?

Причина в некоторой поверхностности школьного образования.

Да, живые ткани электропроводны. Но далеко не все ткани. Есть живые ткани, которые не электропроводны, а, наоборот, являются диэлектриками. И материал волоса кератин как раз и относится к тканям-диэлектрикам. В физике твердого тела кератин классифицируется как диэлектрик с очень высоким удельным сопротивлением. Поэтому сам по себе волос служить индукционной катушкой неспособен: хоть скрути его витками, хоть нет. И птичье перо, и рыбья чешуя тоже являются диэлектриками, поскольку их материал тоже кератин.

Но это если рассматривать сухой волос. А мокрый? А мокрый волос как раз-таки электрический ток проводит. У мокрого волоса электрическая проводимость появляется за счет движения ионов воды в порах кератина. Но, к сожалению, даже в этом случае волос себя ведет как «протонный полупроводник» с крайне низкой эффективностью, а не как металлический проводник, необходимый для катушки индуктивности. То есть даже мокрый волос все равно не способен служить ни индукционной катушкой, ни антенной, излучающей электромагнитное поле. Мокрые деревья и ветки ведь тоже проводят электрический ток, однако же никаких электромагнитных волн при этом не генерируют. Почему? По той же самой причине…

А теперь сделаем совершенно некорректное допущение — ну, а если бы вопреки реальности кератин волоса был бы проводником, мог бы он в таком случае хотя бы теоретически выполнять функцию индукционной катушки? Оказывается, что и в этом случае тоже не смог бы. Чтобы эту функцию выполнять, на катушку из проводящего материала должен быть подан электрический ток. Источник электрического тока у млекопитающих один-единственный — это мозг. Но проблема в том, что волос не имеет прямого нервного контакта с мозгом — ни с головным, ни со спинным. Поэтому даже в

таком гипотетическом случае индукционную катушку из волоса мы бы не получили.

Так что, как бы красиво и логично эта гипотеза не выглядела, реальности она не соответствует.

Вот так бывает, что гипотеза, казалось бы, прямо вышедшая из законов физики, на деле оказывается столь же прямо противоречащей тем самым законам, на которые опиралась.

Энергия (сила) эпифиза

Второй миф, якобы объясняющий подобные явления, — это так называемая «энергия эпифиза». Что это такое? В головном мозге есть две железы: гипофиз и эпифиз. Что такое гипофиз, мы все хорошо знаем, а вот об эпифизе слышали немногие. По мнению эзотериков, эта структура генерирует некие «энергетические поля», то самое пресловутое биополе, которым РГ и воздействует якобы на человека, вызывая различного рода субъективные состояния.

Откуда вообще такая идея взялась?

Дело в том, что, в отличие от гипофиза, функции которого давно изучены, функции эпифиза вообще не были известны вплоть до рубежа 60—70-х годов прошлого века. И, как это обычно бывает у эзотериков, факт незнания выдается за доказательство любой выдумки, какая придет в голову: «Раз вы, ученые, объяснить не можете, значит, это генератор энергии и всяческих полей — и попробуйте доказать обратное!» Однако сегодня на дворе уже вторая четверть XXI века — и функции эпифиза на сегодняшний день хорошо изучены. Это синтез мелатонина, синхронизация биологических ритмов организма, регуляция полового развития, репродуктивной функции и антиоксидантной защиты, стресс-ответ иммунной системы. Какие поля, какие энергии, какое воздействие?..

Но, если все про эпифиз уже известно, почему же этот миф продолжает жить? А просто потому, что, чтобы это выяснить, надо лезть в источники, искать эти источники, то есть применять какие-то усилия. Но миф — это предмет веры, а не знаний. Верующие не информацию ищут, им чудеса нужны. А наука — штука скучная. Вот и все объяснение.

Воздействие мозга реликтового гоминоида на мозг человека

Еще одно расхожее объяснение всех этих ощущений в лесу — мол, это мозг РГ генерирует электромагнитные поля, которые воздействуют на мозг человека.

Это тоже не чистое вранье. Да, мозг действительно генерирует электрические токи и магнитные поля, что есть не гипотеза, а установленный факт — именно эти поля и регистрирует магнитоэнцефалография. Проблема же в том, что магнитные поля, регистрируемые вне головы, имеют величину порядка фемтотесла — пикотесла, обычно около десятков или сотен фемтотесла. То есть настолько слабые, что для их регистрации требуются чрезвычайно чувствительные магнитометры и магнитно-экранированные помещения. Вне таких помещений, например в открытой природе, в лесу, никакой самый современный магнитоэнцефалограф никаких полей не зарегистрирует вообще. Причина в том, что геомагнитный фон в сотни миллионов раз сильнее магнитного сигнала мозга, измеряемого у поверхности головы. Поэтому вне специального экранированного помещения сигналы от мозга полностью подавляются более мощным магнитным полем Земли и даже сверхчувствительный магнитоэнцефалограф уловить их не в состоянии. Что уж говорить о человеческом мозге, который имеет мощность всего-то не более 20 ватт.

Объяснения

Ну хорошо, все это мифы. Но ведь люди на самом деле нередко испытывают в лесу такие субъективные ощущения, как внезапный страх; головокружение; ощущение нереальности происходящего; чувство присутствия; озноб; сердцебиение; тошноту; парестезии; шаткость; дезориентацию; внезапную слабость. Все эти ощущения ведь действительно возникают. Должно же им быть хоть какое-то объяснение. Если не эти упомянутые мифы, то что? Хоть что-нибудь об этом науке известно?

В том-то и дело, что науке об этом известно, причем очень много. Но мифотворцы не хотят эти объяснения ни видеть, ни принимать. Разберем только три из них, наиболее существенные.

1. Локальное снижение парциального давления кислорода

Речь идет о временном локальном снижении парциального давления кислорода, что приводит к гипоксии, которая, в свою очередь, может вызывать слабость, головную боль, головокружение, снижение внимания, нарушение координации, изменение суждений.

Случается такое, когда накапливающийся углекислый газ вытесняет кислород. Концентрации CO_2 всего в 3% уже способны быстро вызывать все перечисленные состояния. А при более высоких концентрациях даже летальный исход не исключен. В каких местах с подобным явлением можно столкнуться?

На открытых хорошо продуваемых местах встретить такое явление маловероятно. Наиболее вероятно встретиться с подобным феноменом в местах очень устойчивой температурной инверсии и слабого ветра. То есть там, где есть глубокий замкнутый овраг; пещеры; карстовые полости; шахты; ямы; снежные углубления; места интенсивного разложения органики; места геогенного выхода CO_2.

В США это явление хорошо известно. Поэтому здесь в любой аптеке можно купить карманный баллончик с кислородом. В Вашингтоне этим пользуются мало, но в Колорадо, где я раньше жил, каждый второй на прогулку в лес берет с собой такой баллончик. И если попал на такое место, то один-два вдоха из баллончика решают проблему.

Можно ли такое место как-то объективно определить? Легко: при помощи кислородного датчика. Только многие ли из числа тех, кто рассказывал о подобных ощущениях в лесу, такие измерения проводили? Я ни одного такого не знаю: у них во всем всегда «леший виноват».

2. Инфразвук в лесу

Да, опять про инфразвук, но только не про тот, который могут генерировать некоторые животные и о котором мы не раз говорили, а про другой, который возникает в лесу по естественным причинам.

Откуда этот инфразвук в лесу берется? От ветра. Воздух не является неподвижной средой. Движение воздушных масс само по себе создает низкочастотные изменения давления, то есть инфразвук. А в лесу этот эффект еще и дополнительно усиливается турбулентным воздушным потоком, древесным пологом, стволами и ветвями деревьев, рельефом, температурными градиентами. Вот отсюда инфразвук в лесу и берется, причем он периодически может возникать вообще в любой точке лесного участка.

Можно ли объективно определить наличие этого явления в конкретном месте в конкретный момент?

Можно. Вопреки распространённому утверждению, инфразвук не является абсолютно неслышимым: при достаточно высоком звуковом давлении человек способен воспринимать частоты значительно ниже 20 Гц, причем не только телом, но и ухом. Мало того, даже микрофоны современных смартфонов (айфон, самсунг) тоже слышат частоты значительно ниже 20 Гц. Есть даже специальные программы для смартфонов для фиксации инфразвука. Лично у меня такая есть, и я пользуюсь этим регулярно. Но часто ли вы слышали, чтобы

рассказчики о подобных ощущениях проводили такие измерения? Нет, и по той же самой причине, по какой эти же рассказчики никогда на замеряли содержание кислорода в лесу: чудеса ценнее знаний.

3. Эффект, называемый «леший попутал»

Этот термин известен со времен древних славян. Пошел человек в лес и заблудился, да не просто человек, а опытный, хорошо знающий лес — весь такой из себя таежник. И не в какой-то лес пошел, а в то место, которое он хорошо знает, где не раз ходил и где ему знаком каждый куст. И, поди ж ты, заблудился, не туда вышел… если вообще вышел. Вот если вышел, то расскажет, как его леший попутал. А если не выйдет, то ничего уже и не расскажет, но самим своим исчезновением укрепит у своих односельчан уверенность, что с его исчезновением что-то не просто.

Действительно «леший попутал», или это что-то другое?

Помните такую байку, что, мол, хорошие уверенные пловцы тонут чаще, чем пловцы плохие? Так вот, это не байка, а реальность, которая действительно подтверждается статистикой. Вот и здесь то же самое и по тем же причинам.

Самая частая причина — это рефлекторный обход препятствий. Подчеркну — именно рефлекторный, то есть подсознательный. Человек, идущий по лесу, всегда сталкивается с необходимостью постоянно обходить препятствия: завалы, ямы, коряги, поваленные деревья, пеньки и пр. Если человек обходит эти препятствия сознательно, обращая на них внимание, то с маршрута он вряд ли собьется. Но именно опытные люди, идущие по знакомому участку леса, чаще всего делают это подсознательно, на рефлексах, не заостряя на препятствиях внимание, а то еще и думая о чем-то постороннем. И в таких случаях из-за постоянных рефлекторных микроотклонений прямой маршрут неизбежно превращается в дугу. В результате человек выходит не туда, куда хотел, а потом рассказывает соседям, как его леший попутал. Не с каждым такое случается и не каждый раз, но ведь и не каждый опытный пловец тонет: на самом деле это, к счастью, большая редкость…

Ну и в качестве вишенки на торте — несколько слов про аномальные зоны, которые эзотерики тоже очень любят

Нет, не пугайтесь, не про паранормальные зоны, а про аномальные, при этом вполне себе нормальные.

Наиболее типичным примером можно считать места геомагнитных аномалий. Это такие участки, где, например, компас начинает врать, потому что где-то на глубине под ногами залегают, скажем, какие-то железосодержащие породы. Это и будет аномальной зоной. Кроме того, к аномальным зонам относят такие участки, где на постоянной основе имеет место выделение вредных газов, таких как углекислый газ, болотный газ, родон и пр., а следовательно, в этих местах обязательно будет иметь место и снижение парциального давления кислорода, о чем мы говорили выше.

Такие аномальные зоны могут быть сравнительно легко определены без каких-либо приборов вообще. Определяются они по одному-единственному признаку — по тишине.

Дело в том, что лес тихим не бывает. В лесу всегда есть какие-то звуки: птицы поют или просто летают, грызуны шуршат в лесной подстилке, где-то лисица ветку заденет, где-то ежик протопает, насекомые жужжат и т. п. Причем шумит лес и днем, и ночью: просто дневные звуки сменяются на ночные. В норме полной тишины в лесу не бывает.

Но бывает, что лес шумел, шумел и вдруг стих — наступила полная тишина. Это очень плохой признак. Чаще всего это говорит или о приближении штормовой погоды, или о появлении поблизости серьезного хищника.

А бывает и по-другому. Идет человек, идет по нормальному лесу и вдруг попадает на участок полной тишины. В этом случае он почти наверняка оказался в такой вот

аномальной зоне, откуда лучше всего поскорее уйти.

Если это оказывается геомагнитная аномалия, то исчезнут только птицы и насекомые, поскольку в местах с искажениями электромагнитного поля у тех и других сбивается внутренний «компас», из-за чего они избегают таких территорий. На поведении же млекопитающих это не отражается. А вот участки леса, где вообще нет признаков жизни и звуков, могут быть опасными местами — например, глубокими малозаметными топями или зонами с выбросами вредных природных газов (углекислый газ, болотный газ, радон). То есть как раз таких газов, которые вытесняют кислород и снижают его парциальное давление в воздухе.

Метод выглядит просто, но на практике оказывается, что это не совсем так. Если человек постоянно живет в лесной зоне сельской местности, то для него не составляет проблемы замечать подобные вещи. А вот если человек постоянно живет в городе, даже будучи очень опытным походником, хорошо знающим лес, — это уже совсем другое дело. Ведь для городского жителя лесной шум — это почти полная тишина по сравнению с фоновым шумом города. Поэтому, приходя в лес, он фактически должен отличить не тишину от шума, но одну тишину от другой тишины. А с этим слуховой анализатор мозга горожанина, к сожалению, справляется далеко не всегда.

Заключение

А какое ко всему этому может иметь отношение снежный человек? Ко всему вышесказанному — никакого. Реликтовый гоминоид здесь вообще ни при чем.

Однако, когда возникает ощущение чьего-то присутствия или так называемого «взгляда в спину», — это совсем другое. Такой механизм в нашем мозге действительно есть, и в настоящее время он находится в процессе исследования. На сегодняшний день жестко доказано, что этому механизму присуще большое количество ложных срабатываний. Точный процент их пока не установлен, но «на глаз» экспериментаторы говорят, что доля ложных срабатываний может составлять до 30% и более. То есть доля реальных срабатываний может составлять и около 70%. Поэтому, если такое ощущение в лесу появилось, сбрасывать его со счетов не стоит — это может быть и наш объект, и ложное срабатывание.

Точным признаком присутствия реликтового гоминоида такое чувство, конечно, не является. Поэтому такое место нужно проверять на наличие следов (не только отпечатков стоп как таковых: как раз они в природных условиях остаются редко), и уже по результатам проверки можно будет судить о том, что это было такое…

(Продолжение следует.)

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a8725070db91', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Григорий Панченко. Добсегна, новогвинейский сумчатый волк

Кажется, там у него действительно есть шанс продержаться до настоящего времени. Вот только — знаете, сколько было организовано экспедиций для изучения этого вопроса? Пока что «минус одна»: то есть первая готовится только сейчас!

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО MANUSCRIPT

На ютубе недавно появился канал, автор которого задался целью найти тилацина в горах Новой Гвинеи: https://www.youtube.com/@trentonedly. Сейчас там пока одно видео, правда, насчитывающее уже почти 200 тысяч просмотров, — и на сей момент становится ясно, что средства на проведение хотя бы одной экспедиции организатор собрать сумел. Заранее пожелаем ему даже не только успеха (хотя это, конечно, само собой), сколько терпения и запала продолжать поиски в случае начальных неудач. Редкий вид (не только криптида) за одну экспедицию обнаружить практически невозможно, а денежный вопрос в принципе не бывает «решен» на многие будущие поездки вперед: проводить исследования в Новой Гвинее — очень дорогое удовольствие. Просто умозрительными построениями тилацина никто никогда не найдет, без прямых полевых исследований они так и останутся заведомо непроверяемыми гипотезами.

О чем же, однако, идет речь вообще?

Тилацин, также известный как сумчатый волк и даже тасманийский тигр, когда-то населял не только Тасманию и бóльшую часть материковой Австралии, но обитал и в Новой Гвинее, до завершения последнего оледенения входившей с Австралией и Тасманией в единый материк Сахул. Его «древнее» присутствие там впервые стало подтверждено в 1960 году, когда археологи обнаружили нижнюю челюсть тасманского (или в данном случае — новогвинейского?) тигра.

В дальнейшем на Новой Гвинее были найдены подтвержденные ископаемые останки тилацина возрастом от более 2 миллионов лет до… примерно 4,5 тысяч лет до н. э. Это уже вполне голоцен, даже раннеисторическое время: пирамиды еще не строятся и иероглифическая письменность тоже пока не появилась, но в центрах цивилизаций уже возникают первые города.

Возможно, по причинам столь малой давности эти находки и оставались малоизвестными: они попадают в область не палеонтологии, а археозоологии, междисциплинарной науки, являющейся «падчерицей» и для археологии, и для зоологии. Тем не менее они существуют. А ведь в то время тилацин, кроме Новой Гвинеи, по-видимому, оставался только в Тасмании, на просторах Австралии он уже исчез или был близок к исчезновению — скорее всего, из-за распространения там собаки динго, инвазивного вида, завезенного первыми восточными мореходами, стартовавшими с территории Тайваня.

До Тасмании, уже отделенной послеледниковым проливом, динго так и не добрался. В Новой Гвинее он появился даже раньше, чем в Австралии, на той же волне переселения (по сей день сохранились две мелкие разновидности новогвинейские разновидности диких дингообразных собак: «поющая» и «горная») — но меньше повлиял на местную фауну. Возможно, ему помешал развернуться рельеф, гораздо более гористый и лесистый по сравнению с австралийским.

Если так, то главный фактор вымирания тилацина на одной из территорий его

обитания тысячелетиями… не то что отсутствовал, но действовал слабее. А человеческий фактор работал ничуть не сильнее, чем в Тасмании до прихода европейских колонизаторов, после же опять-таки оказался гораздо менее выражен. Сам факт выживания папуасов (в отличие от тасманийских аборигенов!) тому порукой…

(Мегафауна там вымерла около 46 тысяч лет назад: позже, чем в остальных частях материка Сахул, но, несомненно, при участии того же «человеческого фактора». На тилацина он не действовал ни там, ни в других сахульских регионах.)

Между тем Папуа — Новая Гвинея и, даже в большей степени, Западная Новая Гвинея (бывш. Ириан Джая), принадлежащая Индонезии, гораздо менее изучена, чем Тасмания или материковая Австралия. Около 75 % ее территории покрыто тропическими лесами, большей частью непроходимыми. Недаром ее считают раем для природоведов, что подтверждается, например, результатами недавних экспедиций в горы Фоджа Ириан Джая, где было обнаружено сразу несколько новых видов. Так что можно согласиться со словами известного криптозоолога Карла Шукера: «Вероятность появления зоологических новинок здесь гораздо выше, чем где-либо еще в пределах прежнего ареала распространения тилацина, и одной из таких „новинок“ может оказаться сам тилацин».

И действительно: с 1980-х годов в разных частях Новой Гвинеи появляются сообщения о наблюдениях тилациноподобных животных. Первое из них зафиксировал еще в 1986 году Бернар Эйвельманс, «отец криптозоологии». Пик наблюдений приходится на вторую половину 1990-х, последнее из известных сообщений датируется 2019 — а поскольку их там вообще некому регулярно собирать, то это фактически современность.

Самое четкое наблюдение является и самым старым, оно имело место еще в 1970-х, но было записано много лет спустя. О нем еще скажем.

Названия этого загадочного зверя отличаются у разных племен; наиболее распространенным является название «добсегна», распространенное в Ириан Джая. По словам местных жителей, добсегна размером со среднюю собаку и в целом напоминает ее внешним видом, но отличается полосатой до самого крестца спиной, более длинным и тонким, чем у собак, хвостом, а также очень широко открывающейся пастью с необычайно мощной хваткой (не совсем понятно, откуда взялась информация о ее силе: описываемая добыча — птицы и мелкие сумчатые, иногда добсегна таскает кур из курятников, но вообще к человеческим поселениям приближаться избегает). Телосложение очень поджарое: от ребер до бедер брюхо буквально подтянуто к спине. Основной фон более серый, чем рыже-бурая масть тасманских тилацинов.

Добсегна ведет ночной и сумеречный образ жизни, в дневное время прячется в расселинах скал (обитает гораздо выше в горах, чем новогвинейские динго, тяготеющие к долинам). Способна вставать вертикально и балансировать на задних лапах, осматриваясь поверх высокой травы. Существо это редкое и очень робкое, однако местные жители чрезвычайно опасаются его, подозревая в родстве со злыми духами. Что ж: человеческие суеверия порой служат добрую службу вымирающим видам…

Новогвинейский исследователь Ральф Кизель в 2003 году привел Карлу Шукеру рассказ своего друга, местного жителя по имени Ян Сараканг, который наблюдал тилациноподобных животных в 1970-х годах, в горах к западу от национального парка Карстенц. По его словам, он и его спутник сидели за поздним ужином в своем походном лагере возле Пунчак-Джая на высоте около 8000 футов (2400 метров), когда к ним подошли внезапно появившиеся из кустов необычные животные, двое взрослых и детеныш, заметно отличающиеся от хорошо известных Саракангу диких собак:

> «Явно привлеченные запахом еды, оба старших зверя нервно рыскали из стороны в сторону, присматриваясь к людям и не подходя к ним ближе 20

> ярдов. А детеныш в конце концов достаточно осмелел, чтобы подойти почти вплотную. Они попытались подманить его пищей, но, когда один из людей попробовал поймать его, детеныш цапнул его за руку и все трое животных устремились обратно в кусты. Больше их не видели».

Любопытно, что полосы в данном описании не фигурируют: возможно, Сараканг не рассмотрел их в полутьме или Кизель недостаточно подробно провел опрос. Однако можно поверить, что опытный местный житель не спутал это животное с хорошо известным ему новозеландским динго — как не путают и все остальные.

Кстати, совсем не обязательно говорить о том тилацине, который «тасманский волк» — Thylacinus cynocephalus. Ну да, он еще в раннеисторическое время оставался австралийским видом тоже, но ведь семейство тилацинид достаточно разветвлено. Вполне подходяще выглядит и близкий род нимбацинов, размерами несколько поменьше тасманских волков, но как минимум со столь же мощным укусом, что позволяло охотиться на добычу крупнее себя. Да и внутри рода тилацин были кандидаты: например, Thylacinus yorkellus тоже немного мельче (и древнее) Thylacinus cynocephalus — но представляет собой фактически сестринский вид, а название получил именно от того полуострова Кейп-Йорк, который дальше всего протянулся в сторону Новой Гвинеи, в пору материка Сахул представляя с ней более общую формацию, чем с остальной частью Австралии… А еще два вида были, наоборот, крупнее, с современного волка: T. macknessi (самый крупный) и T. potens (самый мощный).

Впрочем, это просто расширенный «веер возможностей». Ведь именно тасманийский вид Thylacinus cynocephalus ближе к нам по времени — и именно его останки в Новой Гвинее датируются самым поздним временем (хотя в ряде других случаях находки удавалось определить с точностью лишь до рода, а не вида).

Как бы там ни было, надо искать добсегну, кем бы она ни оказалась. Карл Шукер призывает энтузиастов организовать специальные экспедиции в Ириан Джая и Папуа — Новую Гвинею «в поисках местной формы сумчатого волка или его останков, сохраняемых как реликвии в туземных поселениях. Предположительно наиболее перспективные места для начала поисков — леса вокруг горы Гилуве в Южном нагорье Папуа — Новой Гвинеи и окружающие Пунчак-Джая в индонезийской Новой Гвинее».

Добавим, что упомянутая в начале статьи экспедиция (готовящаяся, но еще отнюдь не стартовавшая) — первая, которая планирует отправиться туда специально с этой целью…

Новые технологии могут облегчить поиск по сравнению с тем, что было несколько десятилетий назад. Речь идет не только о дистанционных фотоловушках, но и о таком прорывном методе, как сбор ДНК на месте возможных водопоев, из помета, из грунта в подозрительных отпечатках, а также полученной из… кишечника кровососущих беспозвоночных, таких как пиявки и мухи. Этот способ уже использовали при работе с джунглевой фауной, правда, пока лишь с известными видами. Но ведь ДНК тасманского тилацина тоже известна, что делает возможным сопоставление…

Если появятся возможности, наверно, есть смысл расширить область поисков: не только добсегны, но и вообще представителей неизвестной сумчатой фауны за пределами Австралии. Потенциально интересен и достаточно малоисследован архипелаг Ару — при учете того, что гигантская белохвостая крыса (Uromys caudimaculatus), крупнейший из австралийских грызунов, «отметилась» там при пересечении линии Уоллеса: да, «в обратном направлении», из Азии, но, видимо, этот регион вообще лежит на наиболее пересекаемой части межконтинентального пути. Ведь в этом архипелаге 676 островов, из которых населены только 28. Геологически, в отличие от остальной части Молуккских островов, они относятся к Австралийскому континенту — точно так же, как Новая Гвинея. Конечно, эти участки суши в основном небольшие, но ведь и тилацин достаточно невелик, а если допустить

карликовую островную форму — у нее тем более шансы есть… как и у вовсе неизвестных видов…

С учетом этих видов в принципе интересна и Уоллесия: не как часть Сахула, а как всегда (даже в пору плейстоценового понижения уровня моря) изолированный архипелаг, куда крупные звери, неспособные передвигаться на несомых морем деревьях, могут только доплывать своим ходом. Но ведь доплыл же туда карликовый буйвол аноа! Для тилацина, наверно, это будет слишком смелое предположение (из Австралии, точнее Сахула, до островов Уоллесии доплыли только комодские вараны), но вот для реликтового гоминоида — почему бы нет. Скорее при движении из Азии. А если учесть, что «большая Уоллесия» включает и Филиппины…

Но вернемся к добсегне. Конечно, очень жаль, что систематические поиски могут начаться только теперь (а могут ведь и не начаться!). Даже если в Новой Гвинее сохраняется реликтовая популяция тилацинов, время для нее, да и для других видов, может истечь. За последнее десятилетие в обоих «половинках» Новой Гвинеи, как в индонезийской, так и в относящейся к Папуа, произошел значительный рост вырубки лесов и деградации экосистем.

Пока что они еще остаются «раем для природоведов», но…

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a87250aeb40b', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

О криптозоологии на YouTube: «Горизонт» рекомендует

Рубрика пополняется!

АВТОРСКИЙ МАТЕРИАЛ MANUSCRIPT

https://www.youtube.com/watch?v=dWEqwPa4AVo — Смолинский семинар за август 2026.

https://www.youtube.com/watch?v=En9DmJc9SjY — Смолинский семинар за июль 2026. С некоторых пор все доклады можно посмотреть и по отдельности: https://www.youtube.com/watch?v=hgoFA8EggrM, https://www.youtube.com/watch?v=Oc-UETTXst0, https://www.youtube.com/watch?v=4gKpCkZAcAM

https://www.youtube.com/watch?v=cilQPZ2EUNM — «Телепатия — не объяснение для криптозоологов!»

https://www.youtube.com/watch?v=gVI68g4TbrA — Смолинский семинар за июнь 2026.

https://www.youtube.com/watch?v=nWKPUiAxoko — Смолинский семинар за май 2026.

https://www.youtube.com/watch?v=oMgpUAIWjDw — «Криптозоология vs палеоантропология» (конспект-доклад Григория Панченко на апрельском 2026 года семинаре).

https://www.youtube.com/watch?v=NZav6CH4uss — Смолинский семинар за апрель 2026.

https://www.youtube.com/watch?v=hlFVLTEXNP4 — Смолинский семинар за март 2026.

https://www.youtube.com/watch?v=0e7mpmal5SE — Смолинский семинар за февраль 2026.

https://www.youtube.com/watch?v=d69Mn2bUD0M — Смолинский семинар за январь 2026.

https://www.youtube.com/watch?v=7NOLpDiZhtw — Смолинский семинар за декабрь 2025.

https://www.youtube.com/watch?v=I0HiR39ibFM — Смолинский семинар за ноябрь 2025.

https://www.youtube.com/watch?v=RxZnUNG7CWI — Смолинский семинар за октябрь 2025.

https://www.youtube.com/watch?v=MmWFxv8CYv4 — Смолинский семинар за сентябрь 2025. Доклады: 1) Евгений Зудин «Проблемы гигантизма». 2) Григорий Панченко «И снова о локомоции РГ: дополнительные нюансы».

https://www.youtube.com/watch?v=L8MtJ-5NEEc — Смолинский семинар за август 2025. Доклады: 1) Евгений Зудин «Проблемы гигантизма». 2) Григорий Панченко «И снова о локомоции РГ: дополнительные нюансы».

https://www.youtube.com/watch?v=2hESh544Jf0 — Смолинский семинар за июль 2025.

https://www.youtube.com/watch?v=EOv4Zukj-b8 — Смолинский семинар за июнь 2025.

https://www.youtube.com/watch?v=Rj8tdPnBJos — основная часть Смолинского семинара за май 2025, https://www.youtube.com/watch?v=oGzt2vwIMqM&t=8s — пропущенный при записи и восстановленный доклад.

https://www.youtube.com/watch?v=q64m7TfQp6Y — Смолинский семинар за апрель 2025.

https://www.youtube.com/watch?v=z6Z3xWaR81Q, https://vkvideo.ru/video470939683_456239075 — Смолинский семинар за март 2025.

https://www.youtube.com/watch?v=3zTF9nGtGVE, https://vkvideo.ru/video470939683_456239074 — Смолинский семинар за февраль 2025.

https://www.youtube.com/watch?v=_QqrG1dVERs, https://vkvideo.ru/video470939683_45

6239073?t=11m51s — Смолинский семинар за январь 2025.

https://www.youtube.com/watch?v=FiWqacyjc1E, https://vkvideo.ru/video470939683_456239072?t=5s — Смолинский семинар за декабрь 2024.

https://www.youtube.com/watch?v=wivd1dIOGek, https://vkvideo.ru/video470939683_456239071?t=2s — Смолинский семинар за ноябрь 2024.

https://www.youtube.com/watch?v=Ly_u2PEwDtE, https://vk.com/video/@id470939683?z=video470939683_456239069%2Fpl_470939683_-2 — Смолинский семинар за октябрь 2024. Темы: 1) О встречах РГ в пределах городских агломераций. 2) О работе фотоловушек. 3) «Бивень Ротшильда» — материальные останки неизвестного криптида. 4) Экспедиция в Мещеру. 5) Обзор криптозоологического кинематографа.

https://www.youtube.com/watch?v=flUz_HqiJuU, https://vk.com/video/@id470939683?z=video470939683_456239067%2Fpl_470939683_-2 — Смолинский семинар за сентябрь 2024.

https://www.youtube.com/watch?v=z4j_uQBmL2w — Смолинский семинар за август 2024.

https://www.youtube.com/watch?v=oq7jB9wk2Nk — Смолинский семинар за июль 2024.

https://www.youtube.com/watch?v=YMrXv3x_yT4 — несостоявшееся переоткрытие сумчатого волка и состоявшаяся июньская экспедиция Смолинского семинара.

https://www.youtube.com/watch?v=TKXmFYKYGlE — Смолинский семинар за май 2024.

https://www.youtube.com/watch?v=EUZUaEEkNTY — Смолинский семинар за апрель 2024.

https://www.youtube.com/watch?v=xfDGgDwzcsw — Смолинский семинар за март 2024.

https://www.youtube.com/watch?v=CLYH7FWmjVI — Смолинский семинар за февраль 2024.

https://www.youtube.com/watch?v=16HCrvwv5wU — Смолинский семинар за январь 2024: очередные вопросы по поводу анатомии реликтового гоминоида, признание вида по фотографии — и проблема гигантских змей.

https://www.youtube.com/watch?v=uI-03klWaAI — Смолинский семинар за декабрь 2023 года.

https://www.youtube.com/watch?v=BbAVX7QE3Fs — Смолинский семинар за ноябрь 2023 года. Памяти Н. Н. Акоева.

https://www.youtube.com/watch?v=Wevx57hLjqw — Смолинский семинар за октябрь 2023 года. Темы: 1) Виды-двойники и криптозоология. 2) Профессиональный взгляд на реликтового гоминоида сквозь призму линнеевской классификации. 3) «Неправильные» черепа в музейных коллекциях.

https://www.youtube.com/watch?v=2jDNdOq4bNg — Смолинский семинар за сентябрь 2023 года. Темы: 1) Реликтовый гоминоид в Поволжье; анализ видеосъемки — сумчатый волк или лиса? 2) «Дьяволова обезьяна» — неизвестный негоминоидный примат?

https://www.youtube.com/watch?v=TeIzE3jxPjs — Смолинский семинар за август 2023 года. Включает следующие доклады: 1) Доклад И. Трейгера о неожиданных аспектах «лесной архитектуры». 2) Доклад Н. Акоева об одной из фотографий, сделанных фотоловушкой, и обсуждение ее (в ходе которого участники пришли к выводу, что это все же медведь). 3) Доклад Г. Панченко о «подсказках», которые криптозоология дает палеоантропологии (решаемые проблемы выживания малочисленных популяций; «эректоидная» головная вошь в Новом Свете; возможность «цикличного» возобновления шерстного покрова). 4) Доклад И. Трейгера о задачах академической и «гражданской» науки.

https://www.youtube.com/watch?v=Y-mIvzwBk7w — Смолинский семинар за июль 2023 года. Темы: критерий подлинности при не очень качественной съемке РГ; «неизвестный зверь в степях Ставрополья» (на самом деле — известный зверь в аргентинской пампе: разоблачение видеофейков); экспедиция на Суматру (оранг-пендек и другие: криптозоология в помощь криптоэтнографии); ответы на

вопросы (миграции РГ, «северные крокодилы» и пр.).

https://www.youtube.com/watch?v=LeclLlfqgbg — Смолинский семинар за июнь 2023 года. Часть 2.

https://www.youtube.com/watch?v=TbxVILKNQgE — Смолинский семинар за июнь 2023 года. Часть 1.

https://www.youtube.com/watch?v=ME5H6XfsbO8 — Смолинский семинар за май 2023 года.

https://www.youtube.com/watch?v=8yIMv_9hfvM — Смолинский семинар за апрель 2023 года.

https://www.youtube.com/shorts/dOoQ75MVZdI — Дробышевский: «Чисто технически снежный человек вероятен».

https://www.youtube.com/watch?v=dYgCo_rtL8Q — Смолинский семинар за март 2023, темы докладов: 1) Доклад Григория Панченко «Логика отстрела»: вопрос о возможности поимки реликтового гоминоида «летальными» методами. Юридические, этические, научные — и чисто практические проблемы. 2) Доклад Ильи Трейгера (США): а) Интервью проф. Мелдрума о том, что мы, возможно, ошибаемся в наших общепринятых оценках поведения американских реликтовых гоминоидов. б) О достоверности имеющихся фото и видеосъемок на основе анализа комментариев к ним в Интернете. 3) «Карадагский змей»: возможные прототипы невозможного криптида.

https://www.youtube.com/watch?v=Z_7QNeLDZGA — Смолинский семинар за февраль 2023 (на сей раз у ведущего проблем со связью было гораздо меньше — и ему удалось прочитать два своих сообщения: «Криптозоология в ближайшие годы: проблемы, возможности, направления практической работы»; «Криптозоология у классиков литературы: „незамеченные“ аспекты творчества Пушкина и Свифта»).

https://www.youtube.com/watch?v=YgjLOpJCttI — продолжение январского семинара (проведено специально, чтобы компенсировать «выпадание» ведущего в прошлый раз, но это опять не вполне удалось).

https://www.youtube.com/watch?v=TgTH5o_ePNk — первый Смолинский семинар за январь 2023 года (из-за проблем со связью участие ведущего оказалось очень фрагментарным).

https://www.youtube.com/watch?v=GrkGGkFvfug — Смолинский семинар за декабрь 2022 года.

https://www.youtube.com/watch?v=zj4IAIFYiU8 — ноябрьский Смолинский семинар на новой площадке. Обсуждение трудностей съемки при встрече с реликтовым гоминоидом «в поле» (особенно если это тайга).

https://www.youtube.com/watch?v=Ki_eeQQbItQ — Смолинский семинар за октябрь (с некоторым нарушением программы по техническим причинам).

https://www.youtube.com/watch?v=-llvjG7NsbE — беседа Александра Згуриди с Бернаром Эйвельмансом, «отцом криптозоологии» (1988).

https://www.youtube.com/watch?v=FlgT_HYyJNk — сентябрьский Смолинский семинар (хотя прошел он в начале октября, а тема его — по-прежнему августовская вылазка).

https://www.youtube.com/watch?v=mc19Z6FhiJA — Смолинский семинар за август 2022 года. Краткий отчет об экспедиции.

https://www.youtube.com/watch?v=OfBs9llah4c — июльский Смолинский семинар: развернутый отчет о поездках в Мещеру и на Тиманский кряж.

https://www.youtube.com/watch?v=hZfx45xZ1Rg — Смолинский семинар. Предварительный отчет о вылазке в Мещеру.

https://www.youtube.com/watch?v=ZR6w6gAWFq4 — интервью с егерем Сергеевым, встречавшим снежного человека.

https://www.youtube.com/watch?v=j6DSP2GrCiEhttps://www.youtube.com/watch?v=j6DSP2GrCiE — Смолинский семинар за май 2022 года.

https://www.youtube.com/watch?v=vfJLru34yyg — Смолинский семинар за апрель 2022 года.

https://www.youtube.com/watch?v=lOiqiU2jpGQ — Смолинский семинар, темы докладов:1) Дмитрий Рябов «Одно из видео реликтового гоминоида. В кадре часть тела сасквача — и это не стопа!» 2) Григорий Панченко «Там чудеса, там кто-то бродит: реликтовый гоминоид как „фигура умолчания“ у современников Пушкина».

https://www.youtube.com/watch?v=CUTSQfXjQ1g — Смолинский семинар за февраль 2022 года.

https://www.youtube.com/watch?v=CmCHr7NgFO4 — вопросы профессору Джеффу Мелдраму о снежном человеке. Часть 4.

https://www.youtube.com/watch?v=P_kXpNTpMhs — вопросы профессору Джеффу Мелдраму о снежном человеке. Часть 3.

https://www.youtube.com/watch?v=VbiJ1fs3cJA — вопросы профессору Джеффу Мелдраму о снежном человеке. Часть 2.

https://www.youtube.com/watch?v=QE5jA7sllWM — вопросы профессору Джеффу Мелдраму о снежном человеке. Часть 1.

https://www.youtube.com/watch?v=8TXqw9eEwCQ — Боб Гимлин о встрече с самкой снежного человека.

https://www.youtube.com/watch?v=VIHv_DoXMnU — Смолинский семинар. 19 января 2022 года.

https://www.youtube.com/watch?v=64WPcyAUhVc — декабрьский Смолинский семинар. Новые данные большой науки в пользу криптозоологии.

https://www.youtube.com/watch?v=KJBjP4kMrY8 — Смолинский семинар. Ноябрь 2021 года. Тема — «Лесная архитектура».

https://www.youtube.com/watch?v=XK1CMbGw1Bc — Смолинский семинар, октябрь 2021 года.

https://www.youtube.com/watch?v=zp86Kecrt4w — сентябрьский Смолинский семинар: отчет об очередной экспедиции на Тиманский кряж.

https://www.youtube.com/watch?v=Ze10lA8LoWI — «Где ты, йети?» Часть 8.

https://www.youtube.com/watch?v=55m0VRlnrIU — «Где ты, йети?» Часть 9.

https://www.youtube.com/watch?v=_XZbBiFLpyI — «Где ты, йети?» Часть 10.

https://www.youtube.com/watch?v=KFxUPQQjOK8, https://www.youtube.com/watch?v=aDJINDqM1ZQ — «Где ты, йети?» Часть 11.

https://www.youtube.com/watch?v=fk091fjcyo4 — «Где ты, йети?» Часть 12.

https://www.youtube.com/watch?v=FSm7MwwpIlQ — «Где ты, йети?» Часть 13.

https://www.youtube.com/watch?v=rH8m0XjXa8Q — Смолинский семинар, август 2021 года.

https://www.youtube.com/watch?v=T5X05FLLkvI — «Планируем поход Тиман — 4». Эфир 13 августа 2021 года.

https://www.youtube.com/watch?v=wSF2r4C8vn4 — Смолинский семинар, июль 2021 года.

https://www.youtube.com/watch?v=tsfkKi_A9Rg — «Как планировали поход ровно два года назад».

https://www.youtube.com/watch?v=orZjeLYZaXY — июньский Смолинский семинар: снова о ленте Паттерсона, результаты очередной вылазки на Тиманский кряж, обсуждение знаменитого «Саратовского эпизода».

https://www.youtube.com/watch?v=UjUe5ddqjwQ — «просто разговор» о снежном человеке… но тоже содержащий интересную информацию.

https://www.youtube.com/watch?v=bVSUTvx2ArU — апрельское заседание Смолинского семинара.

https://www.youtube.com/watch?v=lyHD79BCTr8 — 1 млн 100 тыс. руб.: денежное вознаграждение за подтвержденную находку останков реликтового гоминоида.

https://www.youtube.com/watch?v=S7106EwyuFQ — «обманки» на пути криптозоологов.

https://www.youtube.com/watch?v=cdm5xat-22I — Смолинский семинар 17.02.2021.

https://www.youtube.com/watch?v=dL-7Ud_HkjM — и снова кое-что о реликтовом гоминоиде в сибирской тайге.

https://www.youtube.com/watch?v=S5y6fKkEV14 — что делать, если вам позвонил пранкер, утверждающий, будто он нашел труп снежного человека?

https://www.youtube.com/watch?t=1&v=wrxVfyPaCUs — Григорий Панченко о своих встречах с СЧ.

https://www.youtube.com/watch?v=kfHj0Ipu-Mk&t=213s — Смолинский семинар 20.01.2021.

https://www.youtube.com/watch?v=vCv0rMIZrGQ — продолжение обсуждения Тиманского кряжа с Поповым Анатолием.

https://www.youtube.com/watch?v=uLK-4IzwSJg — Илья Трейгер измеряет снежного человека.

https://www.youtube.com/watch?v=qWhCKiT5UrA — Илья Трейгер про фотографии как доказательства.

https://www.youtube.com/watch?v=SLnCtGRO5Q0 — «Снежный человек увел девушку в лес».

https://www.youtube.com/watch?v=AVQvCYrTXcQ — «Поймали снежного человека в Саратовской обл.» Съёмка Вадима Басова.

https://www.youtube.com/watch?v=YQKUFd3aYKY — Николай Акоев «25 мифов о снежном человеке».

https://www.youtube.com/watch?v=XPrRj8IJw8g — Герман Куртов «Реликтовый гоминоид — тема стрима».

https://www.youtube.com/watch?v=yMk2PpRnUA0 — эфир Смолинского семинара от 25 декабря 2020 года.

https://www.youtube.com/watch?v=c9I00s6m_A8 — Смолинский семинар, июнь 2020 года.

https://www.youtube.com/watch?v=Brgtbzh8GU8 — Смолинский семинар, апрель 2020 года.

https://www.youtube.com/watch?v=Z8ZLQHRBDTQ — Смолинский семинар, февраль 2020 года.

https://www.youtube.com/watch?v=sPKSiewKg-I — Смолинский семинар, январь 2020 года.

https://www.youtube.com/watch?v=Ofti82juk-s — Илья Трейгер «GPS-датчик на снежном человеке».

https://www.youtube.com/watch?v=YQKUFd3aYKY — «Алмасты — кавказский йети» (французский документальный фильм об экспедиции в Кабардино-Балкарию в 1992 г.).

https://www.youtube.com/watch?v=ooW3Q865t5A — «Эволюция криптозоологии: чудища пещерные и озерные. Станислав Дробышевский. Учёные против мифов».

https://www.youtube.com/watch?v=EkjKw7cw8Xg — Анатолий Фокин «Свидетели снежного человека».

https://www.youtube.com/watch?v=hq6IN1cgyXs — Григорий Панченко о гибели группы Дятлова: криптозоологическая версия.

https://www.youtube.com/watch?v=Y6Cmj3i50Ts — и снова о реликтовом гоминоиде: неизвестные факты и «повторение закрепленного», теория и практика, ответы на вопросы.

https://www.youtube.com/watch?v=nWkv-ZCyq4s — группа Дятлова погибла из-за Снежного Человека… Версия Анатолия Попова.

https://www.youtube.com/watch?v=cn82tlFsA_g — гибель группы Дятлова по версии Попова Анатолия. Часть 2.

https://www.youtube.com/watch?v=1nbo6jbd1Xw — реликтовый гоминоид на Тиманском кряже. Продолжение последовало.

https://www.youtube.com/watch?v=VPj154Ek74Y — ответы Григория Панченко на вопросы о реликтовом гоминоиде.

https://www.youtube.com/watch?v=iPTSqTUu-Lo — совместный стрим Станислава Дробышевского и Григория Панченко. Дискуссия палеоантрополога и криптозоолога.

https://www.youtube.com/watch?v=Brgtbzh8GU8 — Смолинский семинар при Дарвиновском музее. Из-за карантина он впервые в своей истории проходит «на удаленке», онлайн — и это позволяет

присутствовать участникам из четырех стран.

https://www.youtube.com/watch?v=QvNgHMbK610, https://vk.com/wall-190875464_19 — Григорий Панченко. Роскон-2019: несбывшиеся «палеоантропологические модели» для фантастов. Выступление на необычной территории, но не сказать чтобы «чужой».

https://www.youtube.com/watch?v=IQGJivB_K5ws — Владимир Ямщиков «О ДНК снежного человека».

https://www.youtube.com/watch?v=RNUZR6c5SAA — Герман Куртов, материалы по экспедиции на Тиманский кряж.

https://www.youtube.com/watch?v=FcK4y3tXbCs — Станислав Дробышевский: «Снежный человек вероятен…»

https://www.youtube.com/watch?v=Y1cgxP0s99I — Григорий Панченко, ответы Станиславу Дробышевскому. Часть 1 из 2.

https://www.youtube.com/watch?v=QHHEGAuXWE0 — Григорий Панченко, ответы Станиславу Дробышевскому. Часть 2 из 2.

https://www.youtube.com/watch?v=8DdaGedjJPM — Илья Трейгер, добавления к выступлению Дробышевского.

https://www.youtube.com/watch?v=b8LSaemWLP4 — Анатолий Сидоренко. Криптозоолог. Про алмасты.

https://www.youtube.com/watch?v=mfuhx88tShc — Григорий Панченко «Алмасты: особенности кавказского гоминоида». (Вообще-то это часть 1, но продолжение, запись которого планировалась на весну, несколько откладывается из-за череды других выступлений.)

https://www.youtube.com/watch?v=4fRDMllWzd0 — Илья Трейгер «Снежный человек у Белого дома».

https://www.youtube.com/watch?v=d2EZ1Ew_FbM — опрос очевидца (Анатолия Попова) в ходе экспедиции на Тиманский кряж.

https://www.youtube.com/watch?v=wwXgxya4HYk — Григорий Панченко, краткий отчет об экспедиции на Тиманский кряж. Сентябрь 2019 года.

https://www.youtube.com/watch?v=vX6KvydOltM — Смолинский семинар в Дарвиновском музее 18 декабря 2019 года. Доклад Юрия Байбака. Часть 1 из 2.

https://www.youtube.com/watch?v=d4OXELLpCFE — Смолинский семинар в Дарвиновском музее 18 декабря 2019 года. Доклад Юрия Байбака. Часть 2 из 2.

https://www.youtube.com/watch?v=V9AwZoF4F7c — Григорий Панченко «„Снежный человек“: торный путь гоминидов и узкая тропка понгидов». Москва, 2 апреля 2019 г. Часть 1 из 2.

https://www.youtube.com/watch?v=NMJ9LnzjRwE — Григорий Панченко «„Снежный человек“: торный путь гоминидов и узкая тропка понгидов». Часть 2 из 2. Вопросы — ответы.

https://www.youtube.com/watch?v=XNa7wEdZBPE — Смолинский семинар, февраль 2019 года.

https://www.youtube.com/watch?v=YNjQ9vPOKqU — Николай Акоев «Разговоры о „снежном человеке“». Часть 1.

https://www.youtube.com/watch?v=N8o97utl5o8 — Николай Акоев «Разговоры о „снежном человеке“». Часть 2.

https://www.youtube.com/watch?v=w3443m_L4Nk — Николай Акоев «Разговоры о „снежном человеке“». Часть 3.

https://www.youtube.com/watch?v=7tcTX6tpByA — Николай Акоев «Разговоры о „снежном человеке“». Часть 4.

https://www.youtube.com/watch?v=udvQgql_G9k — Григорий Панченко «Путь архантропа».

https://www.youtube.com/watch?v=Ps99ql1vRUM — Григорий Панченко, беседа с палеоантропологами.

https://www.youtube.com/watch?v=0RHB3jwKYH8 — Григорий Панченко «Затерянный вид: реликтовый гоминоид в системе координат современной науки». Ч. 1 (основной доклад). 2018 г.

https://www.youtube.com/watch?v=ray0s9-bcPQ — Григорий Панченко «Затерянный вид…». Ч. 2 (ответы на вопросы).

Два последних материала — незапланированные выступления на «чужой территории»: на мероприятии, организованном так называемым «Энтропиологическим институтом» (организацией, придерживающейся откровенно антинаучных взглядов), что не было очевидно из программы семинара до его начала. Ближе к концу части 2 вопрос о «неизвестном медведе иркуйеме» задает Николай Непомнящий: https://ru.wikipedia.org/wiki/Непомнящий,_Николай_Николаевич — известный исследователь «спорных тем», автор книги «Экзотическая зоология» (https://www.litmir.me/br/?b=20627) и многих других.

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a87250fc1277', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Федор Степанов. Ад Чосон, или «Легко ли быть молодым» по-корейски

Похоже, вывести Корею из феодализма легче, чем феодализм из Кореи. Даже Южной

ФЕДОР СТЕПАНОВ MANUSCRIPT

Как молодёжь Южной Кореи оказалась и выживает в ловушке между будущим, традициями и отчаянием

Неоновый рай и реальный ад

Если вы любите корейские автомобили и смартфоны, знакомы с культурой кей-поп или видели впечатляющие парадные фотографии Сеула — неонового мегаполиса с зеркальными небоскрёбами, гигантскими торговыми центрами и широкими улицами, где молодые люди на Гангнам выглядят так, словно только что сошли с обложки глянцевого журнала, — у вас наверняка сложился образ страны, в которой молодость, современность и прогресс решительно торжествуют. Страны, где высокие технологии, мода, красота и экономический успех слились в едином пьянящем коктейле, который буквально искрится и бурлит пузырьками счастья.

Однако самый популярный алкогольный напиток в Южной Корее — это сомэк, смесь двадцатиградусной водки соджу и местного пива мэкджу, корейский аналог русского ерша. Это тоже своего рода коктейль, который может искриться пузырьками и эффектно закручиваться в «торнадо» прямо в вашем гранёном стакане, но, как говорится, есть тревожные нюансы.

За парадными фасадами образцовой экономики скрывается один из самых жёстких социальных кризисов в развитом мире. Южная Корея занимает первое место по уровню самоубийств среди молодёжи. Рождаемость упала до катастрофических 0,72 ребёнка на женщину — абсолютный мировой антирекорд. Молодые люди массово отказываются от брака, детей, карьеры и даже от самой идеи будущего. Они придумали для своей страны новое имя — «Ад Чосон». Каждый второй мечтает убежать из корейского ада, но немногим это удаётся.

Хочу представить вам свой личный, поверхностный, очень беглый взгляд иностранца на то, как традиционное общество, построившее в кратчайшие сроки экономическое чудо на дисциплине, конкуренции и коллективном самопожертвовании, оказалось в ловушке собственного успеха. И о том, что платить ежедневно за этот успех приходится каждому, а воспользоваться его плодами удаётся далеко не всем и не всегда.

Первая линия в районе Гангнам всегда выглядит прекрасно

Вторая линия корейских городов — это вот так, даже на Гангнам. Никогда не спрашивайте почему, вы всё равно не кореец, эта страна не для вас

Метод исследования, или «Бухают» все

«Хвесик» — это корпоративный ужин или застолье в будни после работы. Устоявшаяся и очень живучая традиция, которая считается неотъемлемой частью работы в Южной Корее.

Отказ от участия в хвесик без уважительной причины может негативно сказаться на карьере и сделках, а значит, вам тоже придётся присутствовать. Участие в корпоративной попойке — часто единственный способ временно приподнять формальные барьеры между коллегами и деловыми партнёрами.

Хвесик включает в себя обязательное употребление алкоголя, иногда в нескольких разных заведениях подряд, а значит, вам тоже придётся много пить.

Для корейцев всегда существует ритуальная сторона встречи: кто где сидит, кто кому наливает, кто пьёт первым, кто говорит, кто как держит стаканы и тому подобное. Иностранцев всё это не касается, они вне местных иерархических отношений, то есть «хуже собаки» по определению, чем мы можем и должны пользоваться.

Пьют корейцы все поголовно и много, но природной стойкости к алкоголю при этом не имеют, поэтому иностранец всегда услышит на трезвую голову много интересных рассказов (преимущественно скрытых и явных жалоб на жизнь) уже за вторым стаканчиком двадцатиградусного сомэк.

Очень скоро большинство корейцев за столом будет буквально «в стельку» или «в слюни», и тогда наступает звёздный час экспатов, а они в Южной Корее тоже есть, в том числе из стран экс-СССР. Однажды к нам подсел радостный технический директор с Филиппин, когда все его корейские коллеги уже «вышли из чата», со словами: «Русские, как хорошо, что вы приехали! Наконец-то я накидаюсь с кем-то крепким!» И немедленно упился виски просто «в очко». Жаловался на жизнь не хуже корейцев — видимо, это заразно! — был совершенно счастлив, что его, пьяного, наконец кто-то выслушал, а не только он всех и каждого, как обычно.

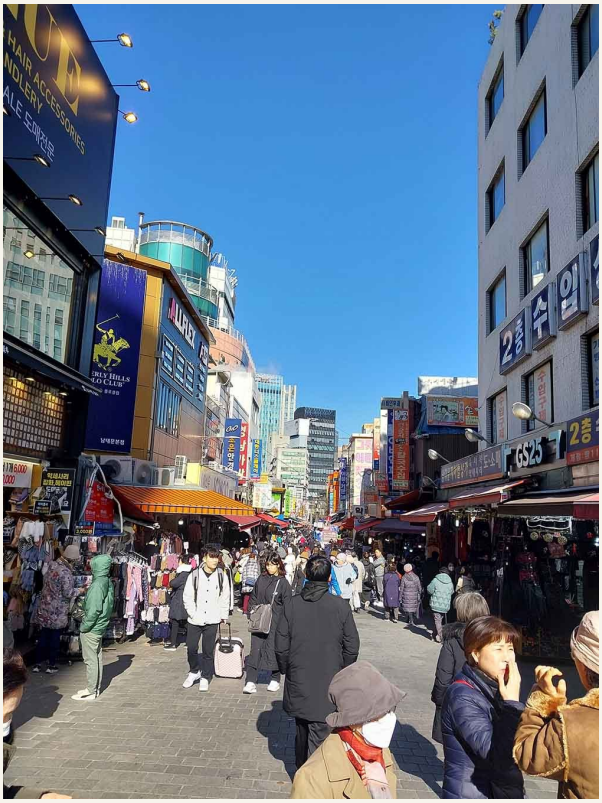
Самое ужасное, что в Южной Корее мужчины и женщины должны пить на равных. Для нас всё это выглядит очень странно: приличные образованные женщины напиваются ершом, нам приходится «бухать» через силу, ведь у нас так угарно пить с партнёрами всем коллективом не принято уже лет 20. Российское IT плотно сидит «на спорте», кто-то не пьёт совсем, кто-то в режиме «по одному бокалу и разойдёмся», но в Южной Корее люди сделают большие круглые глаза, если вы скажете, что «русские больше не пьют». И будут очень, очень, очень разочарованы лично вами.

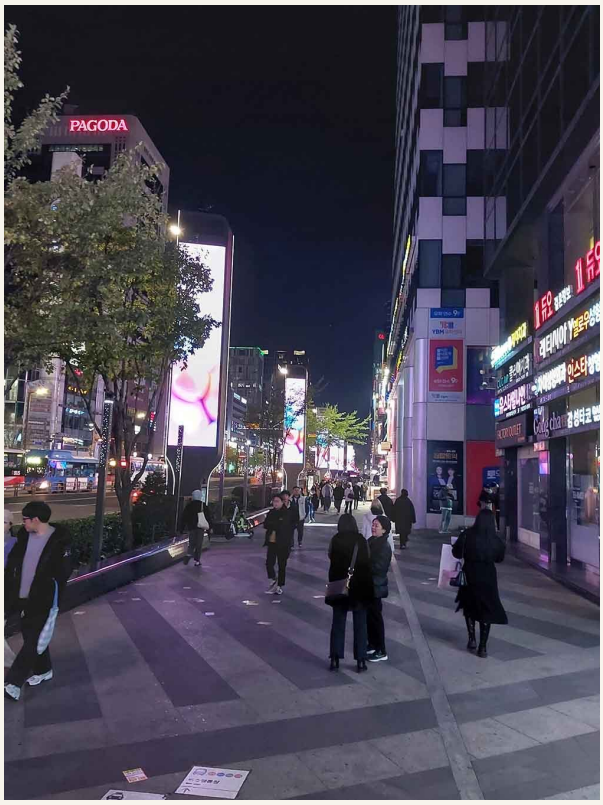
Корейцы всегда таскают с собой тюбики с антипохмельным гелем, поскольку пьют регулярно в будни до поздней ночи и идут с утра на работу. Такой тюбик в хорошем кабаке могут выдать прямо на выходе, «на ход ноги», если ты засиделся.

Для меня «посиделки» с корейскими коллегами и партнёрами оказались бесценным источником информации о жизни и работе в Южной Корее,

своеобразным антипохмельным гелем для иностранца, позволяющим трезво взглянуть на собственные возможности и перспективы.

Кстати, от сомэк похмелье по рассказам ещё и болезненное, но подтвердить не могу: у меня его никогда не было. Даже в такой мелочи, выходит, корейцам есть на что жаловаться — им опять как-то по-особенному не повезло!

Что-то совершенно не видно кей-попа на улицах Сеула, даже вечером на Гангнам!

«Ад Чосон» — когда у страны нет будущего

Название, которое всё объясняет (для корейцев)

Чосон — это средневековая династия, правившая в XV—XIX веках. Эпоха строгой конфуцианской иерархии, жёсткого классового общества, когда судьба человека определялась исключительно его происхождением. Эпоха, от которой, казалось бы, современная прогрессивная Южная Корея ушла далеко вперёд.

Но в начале 2010-х молодые корейцы массово стали называть собственную страну на английский манер Hel Joseon или «Ад Чосон». Смысл метафоры предельно ясен: несмотря на внешний лоск современности, Южная Корея по своей внутренней логике остаётся средневековым феодальным обществом, где место человека в иерархии предрешено с рождения, где социальная мобильность и её пресловутые «лифты» — иллюзия, где конкуренция ультракапитализма разрушает людей

задолго до того, как они успевают добиться чего-либо значимого в жизни.

Феодализм, который принято не замечать, или Что такое чеболь

«Чеболь» часто переводят как «конгломерат», нечто среднее между корпорацией, кланом и государством в государстве, но буквально это «богатая семья», адаптированный перевод японского термина «дзайбацу», означающего корпоративный продукт трансформации богатых феодальных кланов в эпоху реформ XVIII—XX веков в Японии.

Samsung, Hyundai, LG, SK, Lotte — эти названия известны во всём мире. Но иностранцы часто не понимают, что они значат для корейской политики и экономики. По данным 2022 года, десять крупнейших чеболей производят продукцию, эквивалентную примерно 65—70% ВВП Южной Кореи. Samsung Group в одиночку — около 20% экспорта страны. Это беспрецедентная концентрация капитала и власти для развитой демократии.

Управляются чеболи семьями-основателями через сложные системы владения. Власть передаётся по наследству — буквально. Нынешний де-факто руководитель Samsung Ли Джэ Ён — внук основателя компании. Семья Чон контролирует Hyundai. Семья Ку — LG. В Японии после Второй мировой войны началась трансформация системы «дзайбацу» («богатых кланов») в систему «кэйрэцу» («иерархический порядок», имитация более привычных западных вертикальных корпораций), которая в общем и целом завершилась к 80-м годам XX века. В Южной Корее подобного до сих пор не произошло.

Чеболи появились и существуют при поддержке южнокорейского правительства, которое предоставляет им экономические привилегии, льготные кредиты, государственные заказы и другие преимущества. Их создали в середине XX века после Корейской войны для ускорения восстановления экономики в период военной диктатуры, который закончился только в 1987 году, поэтому большинство чеболей являются ещё и военно-промышленными группами. Кстати, в Южной Корее до сих пор есть обязательная призывная военная служба для всех лиц мужского пола, даже для участников группы BTS не сделали исключения. Страна относится к обороне и армии крайне серьёзно.

Об этом не принято говорить, но система чеболей — не метафора феодализма, а его действующий модернизированный вариант, который осознанно заложен в основание южнокорейского «экономического чуда».

Работа в чеболь: мечта и кошмар одновременно

Для молодых корейцев устроиться в чеболь — заветная мечта и социальный маркер первого порядка. Это означает стабильность, достойную зарплату и пенсию, высокий социальный статус, уважение родителей и соседей. Это означает, что ты «добился».

Но реальность работы в чеболе далека от идеала. Культура «пали-пали» — «быстро-быстро» — предполагает постоянную сверхурочную работу, которая воспринимается как проявление лояльности. Несмотря на формальное государственное ограничение в 52 часа рабочей недели, введённое в 2018 году, работают во многих корпорациях значительно больше положенного.

Мне довелось побывать в корейских офисах с оборудованными спальными местами, круглосуточными кафетериями, детскими садами и медицинскими кабинетами, находящимися внутри изолированных зданий со строгим контролем доступа. Менеджеры при этом на «белом глазу» утверждали на встречах, что ночных смен и переработок у них нет, все сотрудники работают строго в рамках закона.

Иерархия в корейских компаниях настолько жёсткая, что даже разговор с вышестоящим требует специальной вежливой формы общения. Идеи младших сотрудников часто игнорируются или

присваиваются. Возможности для продвижения ограничены и нередко определяются не заслугами, а возрастом, полом и связями.

Корейские менеджеры, между прочим, часто продолжают «чудить» в полную силу и в электронных коммуникациях с иностранцами. Нужно уметь вовремя их останавливать уместными способами, потому что их подходы к решениям и коммуникациям для нас выглядят зачастую просто возмутительными.

Женщины сталкиваются с особой формой дискриминации: в большинстве крупных корпораций от них де-факто ожидают, что после замужества или рождения ребёнка они оставят работу.

«Стеклянный потолок» карьеры в Южной Корее, по мнению молодёжи, скорее бетонный — пробиться наверх практически невозможно.

Когда и чеболь недостижим

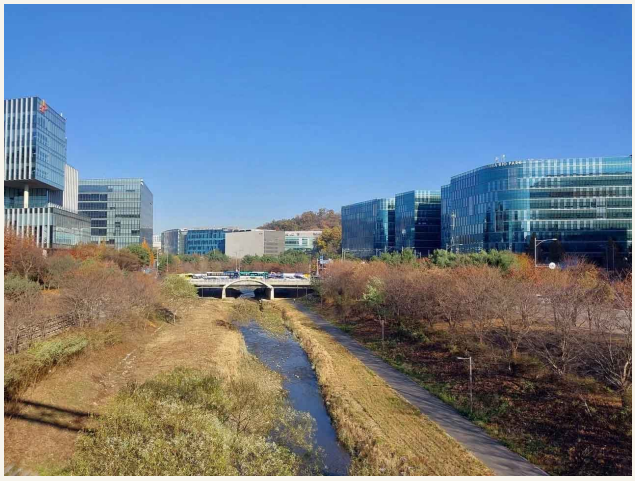
Проблема не только в том, каково работать в чеболе. Большинство молодых людей туда вообще не попадают. Крупные конгломераты принимают ничтожную долю соискателей. Конкуренция настолько высока, что подготовка к вступительным корпоративным тестам стала отдельной индустрией — существуют специальные «хагвоны» для взрослых, которые готовят к тестам Samsung, Hyundai и других корпораций.

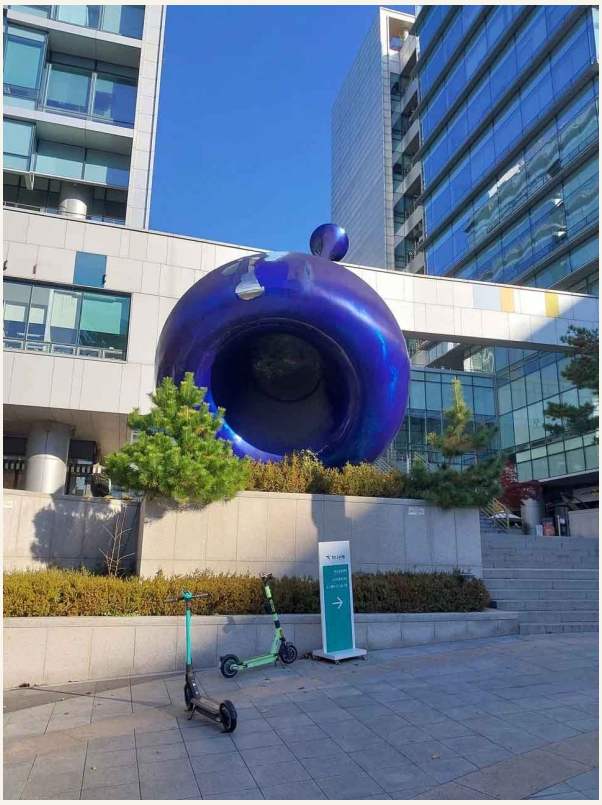
Для тех, кто не прошёл отбор, остаётся мир малого и среднего бизнеса — «чунгсо киёп». Разница между работой в чеболь и в небольшой компании по зарплатам, льготам и социальному статусу огромна. Молодые корейцы нередко годами остаются безработными или работают на вре́менных позициях, отказываясь идти на «неправильную» работу. Потому что принять такое предложение означает навсегда закрыть для себя дверь в мир больших корпораций.

Неудивительно, что молодёжная безработица в Южной Корее рекордно высокая при общей низкой безработице в стране. По данным Statistics Korea, реальный уровень безработицы среди молодёжи (с учётом вынужденно занятых неполный день и тех, кто сдался и перестал искать работу) достигает 25—30%.

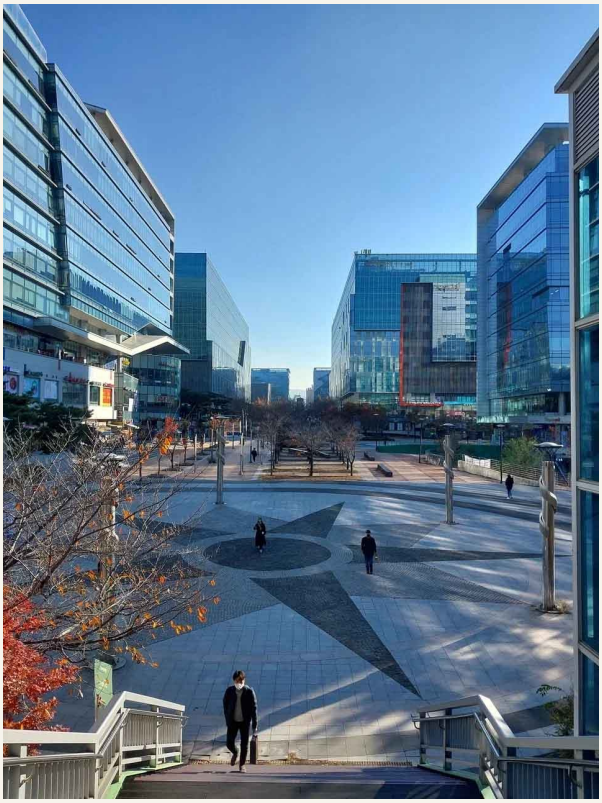
В крупном бизнесе вы чаще видите людей, которые стараются вести себя с оглядкой на Запад: многие одеты в стиле «смарт кежуал», модно подстрижены, кое-как знают английский язык, жили или учились за границей и так далее. В среднем и малом бизнесе работают люди, которые скорее напоминают нам 90-е или западную агитку про Северную Корею: в серых дешёвых костюмах, чужом мерче с выставок и конференций, плохо подстриженные, всегда потрёпанные и очень усталые.

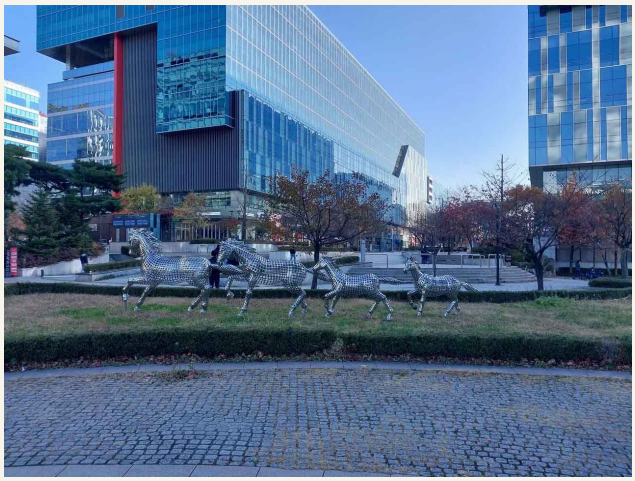
Интересный штрих: у меня осталось много фотографий, которые я сделал в технопарке Пхангё — корейском аналоге Кремниевой долины, расположенном недалеко от Сеула, и практически ни одной из городских районов, где находятся офисы малого и среднего бизнеса. Потому что там буквально нечего фотографировать: все здания и офисы выглядят точно так же, как офисы класса «С» или ниже на окраинах любого крупного российского города.

Корейская Кремниевая долина — технопарк Пхангё в пригороде Сеула

На улицах тихо, потому что все усердно трудятся

Машина по производству неудачников, или С чего начинается Родина

Корейская система образования устроена так, что буквально с детского сада жизнь ребёнка превращается в непрерывную гонку за достижениями. Ключевой момент — единый государственный экзамен «сунын», который сдаётся в одиннадцатом классе школы и фактически определяет всю дальнейшую судьбу человека.

В день, когда проводится сунын, страна останавливается. Самолёты не летают по расписанию, водителям запрещено подавать звуковые сигналы в кварталах, где расположены школы, полиция подвозит опоздавших учеников к экзаменационным центрам. Родители молятся в церквях и храмах. Ставки настолько высоки, что некоторые дети не выдерживают психологического давления и сводят счёты с жизнью — как до экзамена, так и после получения результатов, если они не оправдали ожиданий.

Я ничего этого не знал и однажды оказался в осенней командировке в Южной Корее на неделе сунын. Всеобщий мандраж накануне и внезапное прекращение бурной регулярной городской активности произвели на меня странное впечатление. Неожиданно всплыли смутные детские воспоминания о замершем испуганном городе и гудящих фабричных трубах в день смерти генсека ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

Результаты сунын открывают или закрывают двери для поступления в университеты. А хороший университет в Корее — это гораздо больше, чем диплом, это счастливый билет на всю оставшуюся жизнь. Три ведущих вуза страны — Сеульский национальный университет, Корея и Ёнсе — образуют говорящую аббревиатуру SKY («Небо»). Выпускники этих заведений занимают непропорционально бóльшую долю руководящих должностей в крупнейших корпорациях и государственных структурах. По данным исследований, они зарабатывают в среднем на 30—40% больше, чем все прочие выпускники, при одинаковой квалификации.

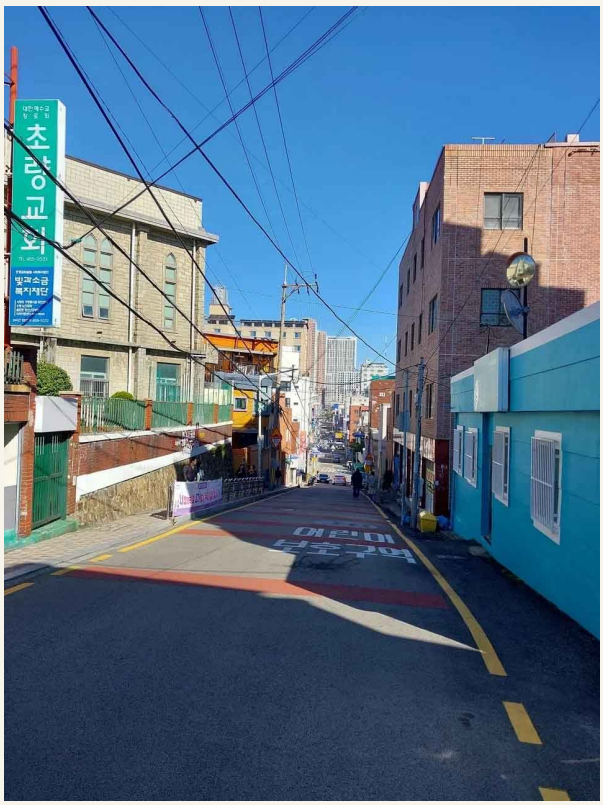
Однажды я стал невольным свидетелем того, как работает такой счастливый билет. Во время деловых переговоров мой коллега, закончивший двухгодичную аспирантуру в Южной Корее, что-то сказал на корейском, после чего на другой стороне стола у пары важных людей удивлённо поднялись брови: «Вы с господином N учились в одном университете?» После утвердительного ответа уровень переговоров неожиданно повысился и на них появился сам господин N.

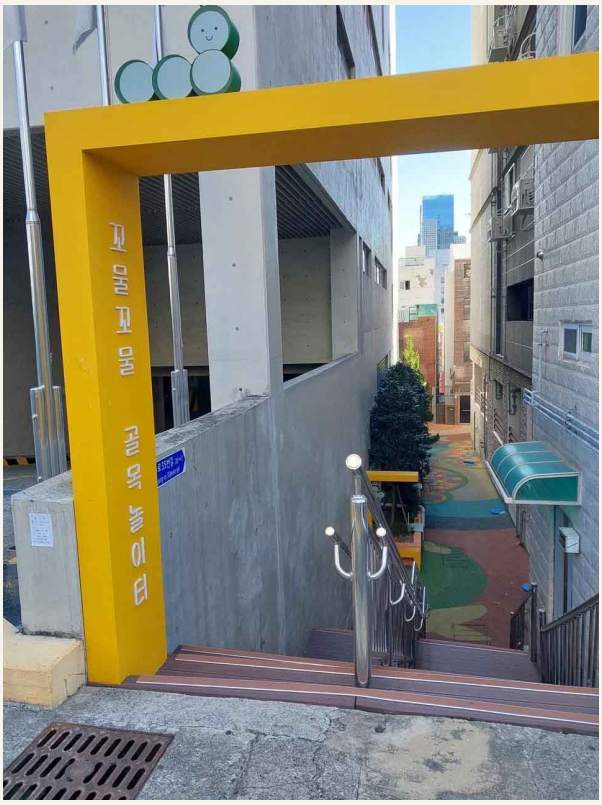
В другом случае мы обнаружили странную фигуру в индустриальных кругах — господина M, который «всех знает». Выяснилось, что он всегда на связи с выпускниками университетов, у него обширная картотека. Если кто-то хочет найти или поменять работу, он идёт к господину M. Если кому-то нужны индустриальные профессионалы, он тоже идёт к господину M. Казалось бы, хедхантер или консультант по персоналу, где такого нет? Но оказалось, что, если тебя нет в картотеке господина M, ты просто не получишь работу. Прямо вот так, господину M можно позвонить и спросить, знает ли он конкретного человека, если не знает, то этого человека больше не рассматривают в качестве кандидата. И деньги в его стартап тоже не вложат. Потому что, если тебя не знает господин M, который «всех знает», значит, тебя в индустрии нет.

Высшее образование — не самая сильная сторона Южной Кореи, попасть в SKY могут единицы. Ад Чосон, скорее всего, начинается где-то здесь. Корейские дети в школе учатся в среднем по 16 часов в сутки. После обязательной школы — «хагвоны», частные репетиторские центры, которые работают до полуночи и позже. И в выходные, конечно, работают тоже.

Результат работы этой системы подготовки и обучения парадоксален: она производит хорошо образованных, конкурентоспособных людей, но только в нескольких ключевых для страны отраслях — и одновременно огромное количество молодых людей, сломленных ещё до начала взрослой жизни.

Тех, кто не попал в «правильный» университет, кто не получит работу в «правильной» компании, кто «отбракован» на выходе с ленты образовательного конвейера, общество воспринимает как безнадёжных неудачников. Неважно, что им всего лишь немного за двадцать, для них уже всё кончено, можно ставить на них крест.

Депрессивная детская площадка в школьном переулке, других в этом районе Пусана нет

Кстати, о кресте

Вопреки сложившимся стереотипам более 50% религиозных городских жителей в Южной Корее — христиане. В Сеуле, например, буддийский храм вам встретится гораздо реже, чем протестантская церковь.

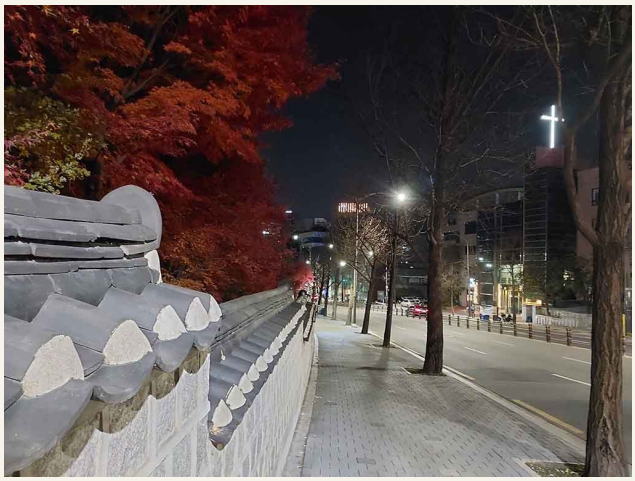
Ключевая особенность духовной жизни Южной Кореи — это тотальный религиозный синкретизм. Корейцы не видят противоречий в одновременном следовании практикам разных религий и нерелигиозности. В этом они зашли куда дальше, чем жители стран экс-СССР: «либо крестик снять, либо трусы надеть» никто уже даже в шутку не предлагает.

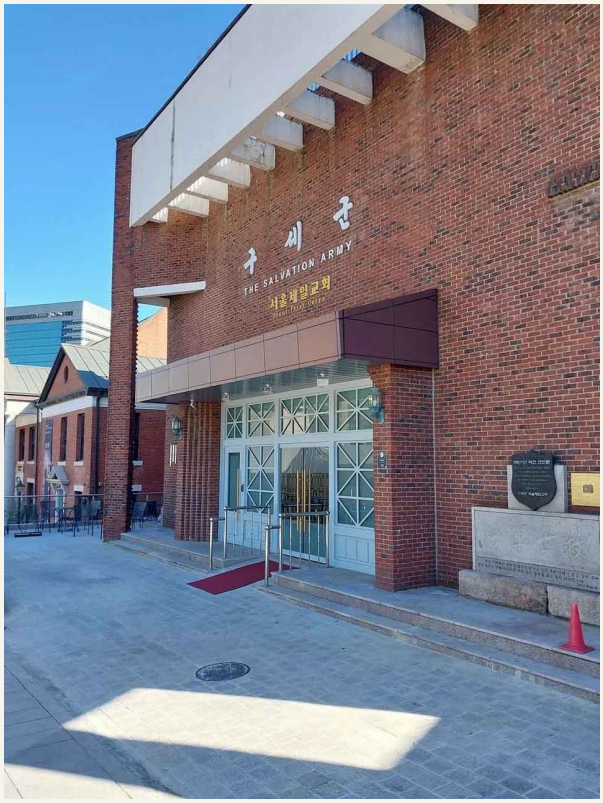
По вопросам семьи, работы или экзаменов любой южнокореец идёт к шаману или гадалке, которые сидят на улицах повсеместно в маленьких остеклённых будочках.

Если спросить жителя Южной Кореи, как жить, что поощряется и порицается, выясняется, что все они — последователи народного конфуцианства, которое считается местными традициями и обычаями.

Большинство корейцев будет утверждать, что они не религиозны, однако быстро выяснится, что при этом они регулярно участвуют в ритуалах конфуцианского культа предков «чеса», ходят к гадалкам и шаманам, используют талисманы и обереги.

Неудивительно, что свой ответ на увеличение давления со стороны общества корейская молодёжь находит совсем не религиозный — не христианский, конфуцианский или буддийский.

Сеул — это чаще вот так

Теория ложек, или Социальный дарвинизм по-корейски

Ложки вместо классов

Мы часто говорим: «родился с серебряной ложкой во рту» о тех, кто удачно появился на свет в богатых счастливых семьях. Корейская молодёжь создала свою вездесущую «теорию ложек», детальную и безжалостную.

«Теория ложек» — это неформальная широко распространённая система народной социальной стратификации. Согласно этой «теории», все люди делятся на фиксированные классы в зависимости от богатства семьи, в которой они родились.

Золотые ложки (кымсутчо) — это недосягаемая и неприкасаемая элита. Они получают доступ к лучшему образованию, связям, карьерным возможностям по праву рождения. Таких людей очень мало, вы о них знаете, но вряд ли знакомы с кем-то из них лично.

Серебряные ложки (ынсутчо) — средний класс. У семей всегда есть деньги, чтобы обеспечивать детей всем необходимым, они даже могут послать их учиться за границу, но детям нужно стараться оправдать ожидания, чтобы чего-то достичь в жизни.

Бронзовые ложки (тонсутчо) — служащие со стабильным доходом, тянут детей, как могут, денег всегда в обрез, у детей нет права на ошибку.

Грязные, земляные, или деревянные ложки (хыксутчо) — рабочий класс и прочая беднота, вплоть до тех, кому нечего есть. Минимальный достаток, постоянная борьба за выживание. Подавляющее большинство населения.

Подобные народные системы есть, наверное, везде, но такой проработки и тотальности мне лично встречать ещё не доводилось. Наши жалобы на мажоров и засилье элит, ворьё и коррупцию, на блат — это скорее разрозненные эпизоды, они никогда не претендовали на образ мысли и жизни миллионов, даже в 80-е. Мы-то в себя продолжаем верить, мы-то ещё ого-го, мы-то хотим преодолеть и достичь, несмотря ни на что!

Исключительная жестокость теории ложек в том, что корейцы используют её для описания непреодолимого барьера: если ты «грязная ложка», то, сколько бы ты ни работал, сколько бы ни учился, стать «золотой» ты не сможешь. Если социальные лифты не работают или работают настолько медленно, что жизнь проходит раньше, чем ты добираешься до следующего этажа, места для надежд на светлое будущее больше нет.

Понимаете, в чём ключевая разница? В Южной Корее не у тебя есть какая-то ложка по праву рождения, молодые корейцы верят, что они сами всегда являются какими-то определёнными «ложками»!

Цифры подтверждают «теорию заговора»

Как ни странно, статистика подтверждает правоту теории ложек. По данным корейского Института развития (KDI), межпоколенческая социальная мобильность в стране резко снизилась за последние два десятилетия. Если в 1990-х годах молодой человек из рабочей семьи ещё мог с помощью образования и труда подняться в средний класс, то сегодня это крайне маловероятно.

Ключевой фактор — стоимость жилья. Сеул входит в число самых дорогих городов мира по соотношению цены жилья к доходу. При средней зарплате молодого специалиста накопить на квартиру без помощи родителей означает откладывать деньги без малого тридцать лет. То есть решительно невозможно.

Именно поэтому в Корее существует уникальная система аренды жилья «чонсе». Арендатор платит крупный залог (обычно 50—70% от стоимости аренды жилья на срок до 2 лет) и живёт бесплатно, пока деньги работают у арендодателя. Исторически это позволяло молодым людям достойно жить, постепенно накапливая капитал. Но при нынешних ценах даже чонсе требует сотен тысяч долларов, которые есть только у тех, кому помогают родители. Круг, похоже, замкнулся.

Для тех, кому не хватает ни на чонсе, ни на обычную аренду, существует отдельная система жилья для бедных.

«Панджиха» — это полуподвальные квартиры с окнами у самой земли. Влажные, тёмные, часто затапливаемые во время дождей. В такой квартире жила семья из фильма «Паразиты», и это не художественное преувеличение, это корейская действительность для сотен тысяч людей. Только после катастрофических наводнений 2022 года, когда жители нескольких панджиха утонули в собственных квартирах, правительство пообещало постепенно ликвидировать этот тип жилья.

«Кошивон» — это крошечные комнатушки площадью 3—7 квадратных метров, буквально шкафы с кроватью, столом и вентилятором. Ванная и кухня — общие на этаж. Стоимость аренды 200—400 долларов в месяц. В кошивонах живут студенты, молодые работники, люди, выпавшие из системы.

Одна молодая корейская коллега в самом разгаре рабочей попойки неожиданно заявила, что ходит в спортивный клуб с бассейном, а есть и спать предпочитает в компьютерных клубах. Решите для себя сами, что в действительности она мне — семейному иностранцу — хотела этим сказать.

Разительный контраст между роскошными небоскрёбами и миром кошивонов и панджиха — наглядная иллюстрация того, что значит «Ад Чосон» в буквальном, бытовом измерении для простого жителя Южной Кореи.

Страх, ненависть и никакого Лас-Вегаса

Теория ложек породила в корейском обществе острейшее классовое напряжение. Интернет полнится историями о показной роскоши «золотых ложек» — детей чеболей и высокопоставленных чиновников, которые демонстрируют дорогие автомобили, заграничные путешествия и красивую беспечную жизнь, пока их сверстники надрываются на двух работах.

Самый громкий скандал произошёл в 2019 году с Чо Гуком, тогдашним министром юстиции, чья дочь поступила в престижный медицинский университет Корё благодаря сомнительным школьным наградам, сфабрикованным его женой. Скандал вывел на улицы сотни тысяч людей и стал символом системной несправедливости. Министр юстиции в результате подал в отставку.

Новости о скандалах с членами семей-владельцев чеболей — это бесконечная корейская сага. Ли Гон Хи, легендарный основатель Samsung, был осуждён за уклонение от уплаты налогов и получил президентское помилование. Его сын Ли Джэ Ён был осуждён за взяточничество в рамках скандала с президентом Пак Кын Хе и провёл под стражей несколько месяцев, прежде чем получить смягчение приговора, условно-досрочное освобождение и в итоге президентское помилование. Чон Монгу из Hyundai был осуждён за растрату и получил условный срок. Синь Дон Бин из Lotte отбыл часть срока и вышел по тому же сценарию.

Корейцы придумали для этих скандалов отдельное название «большие рыбы не тонут». И ещё одно более циничное — «тюрьма Самсунг», прозрачно намекающее, что тюремный срок для главы чеболя неизменно превращается в обязательную краткосрочную неприятность, за которой следует освобождение «по экономическим соображениям».

Для молодых корейцев, которые готовятся к экзаменам по шестнадцать часов каждый день в надежде получить честный шанс в честной системе, эти истории становятся ещё одним циничным подтверждением, что писаные законы существуют только для «земляных ложек». Для «золотых ложек» — свои отдельные правила и порядки.

В политической жизни всё ещё драматичнее — практически каждый второй глава государства сталкивался с судом или пытался организовать военный переворот. Так, Чон Ду Хван и Ро Тхэ У получили тюремные сроки за переворот и коррупцию, Ли Мён Бак — 15 лет, а Пак Кын Хе — 20 лет тюрьмы за масштабные коррупционные

скандалы. Экс-президент Юн Сок Ёль совсем недавно получил пожизненный срок за организацию государственного переворота (мятежа) после попытки ввести военное положение в декабре 2024 года.

Такого накала негатива в частных разговорах, как в Южной Корее, я не встречал ещё нигде. Даже общее недовольство и голодное брожение умов на кухнях позднего СССР легко пасует перед бесконечными стенаниями формально сытых южных корейцев из IT. Да, они сыты, но сыты они буквально по горло.

Перемен требуют наши сердца!

Виктор Цой никогда не бывал в Южной Корее при жизни, но он этнический кореец, и, как ни странно, это имеет значение до сих пор даже на межгосударственном уровне.

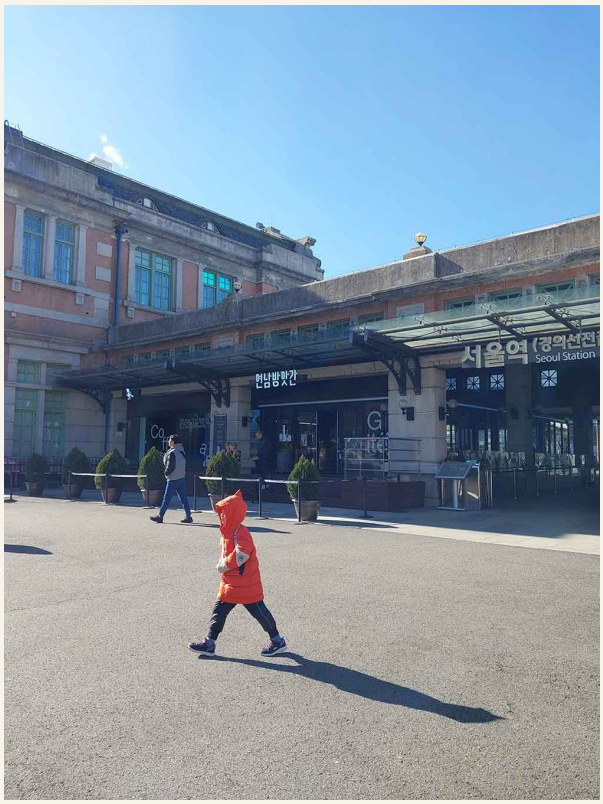
Песни группы «Кино», переведённые на корейский, исполняют на улицах и со сцены. Их ценят за особый стиль и бунтарский дух. Каверы на русском и корейском языках собирают миллионы просмотров в Интернете. Известная южнокорейская рок-группа Yoon Do Hyun Band в своё время записала официальный трибьют-кавер на песню «Группа крови».

Если вы встретите на улице или в метро корейца, одетого во всё чёрное и с причёской из 80-х, как у Виктора Цоя в фильме «Игла», не пугайтесь — может быть, это просто фанат. Я видел таких в Южной Корее много раз!

Не удивлюсь, если рано или поздно услышу песню «Перемен» на корейском языке и на массовых протестах в Южной Корее. Запрос, похожий на тот, что породил её в позднем СССР, в обществе определённо есть. А массовые протесты и забастовки — это и так обычное регулярное дело в Южной Корее.

И на вокзале Сеула как-то совсем не до кей-попа, а на аудиторию «Кино» из 90-х, напротив, очень даже похоже

Зато в кадр наконец попал ребенок, он не в школе потому, что с травмированной рукой

Тройной отказ как корейский ответ

В 2000-х появился термин «поколение сампо» — от корейского «сам» (три) и «по» (отказ, отречение). Молодые корейцы массово отказывались от трёх вещей: отношений, брака и детей. Просто потому, что не могли себе их позволить.

Термин быстро устарел, «сампо» превратилось в «опо», «чильпо» и «купо», доведя количество отказов до девяти:

1. Любовь.
2. Брак.
3. Дети.
4. Своё жильё.
5. Хорошая работа.
6. Личные увлечения.
7. Дружба.
8. Физическое здоровье.
9. Надежды на будущее.

Сейчас уже говорят о поколении «ванпо» — «полного отказа» от всего, даже от идеи будущего.

Это не просто риторика, а стойкое ощущение полной безнадёги. В Южной Корее про ванпо никто больше не шутит, все говорят об этом всерьёз.

Путешествие с рюкзаком (один раз в жизни)

Раньше в Южной Корее была популярна идея «баэнан-ёхэн» — «путешествия с рюкзаком». Корейцы ездили в Европу «дикарями» (не в нашем смысле, конечно, но об этом в другой раз) после окончания вуза до найма на работу, потому что второй раз ты сможешь такое провернуть только пенсионером.

Считается, что это не просто отдых, а важный этап самопознания и взросления, символизирующий «поиск истинного себя» и расширение кругозора, престижная инвестиция в собственный жизненный опыт. Видимо, ничего «просто» корейцы уже сделать не могут, даже отдохнуть!

Сейчас Европа не в форме, корейцам проще сгонять в Китай или Таиланд, что они и делают.

В последние годы в Южной Корее стремительно набирает популярность феномен путешествия с рюкзаком как формы эскапизма или, в крайних случаях, окончательного отказа от системы.

Молодые люди бросают все — работу, арендованную квартиру, социальные обязательства — и уезжают в Таиланд, Вьетнам, Индонезию. Туда, где дешевле жить, где никто не знает, что твой университет «не той» категории, где не нужно соответствовать корейским стандартам красоты, успеха и поведения.

Особенно популярен Таиланд — прежде всего Чиангмай. Этот северный тайский город превратился в своеобразную корейскую колонию: кварталы с корейскими ресторанами, кафе с корейскими надписями, целые сообщества молодых корейцев, которые работают удалённо (или вообще не работают) и пытаются выстроить свою «другую жизнь» на новой почве.

Поколение эмигрантов

Более радикальная форма «побега» — полноценная эмиграция. Термин «иминсэдэ» («поколение эмигрантов») появился совсем недавно, но описывает реальный тренд. По данным Министерства иностранных дел Кореи, количество граждан страны, проживающих за рубежом на постоянной основе, неуклонно растёт. Особенно активно уезжают молодые образованные люди — те, в кого система вложила максимум ресурсов.

Популярные направления — Канада, Австралия, Германия, США. Корейские общины в Ванкувере, Сиднее, Берлине пополняются не только традиционными трудовыми мигрантами, но и людьми, которые сознательно выбирают другую социальную модель.

Успешные молодые корейцы уезжают из своей страны не потому, что там плохо жить: если у тебя есть деньги, Южная Корея

очень комфортная для проживания страна. Они уезжают потому, что в Корее всегда есть место для многих «не»: денег всегда недостаточно, времени недостаточно, ты недостаточно красивый, недостаточно умный, недостаточно успешный и так далее. В Южной Корее они не могут быть просто счастливыми молодыми людьми, этого решительно никому не достаточно!

Пластическая хирургия, или Подари мне боль

Столица мировой косметической хирургии

Южная Корея — мировой лидер по количеству пластических операций на душу населения. По статистике, каждая третья женщина в возрасте от 19 до 29 лет в Сеуле прибегала к пластической хирургии. Район Гангнам в Сеуле и особенно кварталы Апкучжон и Синса — это, по сути, огромный хирургический кластер из сотен клиник пластической хирургии.

Туристическая медицина — прибыльная индустрия. В Сеул специально летят делать операции из Китая, Японии, Вьетнама, Таиланда и, конечно, из России. Мой бывший коллега с Дальнего Востока тоже не выдержал и в конце концов переделал себе нос в Южной Корее в возрасте после 40 лет. Обошлось гораздо дешевле, чем в России, кстати.

Самые популярные процедуры — ринопластика, блефаропластика (операции на веках, создающие «двойное веко»), операции по уменьшению скул и квадратной челюсти, а также разнообразные инъекции. Многие из этих операций направлены на создание более «западных» черт лица, хотя сами корейцы будут всегда говорить, что «это тут ни при чём».

Цена красоты

Стремление молодых корейских женщин выглядеть определённым образом стало источником массовых психологических расстройств. По данным Корейского института психического здоровья, расстройства пищевого поведения (анорексия, булимия) среди девушек достигли эпидемических масштабов. Корея входит в топ-5 мировых лидеров по распространённости дисморфофобии — патологического восприятия собственного тела.

В сети регулярно появляются «корейские стандарты красоты» в виде инфографики: рост не ниже 162 см, вес не больше 50 кг, V-образный овал лица, большие глаза с двойным веком, маленький нос, губы «в виде лука», белая кожа. Это не просто эстетический идеал, но настойчивые требования общества, которым невозможно соответствовать без хирургического вмешательства для подавляющего большинства людей.

Мужчины тоже не остаются в стороне

Пластическая хирургия в Корее давно перестала быть исключительно «женской» темой. Среди корейских мужчин также резко выросло число косметических процедур.

Доминирующий стиль «кондэ-нам» — душный зрелый мужик (чаще всего твой начальник) — постепенно сменяется на «чольмын кондэ» — молодящийся мужик (всё ещё душный).

Уход за кожей, макияж, коррекция черт лица — всё это теперь часть корейской мужской культуры, и часть довольно обременительная в финансовом и психологическом смыслах.

Корейские мужчины тратят на косметику в среднем больше мужчин любой другой страны. Операции на веках и губах среди юношей перед поступлением в университет или службой в армии стали почти нормой в некоторых социальных слоях.

Это создаёт новую точку финансового давления для семей, у которых мальчик «родился не с тем лицом». Родители вынуждены принимать решения: вложить деньги в «хагвон» или в клинику? Иногда приходится и туда, и туда.

Зачем всё это нужно

Ответ на закономерный вопрос лежит прежде всего в экономической плоскости. В Корее дискриминация по внешности («лукизм») не просто существует — она институционализирована. При подаче резюме в большинство компаний требуется фотография. Исследования корейских экономистов показывают измеримую «надбавку за привлекательность» при найме: привлекательные кандидаты получают приглашения на собеседование на 10—20% чаще при идентичных резюме. Высокие мужчины продвигаются по службе быстрее. Женщины с «правильными» пропорциями лица получают более высокие оценки от работодателей-мужчин. Это один из тех странных секретов, о которых принято говорить вслух.

В свете всего этого пластическая хирургия становится не капризом и не проявлением тщеславия. Это инвестиция. Рациональное, просчитанное, финансово обоснованное вложение в собственную конкурентоспособность. Уже чувствуете характерный южнокорейский душок?

Корейские слова «ульчан» («лучшее лицо») и «момчан» («лучшее тело») давно превратились в культурные маяки, внешность стала буквально частью профессиональной квалификации.

В результате пластическая хирургия перестала быть чем-то стыдным или скрываемым. Многие корейские родители дарят дочерям операцию на веках в подарок на выпускной. Некоторые школы неформально поощряют «улучшение» внешности перед поступлением в университет — чтобы «лучше выглядеть на фотографии для резюме».

Снова в дело вступает вездесущая «теория ложек». «Золотые ложки» могут позволить себе лучших хирургов и полный набор процедур. «Земляные ложки» — или вынуждены брать кредиты на операции (такие кредитные продукты существуют и активно продвигаются), или идут в клиники попроще, где выше риск осложнений и ниже качество.

В результате на деловых собраниях и корпоративных попойках с вами постоянно сидят люди с одинаковыми носами, губами и подбородками, с крашеными волосами, с разглаженными морщинами, цветными линзами и так далее. Это производит на иностранцев какой-то устойчивый комический эффект, но сами корейцы будто уже не замечают ничего странного.

То, что мы бесстрашно стареем, не закрашиваем седины, не скрываем морщины, в глазах корейцев часто выглядит как признак нашей защищённости и устроенности — мы просто люди, такие, какие есть, в Южной Корее так себя могут вести только «золотые ложки». Или «грязные ложки», но как тогда мы оказались с ними за одним столом?!

Когда культ юности встречается с культом старости

Подлинно счастливые люди в Южной Корее — обеспеченные пенсионеры. Звучит как парадокс в стране, помешанной на молодости, но это факт.

Важно понимать, что молодость в Корее — не привилегия. Это испытательный срок. Период, когда тебя оценивают, сортируют, взвешивают. Молодость здесь — синоним уязвимости, тотальной подчинённости, а не свободы.

Культ юности существует в двух совершенно разных, почти противоположных формах.

Первая — коммерческая, продающая образ вечной молодости как высшей ценности. Быть молодым, выглядеть молодым, оставаться молодым — это прибыльная индустрия стоимостью в десятки миллиардов долларов. Корейские женщины сорока лет тратят состояния, чтобы выглядеть на двадцать пять. Мужчины пятидесяти лет делают инъекции, чтобы не выдать возраст и не попасть в

первую волну увольнений на работе. Антивозрастная косметика — крупнейший сегмент корейского бьюти-рынка. Молодость и красота имитируются, продаются и покупаются в промышленных масштабах.

Вторая форма — социальная, и она прямо противоположна первой. В реальных человеческих отношениях, на рабочем месте, в семье, за праздничным столом молодость означает «низкий статус». Ты молод — значит, ты должен слушать, а не говорить. Соглашаться, а не возражать. Уступать, а не настаивать. Ждать своей очереди, которая наступит лет эдак через двадцать, и то если повезёт. Конфуцианская иерархия не просто уважает старость — она обожествляет её и при этом открыто третирует молодость как вре́менное неудобство, которое нужно пережить.

Подлинно счастливы в противостоянии молодости и старости только те, кто вышел из игры победителем. Обеспеченный пенсионер — это человек, который успешно прошёл все круги ада. Пережил сунын, поступил в нужный университет, нашёл хорошую работу, удержался, накопил, заработал корпоративную пенсию. У него есть деньги, жильё, статус, возраст, дающий право говорить, и никаких обязательств перед системой, которая уже получила от него всё, что хотела.

Молодёжь смотрит на таких людей с сочетанием зависти и горечи. Потому что понимает: тот путь, который прошли их родители и деды, для нынешнего поколения закрыт. Квартиры стоят в пять раз дороже. Конкуренция в десять раз жёстче. Правила игры написаны и отредактированы теми самыми счастливыми пенсионерами так, чтобы следующим поколениям было ещё труднее преуспеть.

Деньги решают все, или Почему нет выхода из Ада Чосон

Есть один корейский анекдот.

Молодой человек спрашивает отца:

— Папа, как мне разбогатеть?

Отец отвечает:

— Для начала нужно родиться в богатой семье.

Совсем несмешной анекдот, никто не смеётся. И родители, и дети понимают, что это чистая правда. Однако молодые корейцы всё равно остаются жить в своей стране. Подавляющее большинство из них остаётся.

Эмиграция из Южной Кореи существует, но она ничтожно мала относительно масштабов декларируемого отчаяния. По данным Министерства иностранных дел, за рубежом постоянно проживает около 7,3 миллиона этнических корейцев, но большинство из них эмигрировали десятилетия назад или являются потомками тех, кто уехал. Реальный поток современной молодёжной эмиграции — капля в море по сравнению с тем, чего можно было бы ожидать, слушая разговоры об «Аде Чосон».

Почему?

Самый простой и честный ответ — потому что от самого себя убежать очень и очень непросто. Кореец может уехать из Южной Кореи куда угодно, но Южная Корея из корейца никуда уехать не может.

«Ад Чосон» не навязан Южной Корее извне, это в некотором роде манифестация корейской культуры — образа жизни и образа мысли самих современных корейцев.

Корейцы отпетые ксенофобы, они ненавидят любых чужаков. Туристов не любят и не рады им настолько, что есть заведения с запретом на посещение иностранцами. Полукровки тоже не в почёте, этого никто не скрывает, население страны стабильно голосует за этническую однородность нации.

Корейцам очень трудно интегрироваться в любую чужую культуру, даже за границей они предпочитают есть в корейских едальнях, жить среди корейцев в «минбак» (закрытые корейские гостевые дома) и говорить на родном языке. Они обязательно будут искать корейские общины в других странах, то есть всегда рискуют из Ада Чосон просто переместиться в корейский адок поменьше.

Молодые корейцы не умеют строить отношения и растить детей. Оказывается, дело не только в проблемах общества на родине, за границей у них тоже ничего толком не выходит.

Наверняка вы заметили, что всегда и во всём, о чём жалуются корейцы, явно или неявно присутствуют деньги. Корейцы вообще очень любят считать, но больше всего — деньги!

Корейский ребёнок с подросткового возраста знает стоимость своего существования с точностью бухгалтерского отчёта. Сколько стоил «хагвон» по математике в шестом классе. Сколько — репетитор по английскому в девятом. Сколько — подготовительные курсы к сунын. Эти цифры не скрываются — напротив, они проговариваются вслух, иногда в качестве укора, иногда в качестве мотивации, иногда просто как факт семейной бухгалтерии. «Ты знаешь, сколько мы на тебя потратили» — фраза, которую слышал практически каждый кореец, выросший в семье среднего класса. Она не требует ответа, но сама является ответом на все будущие вопросы о выборе профессии, партнёра, места жительства и так далее.

Вчерашние дети знают точную цифру и легко вам её назовут во время корпоративной пьянки, заявив, что сами на своих детей тратить столько не готовы. Поэтому детей у них нет и не будет. А раз не будет детей, то зачем им семья?

Теперь эту цифру знаю и я, много раз слышал её от корейцев-родителей. Вырастить ребёнка в Южной Корее стоит, по их мнению, от 400 000 долларов США. Статистика считает иначе — от 272 000 долларов, но на то она и статистика, чтобы усреднять ответ и не принимать во внимание детали «теории ложек».

Кстати, признание квалификации за рубежом — тоже сомнительная лотерея, в которой корейский диплом нередко стоит гораздо дешевле, чем ожидалось. Корейское образование не особо ценится за пределами Южной Кореи, это ещё одно непереносимое открытие для многих южных корейцев.

Вот и выходит, что слишком много причин уехать, но ещё больше причин остаться. Ловушка захлопнулась и заперта изнутри самим «корейством» корейцев, поэтому из неё так трудно выбраться.

Зачем я это всё написал

Во-первых, я решительно не согласен, что за технический прогресс и экономический успех можно заплатить любую цену. Соблазн повторить успешный опыт дзайбацу или чеболь в современной России слишком велик, многие контуры подобной феодальной системы нового времени уже выстроены, включая прискорбные реформы среднего и высшего образования.

Во-вторых, я не верю, что деньги — единственное мерило всего и вся, но эта опасная идея предельного меркантилизма уже глубоко укоренилась и в России тоже.

В-третьих, я верю в счастливое будущее своих детей и внуков. Да-да, я не просто не считаю себя и их какой-то там «ложкой», у меня есть любимая традиционная расширенная семья, жена, дети и даже надежды на внуков. Понятия не имею, во сколько обошлись семье наши дети, и отказываюсь считать даже в шутку, даже когда корейцы просят! Дети бесценны, и точка.

Южная Корея при более близком знакомстве оказалась для меня совсем не научной фантастикой и даже не городским фэнтези, а отчётливой антиутопией, где каждый страдает по-своему, но больше всех — малочисленная молодёжь.

Поэтому, спасибо за всё хорошее, но я никому не хочу южнокорейского настоящего или будущего. И стараюсь сделать всё, что в моих силах, чтобы в России такого никогда не случилось.

Кажется, мне повезло, мои дети уже достаточно хорошо все понимают — никто из них не хочет связать своё будущее с Южной Кореей.

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a87251596a0e', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

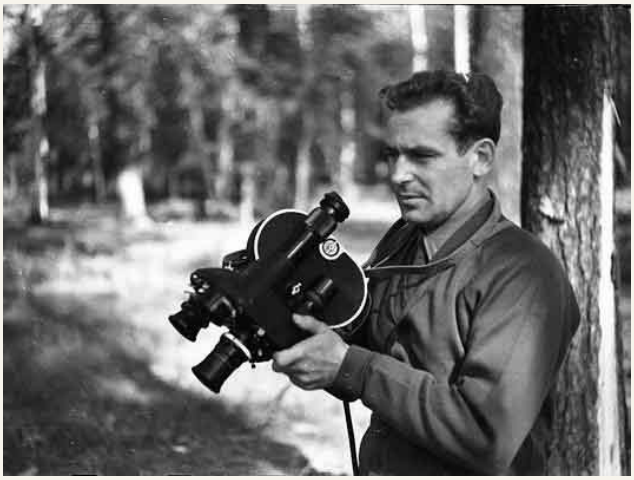
MANUSCRIPT

Антон Первушин. Эпизоды космической эры: Тяжёлый рейс Германа Титова

Вы знали об этом полете такие подробности? Мы — нет. Даже представить себе не могли!

АНТОН ПЕРВУШИН MANUSCRIPT

Шестьдесят пять лет назад, 6 августа 1961 года, на орбиту отправился космический корабль «Восток-2» с Германом Титовым на борту. Главной задачей было провести суточный полёт, который закрепил бы лидерство СССР в освоении внеземного пространства и закрыл проблему длительного воздействия невесомости на человека. Как и ожидалось, очередное советское техническое достижение поразило мир, однако результаты научной части программы вызвали серьёзную озабоченность у специалистов.

Проблема невесомости

До XX века наука имела довольно смутные представления о природных условиях внеземного пространства. К примеру, считалось, что главную опасность там представляют бесчисленные «болиды», а невесомость наступает только в точке равнодействия гравитационных сил.

Вероятно, первым, кто всерьёз задумался о том, что необходимо обратить внимание на воздействие перегрузок и невесомости, был основоположник теоретической космонавтики Константин Эдуардович Циолковский. Правда, он рассматривал проблему с оптимизмом и полагал, что перегрузки преодолимы, если поместить космонавта в жидкость, а к невесомости он привыкнет, как к плаванию. В целом его уверенность сохранили и советские учёные, занимавшиеся теоретической космонавтикой, хотя они, конечно, не могли игнорировать исследования западных коллег, которые куда осторожнее оценивали перспективы переносимости факторов космического полёта.

Опыты по раскрутке в примитивных центрифугах насекомых и мелких животных показали, что те способны выдерживать весьма значительные перегрузки без заметного вреда для здоровья. С развитием авиации началось изучение воздействия перегрузок на лётчиков, и к началу космической эры был накоплен значительный материал по этой теме. Об этом свидетельствует, например, обзорная статья доктора Алана Слейтера «Медицинские и биологические проблемы» (Medical and Biological Problems) в сборнике «Исследование мирового пространства» (Space Research and Exploration, 1957). Он сообщал, что человек способен выносить длительную перегрузку, пока та не превышает 5 g, в лежачем положении — 7 g. Если говорить о кратковременных перегрузках, то можно без потери сознания выдержать до 12,5 g. Необходимо только определить оптимальную позу, при которой они переносятся легче.

Другое дело — динамическая невесомость, длительное действие которой практически невозможно имитировать в

земных условиях. По этому поводу появилось множество спекулятивных соображений. К примеру, вот что писал известный советский теоретик Ари Абрамович Штернфельд в статье «Межпланетные путешествия и физиология человека» (1938):

> «Оценивая условия межпланетного путешествия, которое может длиться целые годы, мы можем лишь строить более или менее обоснованные гипотезы, касающиеся самочувствия пассажиров. Можно думать, что сердце будет действовать нормально, поскольку деятельность его сходна с механической работой насоса с замкнутым циклом и ему приходится лишь преодолевать сопротивление трения крови о стенки вен, а это сопротивление почти не зависит от внешнего давления. Вопросы дыхания представляются более сложными. Например, при кратковременном падении обычно наблюдается задержка дыхания, если же падение будет длиться долго, то, несомненно, потребуется применение приборов для искусственного дыхания. <…> В обычных условиях физиологические процессы совершаются при любых положениях тела — стоячем, сидячем и лежачем, и изменение направления силы тяжести не оказывает на них существенного влияния. Известно, однако, что очень трудно долгое время держать голову опущенной ниже туловища. Это показывает, что при некоторых необычных положениях тела сила тяжести оказывает вредное влияние на организм, но, с другой стороны, нельзя утверждать, что для других положений тела наличие тяжести необходимо. <…> Итак, в нашем распоряжении ещё нет опытных доказательств того, что человек будет чувствовать себя вполне нормально при отсутствии перегрузки. Вполне возможно, что для этого придётся применить те или иные меры медицинского характера, которые, впрочем, не устраняют опасности атрофии большинства мышц».

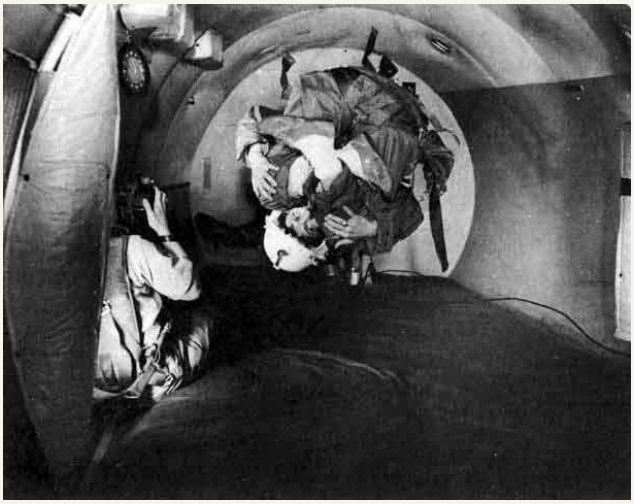
В послевоенное время, когда получила развитие реактивная авиация, появилась возможность изучать невесомость более предметно, ведь она возникает в самолёте, движущемся по параболе, и чем выше парабола, тем дольше продолжается состояние невесомости. Однако проведённые эксперименты дали неоднозначный результат. Например, во время пикирования в течение 15—20 секунд лётчик-испытатель на Lockheed F-80E почувствовал нарушение координации движений и был дезориентирован. При этом он утверждал, что повторение давалось легче — вырабатывалась своего рода «привычка».

Физиологи Игорь Сергеевич Балаховский и Виктор Борисович Малкин сообщали в статье «Биологические проблемы межпланетных полётов» (1956):

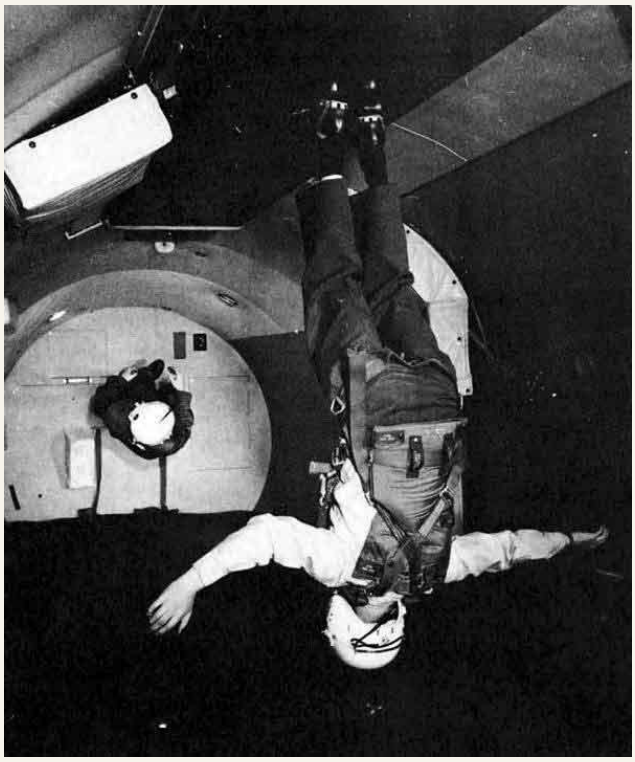
> «Вопрос о том, какое влияние на человека будет оказывать отсутствие силы земного тяготения, особенно труден в связи с крайней сложностью воспроизведения в эксперименте условий невесомости. <…> Некоторые физиологи на основании теоретических представлений сомневались в возможности жизни человека в этих условиях. Так, немецкий кардиолог Лангер высказал мнение, что в условиях полного отсутствия силы тяжести жизнь может продолжаться только несколько минут, так как неизбежно возникнут глубокие расстройства кровообращения из-за нарушения его нервной регуляции; кровь потеряет вес и не будет оказывать давление на стенки сосудов, где расположены специальные нервные окончания, чувствительные к изменению кровяного давления (барорецепторы). При этом не будет также давления крови в полостях сердца во время его расслабления, что может привести к нарушению нормальной сердечной деятельности. Большинство исследователей всё же считает, что жизнь в условиях невесомости возможна и что организм сумеет приспособиться к новым условиям существования. Однако в процессе приспособления могут возникнуть нарушения деятельности центральной нервной системы, связанные с тем, что она не будет получать сигналов от нервных

окончаний, расположенных в коже и мышцах, а также в специальном органе равновесия — лабиринте (находится во внутреннем ухе), которые в нормальных условиях „сообщают“ о положении тела и его отдельных частей».

Разброс мнений по вопросу увеличивался, поэтому 1 июля 1960 года в Хоторне (США, штат Калифорния) прошёл симпозиум, по итогам которого был издан сборник «Невесомость — физические феномены и биологические эффекты» (Weightlessness — Physical Phenomena and Biological Effects, 1961). В нём подводились промежуточные итоги исследований и рассматривались все виды невесомости, которые можно получить в земных условиях: «баллистическая», «параболическая», «водная» и «свободного падения». Впрочем, анализ последствий её длительного влияния занимает в сборнике не слишком много места, поскольку, как отмечал Рафаэль Левин из Lockheed Corporation, автор доклада «Симуляция невесомости» (Zero Gravity Simulation), продолжительность самых достоверных экспериментов с участием человека к тому времени не превышала 40 секунд. Если же экстраполировать изменения в самочувствии, которые испытывали пилоты при «параболической» невесомости, то получалось, что через 20 минут после начала её действия у некоторого количества людей наступит «полное нарушение критически важных функций».

Акробатика в условиях кратковременной динамической невесомости. Фотоснимок из сборника «Weightlessness — Physical Phenomena and Biological Effects» (1961)

Эксперимент по использованию намагниченных подошв в условиях невесомости. Фотоснимок из сборника «Weightlessness — Physical Phenomena and Biological Effects» (1961)

Левин перечислял проблемы, которые могут возникнуть: тошнота, дезориентация, нарушение биологических ритмов, перебои в работе сердечно-сосудистой системы и дыхания. Вызывало опасения и самочувствие космонавтов при возвращении на Землю: у них могут атрофироваться мышцы и деградировать кости настолько, что им придётся заново учиться ходить.

Получалось, что, несмотря на большое количество экспериментов (как утверждается в сборнике, за два года американские пилоты совершили свыше двух тысяч полётов с целью изучения «параболической» невесомости), к началу 1961 года всё ещё не хватало уверенности, что человек сможет жить и работать на орбите больше нескольких минут.

В то же время советские учёные получили обширный материал по результатам суточного полёта «Второго космического корабля-спутника» (1К № 2) в августе 1960 года, на борту которого находились подопытные собаки Белка и Стрелка. Они успешно вернулись в руки экспериментаторов, однако тщательное наблюдение за их состоянием породило

новые сомнения. Позднее ведущий специалист по космической медицине Владимир Иванович Яздовский писал:

> «Космический полёт собак Стрелки и Белки, продолжавшийся более 25 ч, в течение которых корабль-спутник совершил 17 полных витков вокруг Земли, позволил получить уникальные научные данные о влиянии факторов космического полёта на физиологические, генетические и цитологические системы живых организмов. Эти данные ещё раз убедили наших учёных в правильности основных направлений подготовки полёта человека в космическое пространство и позволили наметить конкретные пути его осуществления. <…> Полёт собак прошёл с некоторыми сдвигами в физиологическом состоянии Белки. Она была крайне беспокойной, билась, старалась освободиться от крепёжных ремней, лаяла, и было видно, что собака чувствует себя плохо. Эти симптомы стали проявляться бурно после четвёртого витка полёта. Всё это заставило нас планировать предстоящий полёт человека на корабле „Восток“ продолжительностью не более одного витка вокруг Земли».

Таким образом, состояние Белки определило длительность первого космического рейса — один виток. Как известно, 12 апреля 1961 года его совершил Юрий Алексеевич Гагарин на корабле «Восток» (3КА № 3). Он провёл в состоянии невесомости не менее 1 часа 19 минут, побив все рекорды, и никаких негативных ощущений при этом не испытал, а, наоборот, сохранял ясность мышления и работоспособность, принимал воду и пищу. По итогам полёта Гагарина можно было сделать однозначный вывод: землянин способен жить в невесомости довольно продолжительное время. Но специалисты не спешили, ведь всё ещё оставалась «проблема четвёртого витка». Что если следующему космонавту станет плохо — как Белке?..

Подопытные собаки Белка и Стрелка после возвращения из космоса; август 1960 года. РКК «Энергия». energia.ru

Готовность к старту

В том, что после Гагарина на орбиту отправится Герман Степанович Титов, никто в отряде космонавтов не сомневался, ведь этот двадцатипятилетний лётчик был одним из наиболее подготовленных кандидатов.

Медицинские специалисты, занимавшиеся отбором, нашли Титова в посёлке Сиверский, где в то время базировалась 26-й гвардейский истребительный авиационный полк 41-й истребительной авиационной дивизии 76-й воздушной армии Ленинградского военного округа. Его отец, будучи сельским учителем и весьма разносторонним человеком, всерьёз занимался развитием кругозора юного Германа, поэтому Титов выделялся интеллигентностью и эрудицией — любил музыку, поэзию, мог по памяти продекламировать «Евгения Онегина». Врачам понравилось также, что, когда на предварительном собеседовании зашла речь о полётах на «новой технике», он без колебаний согласился стать её испытателем.

Титов приехал в Москву 3 октября 1959 года, прошёл месячный цикл обследования в Центральном научно-исследовательском авиационном госпитале (ЦНИАГ), а в феврале следующего года был зачислен слушателем Центра подготовки космонавтов (ЦПК ВВС). Он сразу

продемонстрировал выдающиеся данные, опережая сослуживцев по многим показателям. Достаточно сравнить Титова с Гагариным. К примеру, в рассекреченной таблице «Динамика изменений силовых качеств космонавтов в период с марта по сентябрь 1960 года» Титов находится на первом месте, а Гагарин — только на пятнадцатом. При парашютной подготовке, имея по пять прыжков за спиной, Титов совершил ещё 41 прыжок, а Гагарин — 38. На экзаменах и зачётах Титов всё сдавал на «пять», а Гагарин получил «четвёрку» по геофизике.

Поэтому не приходится удивляться, что, когда полковник медицинской службы Евгений Анатольевич Карпов, возглавлявший ЦПК, в сентябре 1960 года выбирал из слушателей отряда шестерых лучших для непосредственной подготовки к первому орбитальному полёту, он включил в неё Титова. В краткой характеристике на будущего космонавта говорилось следующее:

> «Физическое развитие хорошее. Рост 166 см, вес 60 кг. Увлекается гимнастикой и акробатикой. Обладает хорошей координацией движений. Состояние здоровья хорошее. В 1960 г. не болел. Специальные виды тренировок (полёты, парашютная подготовка, упражнения на центрифуге и на других стендах) переносит легко, с нормальной физиологической реакцией организма. Интеллектуальное развитие высокое. Эмоциональные реакции соответствуют характеру воздействующих раздражителей. Волевые процессы устойчивые. Отличается логичностью, точностью и последовательностью мышления, „исследовательским умом“. Дисциплинированный, грамотный офицер. Уставы СА [Советской Армии] знает. В обращении с товарищами и старшими тактичен. Как лётчик-истребитель обладает хорошими качествами. <…> Общий теоретический уровень высокий. Теоретический материал усваивает легко. Зачёты сдаёт с общим баллом „5“. По характеру спокойный. Упорный в достижении намеченной цели. Самокритичен. Скромный. Коллектив уважает. Является группкомсоргом отдела. Политически развит, идеологически выдержан. Морально устойчив. Предан делу партии и социалистической Родине. Умеет хранить военную тайну. Зарекомендовал себя растущим офицером. Является наиболее подготовленным во всех вопросах слушателем».

Герман Титов в парке Центрального научно-исследовательского авиационного госпиталя; 1961 год. РГАНТД. Арх. №0-1300цв. rgantd.ru/vystavki/titov/index.htm

Герман Титов во время медицинского обследования в Центральном научно-исследовательском авиационном госпитале; 1961 год. РГАНТД. Арх. №0- 1305цв. rgantd.ru/vystavki/titov/index.htm

Герман Титов на «бегущей» дорожке в Центре подготовки космонавтов; 1961 год. РГАНТД. Арх. №0-13цв. rgantd.ru/vystavki/titov/index.htm

Всё же, когда в январе 1961 года состоялся двухдневный экзамен, наиболее подготовленным был признан Юрий Гагарин. Комиссия учла не только его быстрый рост как специалиста, но и присущие ему особые психологические качества: спокойная реакция на «новизну», хорошая переносимость постуральных воздействий, способность к короткому отдыху с мгновенным переходом к активной деятельности, эмоциональная устойчивость, чувство юмора и доброжелательное отношение к людям. По комплексной оценке Гагарин получил назначение на первый полёт, а Титов — на второй.

Характерно, что имя дублёра (или, как тогда говорили, «запасного») Гагарина оставалось засекреченным даже после 12 апреля. И сам первый космонавт не имел права раскрыть его. Рассказывая о Титове в документальной повести «Дорога в космос» (1961), Гагарин писал так:

> «Вместе со мной в комнате на другой койке расположился Космонавт Два. Уже несколько дней мы жили по одному расписанию и во всём походили на братьев-близнецов. Да мы и были братьями: нас кровно связывала одна великая цель, которой мы отныне посвятили свои жизни. <…> Космонавт Два сидел ко мне в профиль, и я невольно любовался правильными чертами красивого задумчивого лица, его высоким лбом, над которым слегка вились мягкие каштановые волосы. Он был тренирован так же, как и я, и, наверное, способен на большее. Может быть, его не послали в первый полёт, приберегая для второго, более сложного».

Юрий Гагарин и Герман Титов на теоретических занятиях в Центре подготовки космонавтов; 1961 год. РГАНТД. Арх. № 0-724цв. rgantd.ru/vystavki/titov/index.htm

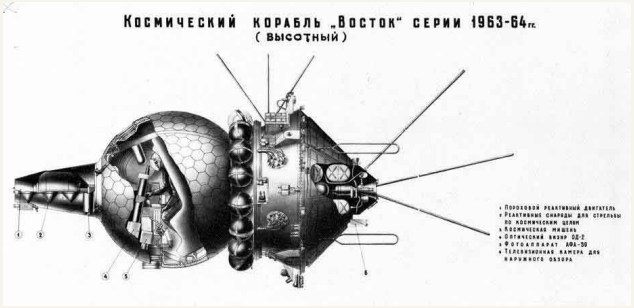
Действительно, второй космический рейс должен был стать более сложным, чем одновитковой «гагаринский», ведь у специалистов всё ещё не было уверенности, что космонавт нормально перенесёт его. Помня негативный опыт Белки, они настаивали на продолжительности в три витка. Со своей стороны подчинённые главного конструктора ракетно-космической техники Сергея Павловича Королёва утверждали, что реализовать три витка гораздо сложнее технически, чем суточный полёт. Дело в том, что за счёт особенностей орбитального движения после трёх витков посадка возможна только в западных густонаселённых районах СССР, а это осложнит эвакуацию. Кроме того, в наличии был всего один полностью готовый корабль «Восток» (3КА № 4), поэтому его собирались использовать с максимальной пользой, закрыв наконец-то вопрос о возможности длительного пребывания человека в

невесомости. Аргументы инженеров возымели действие, и на совещании, состоявшемся 20 мая 1961 года в Сочи, стороны согласились, что полёт будет суточным, однако космонавт должен быть готов к его досрочному прекращению, для чего испытает ручную систему управления кораблём.

Непосредственная подготовка к запуску «Востока-2» началась в том же мае. Пилотом был назначен Титов, а его дублёром — Андриян Григорьевич Николаев. В архиве сохранилась докладная записка, направленная 3 июля руководителями космической программы Центральному Комитету КПСС, в которой они сообщали, что корабль и его пилот могут отправиться на орбиту в период с 25 июля по 5 августа. В «Восток» внесены технические изменения, соответствующие поставленным задачам:

> «Исследование влияния на человеческий организм условий выведения на орбиту, длительного полёта по орбите и условий спуска; — проверка возможности управления и ориентации корабля лётчиком-космонавтом с помощью ручного управления; — исследование работоспособности человека в условиях длительного пребывания в состоянии невесомости; — киносъёмка поверхности Земли с борта космического корабля и проверка возможности проведения лётчиком-космонавтом наблюдений поверхности Земли с помощью специальных оптических устройств».

Последняя задача имела не только научное, но и военное значение. В перспективе корабли «Восток» собирались использовать для наблюдения за наземными объектами потенциального противника с орбиты, для инспекции чужих спутников и даже для уничтожения вражеских космических аппаратов. Конечно, корабли первой серии, созданные под полёты на низких орбитах и не снабжённые специальным оборудованием, не могли выполнять подобные миссии, но космонавты должны были проверить на практике принципиальную возможность осуществления разведывательных операций. Гагарин после своего полёта сообщил, что невооружённым глазом человек способен различить с орбиты наземные объекты «размером метров в сто». Планировалось, что Титов воспользуется репортёрской кинокамерой «Конвас-автомат» и оптическим устройством «Визир» со сменным увеличением до трёх и пяти крат, то есть впервые проведёт наблюдение как космонавт-разведчик.

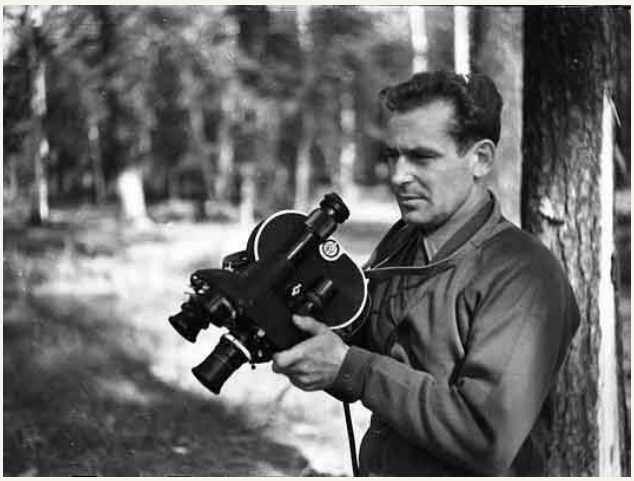

Военный вариант корабля «Восток» (3КВ); 1962 год. РКК «Энергия». roscosmos.ru

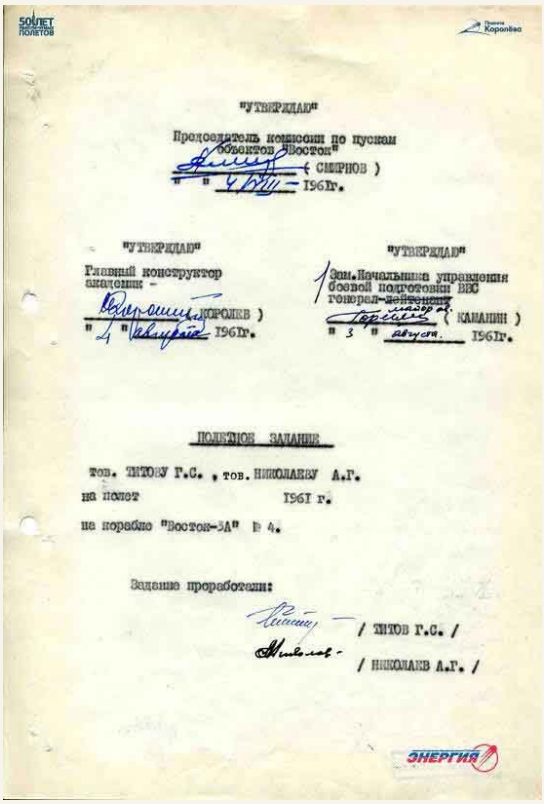
Итак, корабль «Восток-2» был готов к запуску ещё в июле, однако на окончательное решение о дате старта повлияла политика. Международная обстановка летом 1961 года серьёзно обострилась. Завершились провалом переговоры о статусе Западного Берлина, и Хрущёв прямо заявил, что если не будет принят его вариант ликвидации этого анклава ФРГ на территории ГДР, то местные власти отрежут американцам доступ в Берлин. В ответ президент Джон Ф. Кеннеди пообещал, что в таком случае США будут воевать с СССР. Ситуация осложнялась ещё и тем, что, несмотря на запреты и ограничения, через Западный Берлин в ФРГ массово уходили «восточные» немцы: только за июль ГДР таким способом покинули тридцать тысяч человек, в основном — молодые квалифицированные специалисты. Глава немецких коммунистов Вальтер Ульбрихт всё громче настаивал на закрытии границы с Западным Берлином.

К августу решение созрело. Сергей Никитич Хрущёв, сын советского лидера, вспоминал, что, когда Сергей Королёв обсуждал с его отцом дату запуска, последний попросил главного конструктора осуществить старт не позднее 10 августа. Королёв легко согласился, поскольку дальнейшие проволочки не входили в его планы. Таким образом, полёт «Востока-2»

приурочили к возведению знаменитой Берлинской стены, которое началось в ночь на 13 августа. Новый космический прорыв за счёт пропагандистской шумихи должен был сгладить негативное впечатление от сомнительной внешнеполитической акции.

Герман Титов с киносъёмочным аппаратом «Конвас-автомат»; 1961 год. photounion.ru

"УТВЕРЖДАЮ"

Председатель комиссии по пускам объектов "Восток"

(СМИРНОВ)

" " 1961г.

"УТВЕРЖДАЮ"

Главный конструктор

(КОРОЛЕВ)

" " 1961г.

"УТВЕРЖДАЮ"

Зам.Начальника управления боевой подготовки ВВС генерал-лейтенант

(КАМАНИН)

" 3 " августа 1961г.

ПОЛЕТНОЕ ЗАДАНИЕ

тов. ТИТОВУ Г.С. , тов. НИКОЛАЕВУ А.Г.

на полет 1961 г.

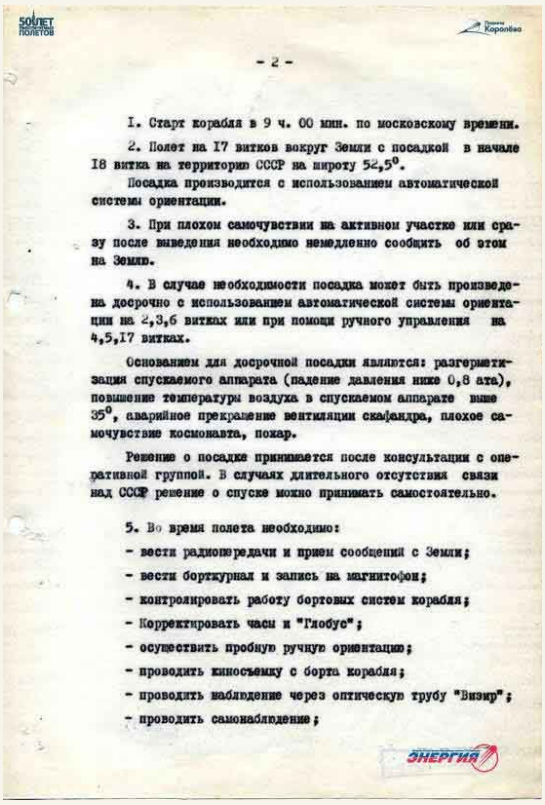
на корабле "Восток-3А" № 4.

Задание проработали:

/ ТИТОВ Г.С. /

/ НИКОЛАЕВ А.Г. /

Страница из полётного задания пилота космического корабля «Восток-2»; август 1961 года. РКК «Энергия». gagarin.energia.ru

- 2 -

1. Старт корабля в 9 ч. 00 мин. по московскому времени.

2. Полет на 17 витков вокруг Земли с посадкой в начале 18 витка на территории СССР на широту 52,5°.

Посадка производится с использованием автоматической системы ориентации.

3. При плохом самочувствии на активном участке или сразу после выведения необходимо немедленно сообщить об этом на Землю.

4. В случае необходимости посадка может быть произведена досрочно с использованием автоматической системы ориентации на 2,3,6 витках или при помощи ручного управления на 4,5,17 витках.

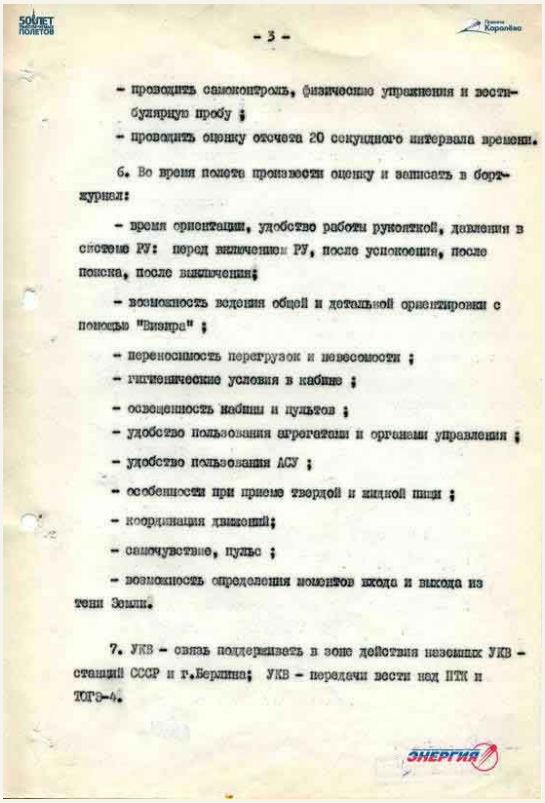
Основанием для досрочной посадки является: разгерметизация спускаемого аппарата (падение давления ниже 0,8 ата), повышение температуры воздуха в спускаемом аппарате выше 35°, аварийное прекращение вентиляции скафандра, плохое самочувствие космонавта, пожар.

Решение о посадке принимается после консультации с оперативной группой. В случаях длительного отсутствия связи над СССР решение о спуске можно принимать самостоятельно.

5. Во время полета необходимо:

- вести радиопередачи и прием сообщений с Земли;
- вести бортжурнал и запись на магнитофон;
- контролировать работу бортовых систем корабля;
- Корректировать часы и "Глобус";
- осуществить пробную ручную ориентацию;
- проводить киносъемку с борта корабля;
- проводить наблюдение через оптическую трубу "Визир";
- проводить самонаблюдение;

Страница из полётного задания пилота космического корабля «Восток-2»; август 1961 года. РКК «Энергия». gagarin.energia.ru

- 3 -

- проводить самоконтроль, физические упражнения и восстанавливающую пробу ;
- проводить оценку отсчета 20 секундного интервала времени.

6. Во время полета произвести оценку и записать в бортжурнал:

- время ориентации, удобство работы рукояткой, давления в системе РУ: перед включением РУ, после успокоения, после поиска, после выключения;
- возможность ведения общей и детальной ориентировки с помощью "Визира" ;
- переносимость перегрузок и невесомости ;
- гигиенические условия в кабине ;
- освещенность кабины и пультов ;
- удобство пользования агрегатами и органами управления ;
- удобство пользования АСУ ;
- особенности при приеме твердой и жидкой пищи ;
- координация движений;
- самочувствие, пульс ;
- возможность определения моментов входа и выхода из тени Земли.

7. УКВ - связь поддерживать в зоне действия наземных УКВ - станций СССР и г.Берлина; УКВ - передачи вести над ИТК и ТОГЭ-4.

Страница из полётного задания пилота космического корабля «Восток-2»; август 1961 года. РКК «Энергия». gagarin.energia.ru

(Окончание следует.)

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a87254d5c4a4', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Юрий Зубакин. Фантастика Фрэнка Тинсли

Этот американский художник почти забыт. Заслуженно ли?

ЮРИЙ ЗУБАКИН

MANUSCRIPT

Мали, 1976 год(Michel № 530—531)

10 мая 1976 года в африканском государстве Мали появилась серия почтовых марок «Космос будущего». На них изображены монтаж орбитальной станции и необычный космический корабль с солнечными батареями. Невзрачные марки с не таким уж и фантастическим космосом на них…

Но сейчас мало кто помнит, что рисунки, по мотивам которых выполнены марки, были очень популярны в начале второй половины XX века.

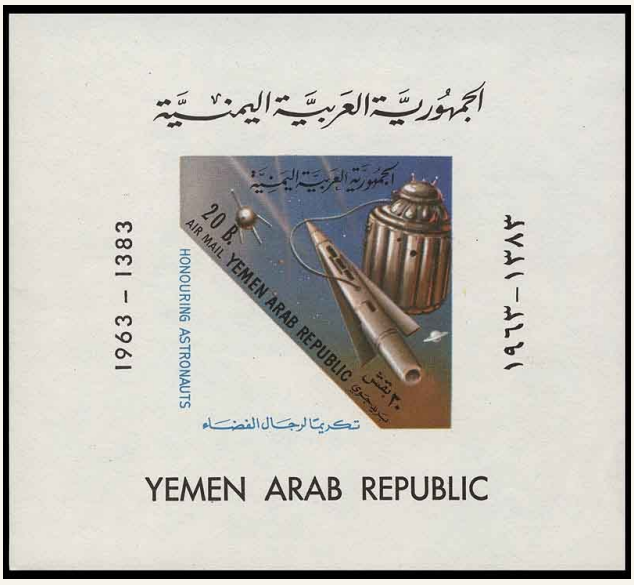

СССР, 1967(Michel № 3407)Рисунок марки выполнен по картине А. Соколова «Спутник внеземной цивилизации»

Остров Мэн, 2003 год(Michel block № 47)Рисунок блока выполнен по мотивам картины Р. Макколла «Прибытие к Марсу»

Имена Алексея Леонова, Андрея Соколова, Роберта Макколла хорошо знакомы любителям космической и фантастической живописи. Рисунки этих художников много раз появлялись на почтовых марках, издавались миллионными тиражами.

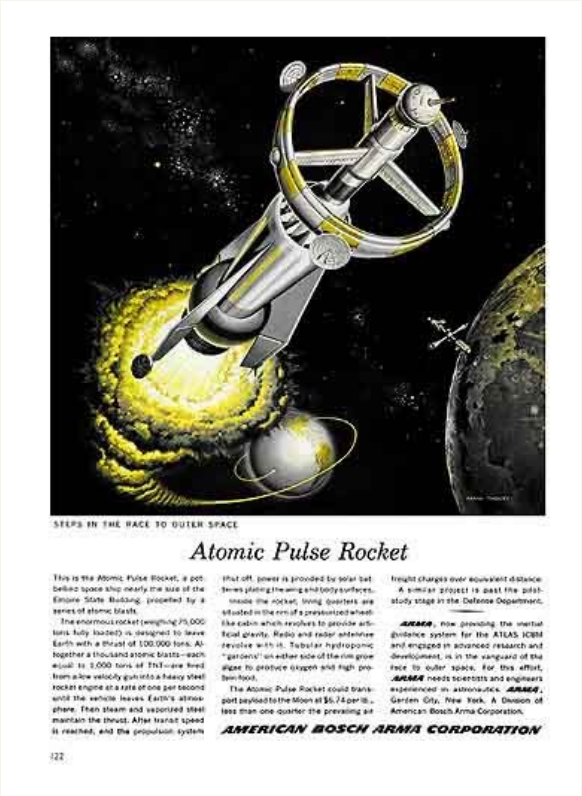

Йеменская Арабская Республика, 1963 год(Michel block № 19)

А есть художники, о которых мало кто помнит сегодня, но рисунки которых видели не раз. В СССР такой полузабытый художник — Николай Михайлович Кольчицкий (1907—1979), автор многих интересных космических и фантастических иллюстраций 1940—1960-х годов. Его рисунок 1955 года «Заправка межпланетного корабля на спутнике» в 1963 году появился на марках и блоке Йеменской Арабской Республики (Michel № 320, block № 19).

В США такой полузабытый художник — Фрэнк Тинсли.

Фрэнсис Ксавьер Зибан Тинсли родился 29 ноября 1899 года в Нью-Йорке. Сотрудничал со многими изданиями, рисовал комиксы, писал статьи для «Mechanix Illustrated» и иллюстрировал их. Умер 23 июня 1965 года.

STEPS IN THE RACE TO OUTER SPACE

Atomic Pulse Rocket

AMERICAN BOSCH ARMA CORPORATION

Наиболее известные рисунки Тинсли «Шаги космической гонки» выполнены для серии рекламных объявлений «American Bosch Arma Corporation». В 1959—1961 годах эта реклама появилась во многих американских периодических изданиях.

В такой рекламе рисунок Тинсли занимает значительное место и показывает один из этапов освоения космоса в будущем. Под рисунком расположен небольшой пояснительный текст, а справа от него — несколько слов об «American Bosch Arma Corporation».

Для рекламы были использованы несколько рисунков: «Ядерный ракетный корабль», «Монтаж станции в космосе», «Космическая Бабочка», «Атомная

импульсная ракета», «Марсианский шпион», «Спасение в космосе», «Уборка космического мусора», «Корабли солнечного ветра у Титана», «Флот марсианской доставки» и «Лунный уницикл». Рисунки необычные и запоминающиеся, впоследствии они неоднократно появлялись в книгах и журналах. По мотивам иллюстраций Тинсли выполнены рисунки нескольких марок, в том числе и тех, которые упоминались в начале статьи: серии Мали 1976 года.

Мали, 1976 год(Michel № 530, беззубцовая)

Марки выпущены в марочных листах 2×5 шт. 1000 марок из основного тиража традиционно оставляют без перфорации, причём бумага, клей, рисунок и прочее остаются такими же, как у зубцовых почтовых миниатюр. Беззубцовые марки являются образцами и предназначены для формирования и пополнения официальных коллекций, а оставшиеся избытки распространяются среди высокопоставленных чиновников и представителей почтовой администрации. В филателистическом каталоге «Lollini» тираж беззубцовых марок указан 800 шт.

Мали, 1976 год(Michel № 530, люкс-блок)

Люкс-блоки марок Мали 1976 года типичны для выпусков Франции и французских территорий периода 1971—1991 годов: они отпечатаны на плотной бумаге без клея, цвет рисунка такой же, как у марок, люкс-блоки не подписаны, в правом нижнем углу указание типографии, находящейся во французском городе Перигё, — «IMPRIMERIE des TIMBRES-POSTE — FRANCE». Обычно люкс-блоки выпускаются тиражом 200—300 шт. и предназначаются высокопоставленным чиновникам.

В действительности количество беззубцовок и люкс-блоков на филателистическом рынке меньше, потому что лица, которым они первоначально предназначаются, зачастую передаривают их нефилателистам или попросту уничтожают. К тому же часть беззубцовок и люкс-блоков не продаётся по этическим соображениям, а также находится в музеях и официальных коллекциях.

Рисунок первый в серии марки Мали 1976 года (Michel № 530) — это вольная интерпретация иллюстрации Тинсли «Монтаж станции в космосе» (1958).

Ф. Тинсли «Монтаж станции в космосе» (1958)

В правом нижнем углу рисунка изображена станция-спутник, построенная в орбите вокруг Земли. Электричество для станции вырабатывается от солнечных лучей. В гидропонных трубах на верхнем уровне оранжереи выращиваются морские водоросли.

Микронезия, 1995 год(Michel № 446)

Здесь Тинсли традиционен: использование оранжерей для получения воздуха и продуктов питания встречается в более ранних работах теоретиков космонавтики. Например, на марке Микронезии 1995 года (Michel № 446) на фоне звёзд изображена реконструкция космического жилища по рисунку Циолковского 1933 года. В конической части этого жилища, на внутренней поверхности, расположена оранжерея.

Куба, 1985 год(Michel № 2935)

Что же касается получения энергии от солнечных лучей, то в более поздних фантастических рисунках это стало общим местом, достаточно вспомнить рисунок Андрея Соколова «Станция „К. Э. Циолковский и экспедиционный корабль“» (1972), на которой изображена тороидальная космическая станция с многочисленными солнечными батареями. Этот рисунок повторён на марке Кубы 1985 года (Michel № 2935). По сравнению с оригиналом рисунок марки зеркально перевёрнут.

По замыслу Тинсли, астрономы должны оценить превосходные условия для фотографирования и спектроскопии. На такой станции можно проводить уникальные исследования в физике, электронике, предсказании погоды и многом другом. Три такие станции, расположенные должным образом, могут ретранслировать телевизионные передачи на весь мир.

Атомные ракеты-носители доставляют на орбиту слои обшивки, являющиеся строительными материалами для станции, а затем возвращаются в Землю. Такой же корабль будет обслуживать работающую станцию.

На рисунке слева изображён корабль, доставляющий на орбиту компоненты станции, внизу на заднем плане корабль возвращается на Землю. В центре — строящаяся станция, под ней —

разгружаемый космический корабль. Один из астронавтов-монтажников, сидящий верхом на персональной ракете, прикрепил трос к доставленному космическим кораблём грузу и летит в направлении станции.

Чехословакия, 1963 годКонверт первого дня

Рисунок конверта первого дня Чехословакии 1963 года выполнен по мотивам рисунка атомной ракеты-носителя Тинсли.

Куба, 1974 год(Michel № 1959)

Отмечу, что использование микроракет при монтаже орбитальных станций встречается и на других марках. Например, подобные устройства показаны на почтовой миниатюре Кубы 1974 года (Michel № 1959), выполненной по рисунку А. Соколова «Космические шофёры».

Шарджа, 1972 год(Michel einzelblock № 989 B)

Кроме того, отмечу, что использование персональных ракет для перемещения в космосе — также не изобретение Тинсли. В 1950-х появилось много рисунков с подобными устройствами. Например, за шесть лет до появления рисунка Тинсли, в 1953, американский художник Рольф Клеп выполнил иллюстрацию для книги «Across the Space Frontier» (NY: Viking Press, 1952). Эта иллюстрация воспроизведена на марке эмирата Шарджа 1972 года (Michel № 989). Вверху показан люкс-блок с этой маркой.

Центральноафриканская Республика, 1982 год(Michel block № 204)

Так же, как и на марке Шарджи, на поле люкс-блока Центральноафриканской Республики 1982 года (Michel block № 204) — иллюстрация к реальному проекту. В центре рисунка изображено устройство перемещения грузов в космосе, управляемое астронавтом. Космические

монтажники собирают европейскую орбитальную станцию. Изображение искажено, потому что мы видим отражение в стекле шлема одного из монтажников.

Чехословакия, 1967 год(Michel № 1689)

Выпущено много марок, посвящённых монтажу космических станций будущего. Например, станция, наиболее схожая со станцией Тинсли, появилась на почтовой миниатюре Чехословакии 1967 года (Michel № 1689).

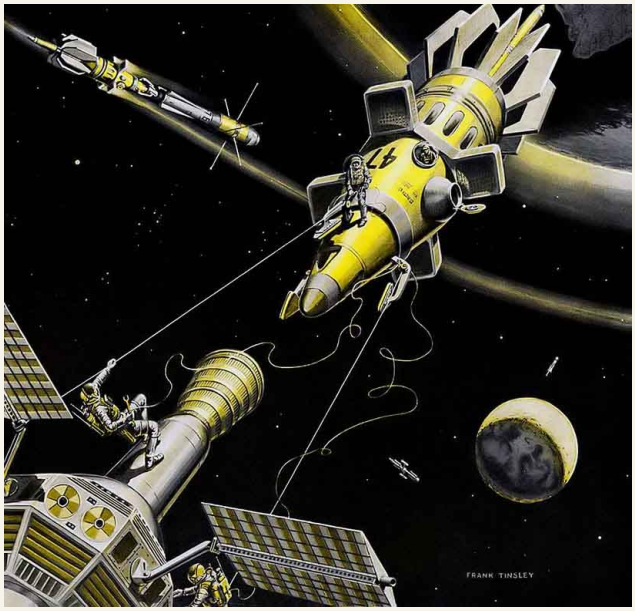

Польша, 1979 год(Michel block № 80)

Впоследствии фантастическая космическая станция с чехословацкой марки появилась на купоне блока Польши 1979 года (Michel block № 80).

Но вернёмся к рисунку Тинсли. В правом нижнем углу изображена полностью смонтированная и работающая станция. Под ней видна часть космического корабля, состыкованного со станцией.

На рисунке монтажными работами заняты десять астронавтов. Подробнее рассмотреть работы в открытом космосе можно на другой иллюстрации Тинсли — «Уборка космического мусора». Хорошо видно, какими инструментами и приспособлениями пользуются астронавты.

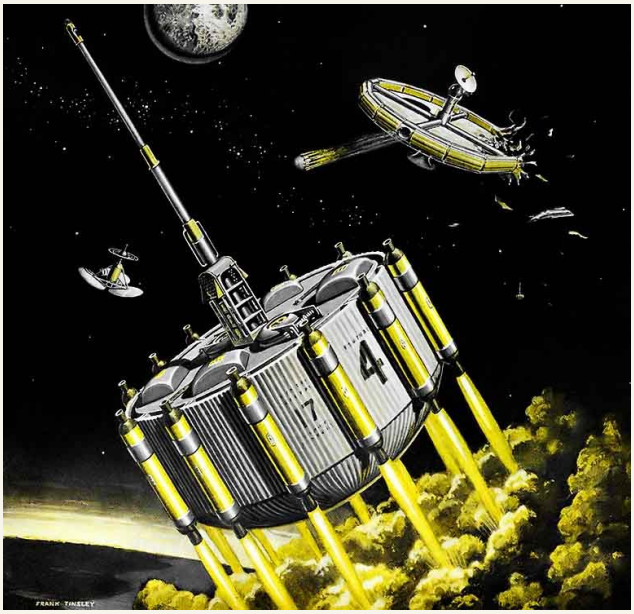

Ф. Тинсли «Уборка космического мусора» (1959)

По прогнозам Тинсли, к 1970 году Солнечная система будет заполнена неработающими спутниками с неисправными батареями и электронным оборудованием. Чтобы такие спутники не мешали другим космическим аппаратам, их нужно убирать с орбит и уничтожить. Для этого будут разработаны специальные космические баржи (на рисунке — справа вверху). Баржа, снабжённая электроядерным двигателем, может передвигаться со скоростью до 25 000 миль в час. Её обратимые двигатели позволяют тормозить, когда баржа приближается к обнаруженному объекту. Члены команды прикрепляют тросы к спутнику (на рисунке он слева внизу) и подводят буксир вперёд так, чтобы его носовой обтекатель прижался к ракетному соплу спутника. После этого двигатели баржи переключаются на обратный ход, и спутник доставляется в безопасное место (на рисунке это изображено в левом верхнем углу). Баржа выпускает спутник, и он сгорает в атмосфере. После этого баржа направляется к следующему объекту,

расчищая космическое пространство от мусора.

В рисунках Тинсли больше инженерного расчёта, чем чувственного. Даже такую катастрофу, как разрушение космической станции, он изобразил прагматично и безэмоционально.

Ф. Тинсли «Спасение в космосе» (1959)

Собранные в космосе спутники будущего — сложные инженерные сооружения, поэтому на них могут происходить аварии, они могут сталкиваться с другими искусственными космическими объектами, могут быть атакованы или захвачены противником во время военных действий. Но вероятней всего встречи с метеоритами. Когда это случится, спасательные лодки благополучно доставят экипажи спутников обратно на Землю.

На рисунке «Спасение в космосе» Тинсли с присущей ему инженерной дотошностью изобразил одну из таких спасательных капсул и расписал последовательность действий при спасении в космосе:

1. Члены команды надевают скафандры, переходят в неповреждённый модуль и ждут, когда давление выровняется.

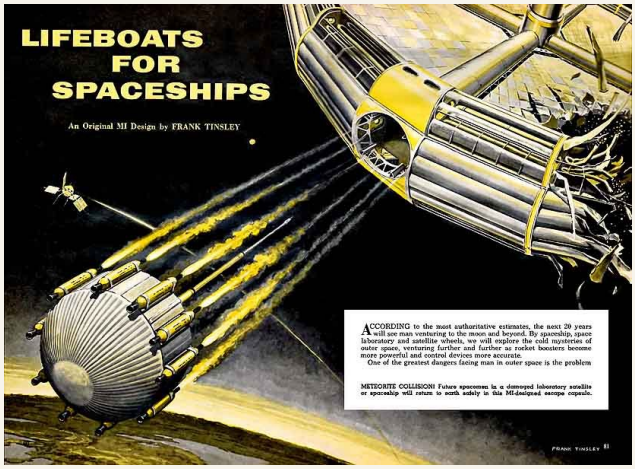
2. По сигналу «Покинуть корабль» запускаются ракеты малой мощности, расположенные по периметру герметичной капсулы, и она покидает станцию (на иллюстрации — вверху справа).

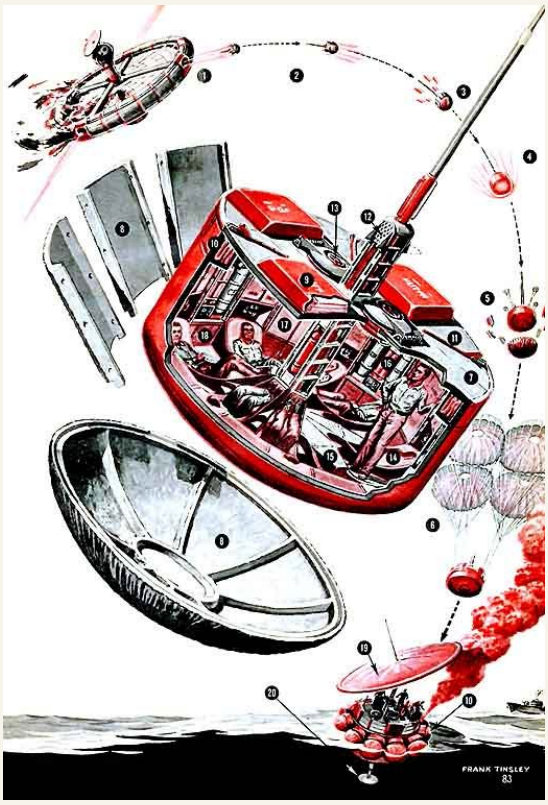
3. Действуя по сигналам компьютера, тормозные ракеты изменяют скорость капсулы и сводят её с орбиты. (Передний план. Обратите внимание на детали теплозащиты, люки и крышки, за которыми находятся парашюты.)

4. Когда капсула входит во внешнюю атмосферу, тепловой экран защищает астронавтов.

5. Выпускаются четыре парашюта, они действуют как аэродинамические тормоза.

6. Капсула приводняется, надувные баллоны заполняются воздухом. Эти баллоны удерживают капсулу на поверхности воды. Радиопередачи и яркий зонтик служат визуальной и радиолокационной целью для спасателей. Приводняющийся аппарат изображён в левой части рисунка.

Подробное описание можно найти в статье Тинсли «Спасательная капсула для космических кораблей», появившейся в 1958 году в американском журнале «Mechanix Illustrated». Вверху показаны две иллюстрации из этой статьи.

Технические идеи на рисунках Тинсли тщательно проработаны и логичны, а темы, над которыми он работал, актуальны до сих пор.

Палау, 2000 год(Michel block № 110)

Взять, к примеру, то же самое спасение экипажа космической станции в случае аварии — выпущено несколько марок на эту тему. Например, на блоке Палау 2000 года (Michel block № 110) изображён спасательный корабль, который при чрезвычайной ситуации доставит экипаж международной космической станции на Землю.

Рисунки Тинсли, выполненные для рекламы «American Bosch Arma Corporation», дополняют друг друга, придавая многоплановость изображённому на них будущему.

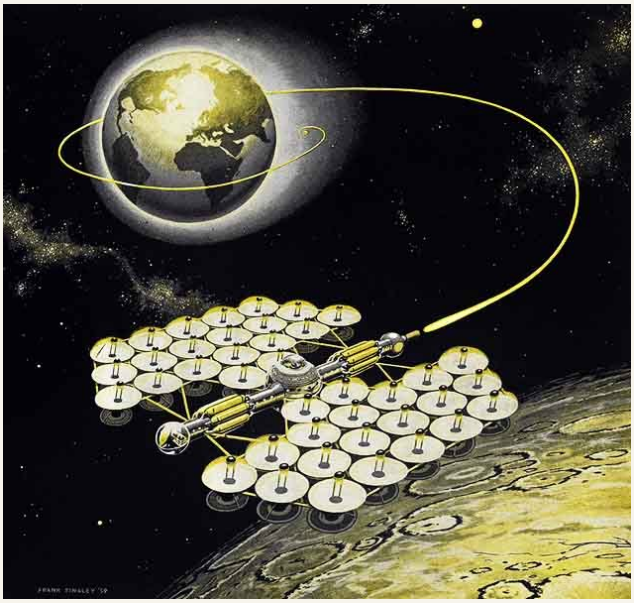

Мали, 1976 год(Michel № 531, беззубцовая)

Мали, 1976 год(Michel № 531, люкс-блок)

Оказывается, космический корабль странной формы на марке Мали 1976 года (Michel № 531) отправился в путешествие от космической станции Тинсли, ведь рисунок почтовой миниатюры выполнен по мотивам иллюстрации «Космическая Бабочка» этого же художника.

Ф. Тинсли «Космическая Бабочка» (1959)

Ранее Тинсли уже обращался к теме Космической Бабочки, в 1956 году в январском номере журнала «Mechanix Illustrated» появилась статья художника с его иллюстрациями. Статья называлась «Полёт к звёздам на солнечной энергии». Рисунок к статье отличается от более позднего рисунка Тинсли.

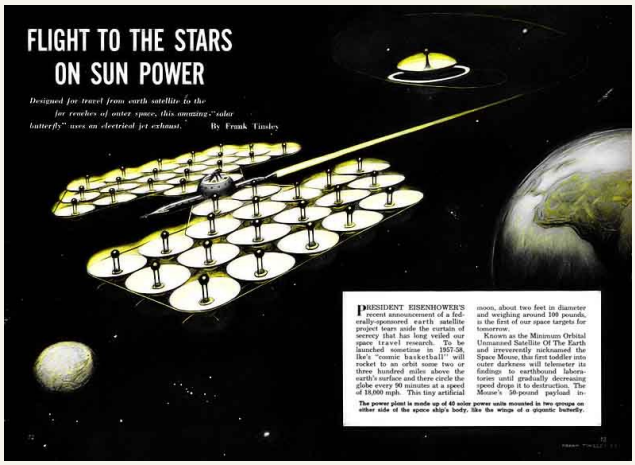

Иллюстрация Ф. Тинсли к своей статье «Полёт к звёздам на солнечной энергии» (1956)

Гайана, 1994 год(Michel № 4717)

Космическая Бабочка — это космический аппарат наподобие того, который в конце 1950-х придумал доктор Эрнст Штулингер из Редстоунского арсенала. Ему посвящено несколько марок, одна из них (Гайана, 1994 год (Michel № 4717)) показана вверху.

Либерия, 1973 год(Michel block № 69 A)

На почтовых марках появлялись и другие проекты Штулингера. Так, на блоке Либерии 1973 года (Michel block № 69)

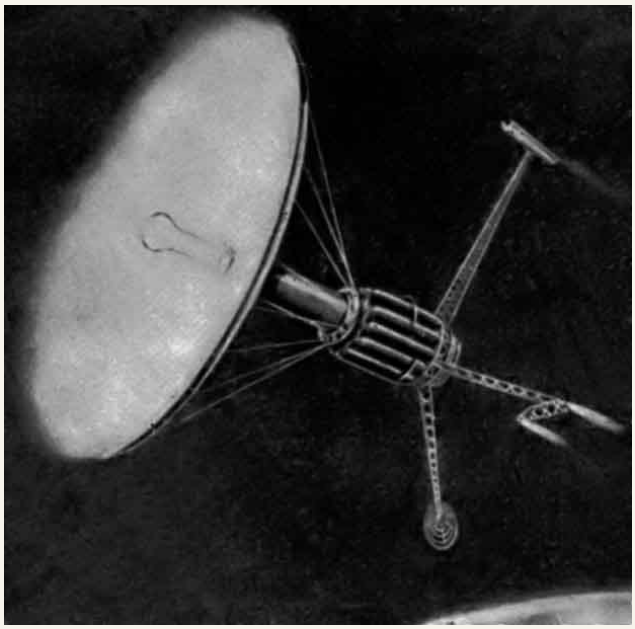
изображён космический корабль для пилотируемой экспедиции к Марсу. Об этом проекте я рассказал в заметке «Следы на Марсе».

50-футовые параболические зеркала на крыльях концентрируют лучи Солнца на бойлере. Вода закипает, и пар поступает в газотурбинный генератор на 200 киловатт. Охлаждённый космическим холодом в тепловых диффузорах, пар вновь превращается в воду и снова поступает в бойлер — и так повторяется многократно.

Полученный таким образом электрический ток поступает на главный модуль двигателя, ионную ракету, в которой сильные электрические поля ускоряют заряженные частицы, выстреливая их из хвостовой части ракеты.

В отличие от обычных ракет, Бабочка всё время подпитывается энергией. На полпути до цели полёта Бабочка начинает тормозить.

Космическая Бабочка никогда не садится на большие планеты, потому что не сможет взлететь с них. Она монтируется в космосе и курсирует между искусственными станциями-спутниками. Тинсли показал траекторию движения бабочки, она начинается от космической станции и огибает Землю. Космическая Бабочка может доставить 10 пассажиров и 50 тонн груза от станции на околоземной орбите до станции на орбите вокруг Марса приблизительно за один год непрерывного полёта.

При взгляде на рисунок Космической Бабочки вспоминается проект компании «Боинг» 1958 года. На иллюстрации к проекту изображён ионный космический корабль с гелиотермической энергетической установкой.

Модификацию этого корабля можно увидеть на рисунке Сола Дембера, который в 1950-х и 1960-х выполнил много иллюстраций к проектам НАСА.

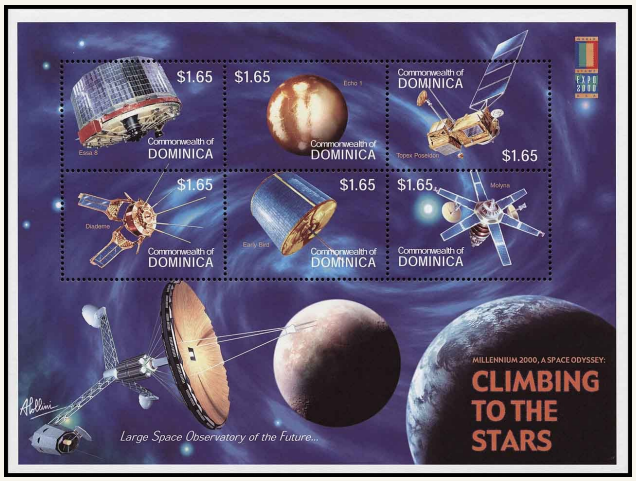
Рас-эль-Хайма, 1970 год(Michel № 443)

Рисунок ионного космического корабля можно увидать на марке эмирата Рас-эль-Хайма 1970 года (Michel № 443). Французский художник Бернар Лоллини внёс небольшие изменения в конструкцию аппарата. Поясняющая надпись на марке: «Завоевание Марса пилотируемой космической станцией».

Нигер, 1972 год(Michel № 330)

Интересно, что в 1972 году на марке Нигера (Michel № 330) космический корабль с рисунка Бернара Лоллини трансформировался в телекоммуникационный спутник.

Доминиканская Республика(Michel № 2896—2901)

А в 2000 году на марочном листе Доминиканской Республики (Michel № 2896—2901) этот же проект видоизменён в «Большую космическую обсерваторию в будущем». По словам Александра Лоллини, который выполнил рисунок, это огромная космическая станция, собранная на орбите. Станция снабжена 300-метровой радиоантенной и 25-метровым телескопом.

По всей видимости, Александр Лоллини использовал рисунок своего отца, который тот сделал для марки Рас-эль-Хайма 1970 года.

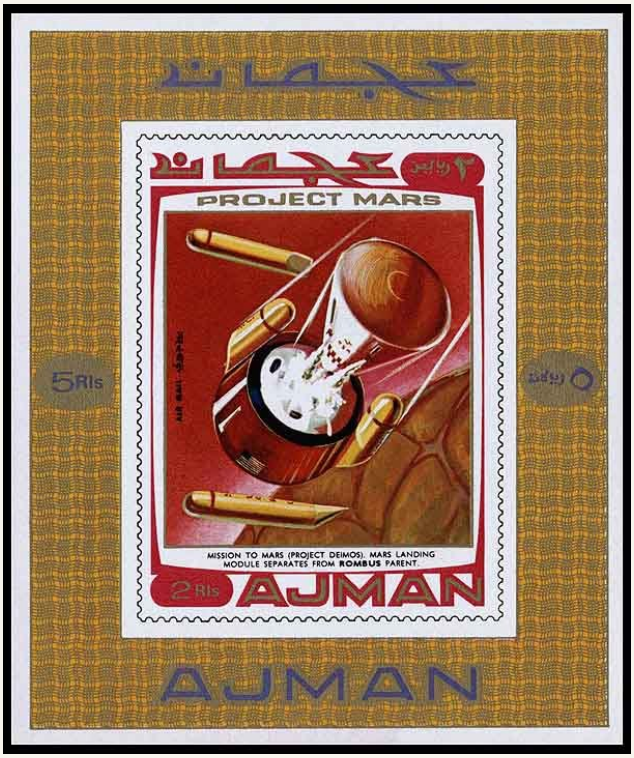

Австралия, 2000 год(Michel block № 36)

Загадочный Марс издавна привлекал людей, поэтому тема путешествия к Красной планете и её колонизации очень популярна в фантастических книгах и рисунках.

Парагвай, 1978 год(Michel № 3059)

Аджман, 1971 год(Michel einzelblock № 682)

Многие страны выпустили марки, посвящённые предстоящим пилотируемым экспедициям на Марс и его колонизации. Наиболее запоминающиеся и обширные серии выпустили Австралия (2000, Michel № 1990IA—1996BA, block № 36), Парагвай (1978, Michel № 3051—3059), Мальдивские острова (2000, Michel № 3345—3362, block № 440, 441), Сьерра-Леоне (1990, Michel № 1356—1391, block 120, 121), Йеменская Арабская Республика (1971, Michel № 1390—1404, block № 165, 166) и некоторые другие. Вверху показаны марка Парагвая (Michel № 3059) и люкс-блок эмирата Аджман (Michel einzelblock № 682) из «марсианских» серий.

Ф. Тинсли «Марсианский шпион» (1959)

Ещё один рисунок Фрэнка Тинсли посвящён полёту к Красной планете. Он называется «Марсианский шпион» и показывает разведывательный аппарат на ядерном топливе.

Тинсли изобразил проект Джорджа Гарри Стайна, писателя-фантаста, увлекающегося ракетным моделированием.

Марсианский Шпион — это модифицированный и улучшенный вариант Космического Скаута, космического корабля, оснащённого ядерными ракетами для уничтожения противника в космосе и на Земле.

На рисунке показан Марсианский Шпион, летящий над Деймосом, марсианской луной. Над скалистым горизонтом возвышается Марс с характерными линиями «каналов». Космический корабль готовится к посадке. На М-образных крыльях хорошо видны амортизирующие посадочные опоры. Команда из четырёх человек располагается в носовой части корабля.

Марсианский Шпион передвигается как космическая ракета, носовой частью вперёд, но при приближении к земной атмосфере ориентируется хвостом вперёд и превращается в самолёт с М-образными крыльями, при этом «лепестковые двери»

облегают ракетное сопло. Для быстрейшего спуска в атмосфере рифлёная хвостовая полусфера охлаждается жидким кислородом. Для маневрирования в атмосфере и посадки на Землю корабль снабжён тремя реактивными двигателями.

Чехословакия, 1963 год(Michel № 1400)

Рисунок получился очень запоминающимся, поэтому неудивительно, что через четыре года, в 1963, Марсианский Шпион появился на почтовой миниатюре Чехословакии (Michel № 1400). По сравнению с оригиналом у чехословацкого космического корабля появились дополнительные стабилизаторы, и летит он теперь не над Деймосом, а к Юпитеру.

(Окончание следует.)

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a8725818650c', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Кирилл Берендеев. Перпендикулярное кино (за пределами Голливуда)

Рацион старости по-южнокорейски; ливанские хроники «детей гражданской войны»; светотень французского коллаборационизма; «интердевочка» в бомбейских декорациях

КИРИЛЛ БЕРЕНДЕЕВ MANUSCRIPT

«Люди и мясо», «Печальный и прекрасный мир», «Лучи и тени», «Гангубай Катавади»

Мясо всегда вкусное, или Паразиты на пенсии

Кто бы мог подумать, но жизнь стариков в Южной Корее — вовсе не сахар. Пусть у них много чего бесплатного, но зато остальное стоит так дорого, что об этом лучше и вовсе не мечтать. Вот примерно такова завязка корейской трагикомедии «Люди и мясо», недавно вышедшей в прокат. Кому-то может показаться, будто фильм отсылает к культовой картине Луиса Бунюэля «Скромное обаяние буржуазии» с ее лукулловыми пирами, но это не так. История больше соответствует жизни простого российского пенсионера, ходящего в супермаркет полюбоваться деликатесами вроде говядины и помидоров и раз в неделю разориться на курицу.

Итак, Южная Корея, наше время. Два вытуренных на пенсию старика: У Сик и Хён Джун — бродят по городу в поисках макулатуры, дабы хоть так заработать на скудное пропитание, пока не знакомятся со своей ровесницей Хва Джин, нелегально торгующей овощами на улице — не правда ли, очень похоже на наши родные девяностые? Знакомство не грех бы отметить, но как? И тогда У Сику приходит в голову шальная мысль — давайте зайдем в сетевой ресторан, вкусим яств, которых не пробовали с давнопрошедших времен, и не заплатим! Вроде бы несуразная идея неожиданно поддерживается остальными; слово за слово обрастает подробностями. Надо найти забегаловку, где всегда много народу, где есть туалет и черный ход, где не надо расплачиваться сразу после заказа. Так все трое лакомятся говядиной и вялеными томатами-черри, которые и там дико дороги.

Режиссер-постановщик картины Ян Чжон Хён задел за живое. Жизнь стариков — не сахар, особенно когда о них забывают дети. Ровно в таком положении оказываются все трое. Сын Хён Джуна уехал во Францию и запамятовал о родителе, У Сик потерял своих родных в аварии, а внук Хва Джин может только клянчить деньги якобы на обучение, при этом таскаясь по злачным местам и зарабатывая разного рода аферами. Неудивительно, что старикам приходится несладко, а, раз попробовав

запретный по ценам плод, они решают продолжить его потреблять именно таким образом: другого-то нет.

Фильм в этом плане очень похож на другую знаменитую ленту — тамошних «Паразитов», рассказывающую о целой семье голодранцев. В этой картине режиссер тоже показывает, до чего может довести людей бедность, и посылает закономерные упреки обществу, позабывшему о самых слабых и обездоленных. И делает это с той же иронией: волонтеры, прибывшие проведать У Сика, дарят тому… саван, ибо «всем пожилым необходимы погребальные принадлежности, уж вы-то знаете насколько».

Из таких моментов собирается весь фильм. Режиссер его Ян Джон Хён мало кому известен даже у себя на родине, это лишь его третья работа, однако он сумел показать себя с наилучшей стороны. По настроению картина очень напоминает хорошо нам памятную ленту «Красиво уйти» Мартина Бреста с Джорджем Бернсом в главной роли. И здесь мягкая ирония соседствует с отточенной сатирой, выставляя напоказ неприглядное отношение общества к старикам. Актеры также подобрались на диво. Пак Кын Хён, исполнивший роль Хён Джуна, нам хорошо памятен хотя бы по фильму «Помнить», где он сыграл еще одного старика, только одержимого местью, Чан Ёна, перевоплотившегося в У Сика, мы знаем по сериалу «Клуб мести», а Е Су Джон зрителям знакома еще по «Поезду в Пусан». Столь знатные исполнители не могли сыграть плохо. Их трио действительно впечатляет. Эти несуразные старики потихоньку открываются зрителю новыми гранями, и для них самих еженедельное объедание ресторанов становится чем-то вроде вызова общественному мнению, формы протеста, на которую только и могут пойти загнанные в угол люди. Это почти месть оглохшему обществу, впрочем, с закономерным финалом — вот вам еще одна параллель с картиной Бреста. Сами понимаете, все трое далеко не молоды. Однако это не мешает им прожить вместе другую жизнь, несравнимую с прежней, яркую, сочную, насыщенную неожиданными красками, запоминающуюся не только самим старикам, но и всем, кто о них слышал, — а это сотни тысяч, если не миллионы людей: ведь троица стала главным событием на просторе всемирной паутины. И кто же после этого может называть их паразитами?

Поезд на остров

Самое страшное в жизни любой страны — гражданская война. Такая, как случилась в Ливане в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. О ней еще долго будут воспоминать выжившие и рассуждать уцелевшие. Она послужит последующим поколениям для осмысления собственной жизни, ибо оставила после себя незаживающий рубец в сознании их предков — так же, как это сделала у нас наша гражданская. Именно об этом, а еще о способах преодоления мучительных фантомов прошлого расскажет новый фильм из этой страны — «Печальный и прекрасный мир».

Все начинается в одном из роддомов Бейрута, где с разницей всего в одну минуту родились двое детей: Нино и Ясмина. Им повезло: они выжили под бомбежками, пережили обстрелы и смены власти и пошли в одну школу, где и познакомились. Пусть Нино рано потерял родителей, но дедушка Антуан рассказал внуку, что те ждут его на прекрасном острове, куда рано или поздно отправляются все ныне живущие, а значит, грядущая встреча с ними неизбежна. Это давало ему силы переживать обстрелы, невзгоды и разочарования. Чем он и понравился Ясмине, родители которой остались целы, вот только жить вместе не смогли, а потому девочка оказалась предоставлена самой себе. Тогда оба подростка решили сбежать из Бейрута на тот остров, о котором так часто говорил Нино. Надо только найти подходящий поезд из числа ржавеющих на окраине города. Помните сказку «Полярный экспресс» Криса ван Оллсбёрга? Вот такого же типа состав.

Постановщик картины Сирил Арис выступил в этом фильме сразу в трех ипостасях: режиссера, сценариста и монтажера, памятуя о первом своем

образовании. Кино получилось очень авторским, очень личным и в то же время общечеловеческим. А на роль Ясмины Арис пригласил хорошо нам знакомую прелестницу Мунию Акль, которую мы больше знаем как режиссера — например, британского сериала «Дом Гиннессов» с Джеймсом Нортоном. Впрочем, ее появление в картине неудивительно, Муния давно стала музой режиссера, ибо снялась почти во всех его предыдущих картинах — примерно как Чурикова у Панфилова. Вот и здесь она изображает умудренную жизнью, вконец изверившуюся консультантку непрерывно меняющихся правительств, которые продают своим гражданам видение будущего оптом и в розницу. Ясмина лучше других знает, сколь скоропортящийся у нее товар, а потому стремится покинуть родину и убраться — хоть в Германию, куда ее зовет отец и спонсоры, хоть в Дубай, где тоже наклевывается вакансия. Нино же так и остался с розовыми мечтами у разбитого корыта: убыточного ресторана деда с его итальянским меню на арабский манер — вроде пасты с кебабами; однако этот неубиваемый оптимист все равно не сдается и, занимая там, перебиваясь здесь, продолжает отчаянно верить в лучшее. Так они сходятся во второй раз.

Следует отдельно рассказать о визуальной составляющей истории. Оператор Джо Саад, кстати, из того же сериала «Дом Гиннессов» вышедший, великолепно передает настроение через картинку. Сепийные кадры девяностых сменяются размытыми из настоящего времени, когда молодая кровь героев бьет им первый раз в голову, становятся нечеткими в момент первого поцелуя и пульсируют, когда… ну вы поняли. Каждой сцене соответствует свой ритм и свой визуальный стиль. За музыкальное оформление следует сказать спасибо Энтони Сайюну, который смешивает этнические мотивы (чего стоит только одно арабское техно) и классические аранжировки. Грусть и радость, встречи и расставания — все мешается в едином калейдоскопе жизни, в том житейском балагане, о коем писал еще Теккерей в своем знаменитом романе и который так тонко и изящно передают его далекие последователи с Ближнего Востока. Нино и Ясмина то сходятся, то разбегаются, снова встречаются и опять ускользают, а вместе с этим рваным ритмом существования то в резонанс, то в противоход пульсирует и все ливанское общество, переживая новые то печальные, то прекрасные моменты своего бытия, между коими дистанция — один вздох. Друзья уезжают, родные исчезают, мир меняется, неостановимый и бесконечно разнообразный. Что принесет он двум таким разным, но вместе с тем столь схожим существам, этой паре противоположностей в следующий миг, день, год? Свяжет или окончательно рассорит их?

«Бесчестье родины моей…»

Коллаборационизм — явление, присутствующее во всех странах и при любом режиме. О нем не всегда охотно говорят, но так или иначе вспоминают часто. К примеру, в СССР подобная тема считалась особо деликатной. В те времена, как мы помним, куда больше говорилось о героической борьбе советского народа с немецко-фашистскими оккупантами, о партизанском движении — а о жизни простых граждан, смирившихся с новой властью, старательно умалчивали; редкие произведения пробивались к читателю, чаще из эмиграции. Но не надо думать, что это только советское явление. Шарль де Голль создал целый миф о «сопротивляющейся Франции», единой в своем стремлении противостоять коричневой чуме, сознательно замалчивая раскол страны, массовые расстрелы и депортации, объединяя в единое Сопротивление коммунистов и националистов. Возможно, этим он спас республику, а возможно, спровоцировал последующие после освобождения погромы и суды Линча. Фильм «Лучи и тени» исследует эту по-прежнему болезненную тему.

Немного странное название его неслучайно, это заглавие знаменитого сборника стихов Виктора Гюго, написанного им как раз во время или чуть позже посещения немецких городов Рейна. В нем великий гуманист и пацифист исследует природу человеческой ненависти и

себялюбия, даруя читателю мудрые советы и великолепные цитаты. Применяя же их по мере сил и необходимости, начнем непростой обзор этой картины.

В 1940 году закончилась «странная война». Германия после долгого выжидания перешла от обстрелов к захвату Третьей республики, и уже через несколько месяцев солдаты вермахта вошли в Париж, насаждая новый порядок.

«С тех пор, как справедливость пала,
И преступленье власть забрало,
И попраны права людей,
И смелые молчат упорно,
А на столбах — указ позорный,
Бесчестье родины моей…»
— такая первая параллель возникла со стихами классика. Населению пришла пора определиться, как действовать — смириться или сопротивляться, потерять жизнь или достоинство. В числе задающих себе этот немилосердный вопрос и главные герои картины: отец и дочь Люшеры — Жан и Коринн. Она старлетка, уже блистающая в фильмах известных киностудий, он — знаковый журналист газеты «Новое время», известной своей пацифистской позицией и попытками сближения с Германией, за что ее любят и ненавидят одновременно: сами знаете, сколько войн случилось между этими странами за последнее тысячелетие. На одной из встреч Жан Люшер знакомится с немецким дипломатом Отто Абеце — кстати, реальным историческим персонажем, воспитывающим юное поколение в правильной идеологии. Полагая, что наивные идиоты будут полезны Рейху, тот всячески продвигает Люшера, помогая его газете проводить верную для соседней страны политику, снабжая деньгами и возможностями. Не то Жан не понимает, во что ввязывается, не то надеется воспользоваться обстоятельствами, но только он хватается за все предложения Абеца, попадая от него в полнейшую зависимость.

Режиссер картины Ксавье Джанноли широкими мазками рисует картину предвоенной родины. Французы по горло сыты прошлой войной, выпившей из республики все соки, они устали от грызни коммунистов и националистов, им нужен мир и спокойствие. Поэтому граждане смотрят сквозь пальцы на поползновения Гитлера, ни в коей мере не желая ему мешать. Он не хочет войны, убеждают их местные пацифисты и германские дипломаты, отдайте только причитающееся немецкому народу, и мы от вас отстанем. Наш фюрер сам пострадал от прошлой бойни, зачем ему новая? В самом деле, мировая война Гитлеру ни к чему, достаточно успешных локальных. Но, даже объявив войну Германии, Франция не пришла на помощь Польше, наивно надеясь, что все как-то само собой рассосется. Плоды этого она пожинала уже через полгода.

«На троне — негодяй! Пусть он помазан папой,
Он дьявольским клеймом отмечен с давних пор.
Державу он схватил одною хищной лапой,
Сжимает он в другой палаческий топор…»

Теперь Жан занят важнейшей для себя миссией — примирить Францию с ролью источника обогащения Германии. Из нее вывозится сталь, руда, картины и золото. Он пацифист, он не может допустить, чтоб его сограждане гибли в бессмысленном Сопротивлении — кто, как не Люшер, не раз бывавший на высоких приемах, знает, насколько силен Рейх? Уж лучше дождаться более благоприятных времен. А потому журналист старательно проводит линию соглашательства и заискивания перед новыми властями Парижа, которые возглавляет… да-да, его хороший знакомый Отто Абец. С ним Люшер согласовывает свои статьи, у него просит за своих сотрудников, имеющих проблемы с расовыми законами; тем самым успокаивая себя — сейчас он, что бы ни говорили, помогает противникам режима.

А как же его дочь? Для нее тоже наступили особые времена. В оккупированной Франции на награбленные деньги снимается множество фильмов, куда больше, чем до войны, арийская красота блондинки Коринн востребована как никогда — еще бы, такой правильный типаж! Мадемуазель Люшер звезда номер один — она снимается в фильмах, рекламе, на обложки журналов и в календарях. Да и занята прожиганием жизни, что тоже на

руку оккупантам, она не задает неудобных вопросов. А еще ей на суде совести всегда можно отвертеться словами: «Мы же ничего об этом не знали!», которые, как мантру, потом повторяли европейцы еще долгие годы.

Джанноли делает необычный ход, показывая психологическое разложение героя через физическое: у Люшеров обнаруживается неизлечимый в то время туберкулез. Это особое заболевание, «болезнь бедняков», как его называли в то время. И то верно, чтоб заразиться им, надо обладать ослабленным иммунитетом, а таковой имеют в основном от недоедания и переработки… или разгула. Так получилось, что Люшеры где-то его подцепили: случайные связи, беспорядочный образ жизни — а может, отец передал его по наследству дочери? В любом случае, оба неизлечимо больны, но старательно скрывают, тем более что он, как сифилис, на ранних стадиях внешне незаметен, уничтожая человека изнутри, а симптомы можно всегда списать на простуду. Да и ремиссии делают больных как бы здоровыми.

«И никому не знать, что сталось с вашим телом»…

Еще один любопытный момент цепляет глаз — герои патологически много курят, практически постоянно дымят и, в противовес обычаю, вовсе не пьют вина, а налегают на «финь шампань». Джанноли этим как бы отстраняет знакомый с детства образ своего соотечественника от коллаборациониста. Как тут не вспомнить романы Ремарка или… да хоть фильм «Через Париж», где герои Габена, Бурвиля и де Фюнеса, этой восхитительной троицы плутов, постоянно прикладываются то к белому, то к красному.

Чем дольше длится оккупация, тем отчаянней сражается Сопротивление, тем сильнее давление властей на лоялистов. Теперь, чтоб иметь все прежние блага, Жану надо постоянно доказывать свою нужность, и прежние заслуги в счет не идут. Надо разоблачать еврейские заговоры, искать пятые колонны коммунистов и пацифистов, сдавать знакомых и близких. Только так он останется и при деньгах, и при вольностях. Конечно, Люшер понимает, на что идет, вот только болезнь зашла в нем слишком далеко. А колокол уже зазвонил — в далеких Сталинграде и Эль-Аламейне.

«В туманном будущем смесились два удела —
Добро и зло.
Придет ли Аустерлиц? Империя созрела
Для Ватерлоо».

Это уже поздний Гюго, живущий в изгнании на острове Джерси: так выходило, что великие французы бежали от своих палачей в Англию, а англичане во Францию. Но теперь эти страны снова вместе и снова против Германии. Финал близок.

Жан Дюжарден, сыгравший главного героя, безупречно воплотил на экране человека, поставившего себе цель не просто выжить в непростых условиях, пойдя на сделку с совестью, но выжить красиво. Прекрасно сознавая, какой конец его ждет, он все равно пытается взять от ошметков своего бытия все возможное, надеясь, что туберкулез убьет его быстрее, чем суд. И надеется только на Абеца, роль которого исполнил новый Воланд российского кино — немец Август Диль. Есть законное подозрение, что в этот фильм Джанноли пригласил его именно благодаря той роскошной роли демонического соблазнителя — и там, и здесь Диль шикарен и на диво убедителен. Он даже костюм носит так, будто это форма от Хуго Босса, пошитая специально для дипломатов. Роль же Коринн Люшер сыграла молодая звездочка Настя Голубева-Каракс, дочь режиссера Леона Каракса и мечты российских мужчин 90-х несравненной Екатерины Голубевой. Она сыграла тонко, изящно, интимно — с отсылками к ролям своей матери, к воспоминаниям о тех «европейских каникулах», что предшествовали последней мировой бойне, унесшей жизни 60 миллионов человек.

При просмотре зритель будет постоянно ловить себя на мысли — а как бы поступил на месте главных героев он? Какой путь бы выбрал, а по какому пошел бы на самом деле — и порой будет морщиться от собственных нелицеприятных мыслей. Но тем лучше: всегда важно сознавать свои возможности, чтоб наилучшим образом

подготовиться ко всем возможным жизненным испытаниям.

Картина идет три с четвертью часа, но, кажется, пролетает за мгновение. Человеческая история и история людей сплетается в столь хитрый клубок, что добро становится злом, а в печалях гнездится радость. И прощение, разве мог режиссер забыть о нем? Для этого Джанноли специально ввел в картину режиссера Леонида Могия, бежавшего от еврейских погромов из царской России, но столкнувшегося ровно с тем же на новой родине. Его роль сыграл другой постановщик — молдаванин Валериу Андрюцэ, чья короткометражка получила приз на ММКФ-2020.

Закончить этот затянувшийся обзор хотелось бы еще одной цитатой, которая как нельзя лучше подходит к финалу картины:

«Отец, оборотясь к гусару-вестовому,
Со своего седла снимает фляжку рому
И говорит: „Возьми! Пускай напьется он!“
И вот, когда гусар, услышав новый стон,
Нагнулся, — раненый, похожий на араба,
Хватает пистолет рукой худой и слабой
И целит в лоб отцу, „Каррамба!“ процедив.
И выстрел прогремел, мгновенно шляпу сбив.
Отпрянул конь назад, как будто от удара.
„Дай все ж ему глотнуть!“ — сказал отец гусару».

Клан Сонечки Мармеладовой

Тема проституции в разные времена привлекала внимание лучших писателей, а следом за ними и режиссеров, которые включали в свои повествования виднейших актрис своего времени. Как тут не вспомнить Софи Лорен из «Брака по-итальянски», Элизабет Тейлор из «Баттерфилд 8», Джоди Фостер из «Таксиста», Джейн Фонду из «Клюта», Елену Яковлеву из «Интердевочки»… Этот список можно продолжать бесконечно. Теперь к ним добавилась еще одна звезда — Алия Бхатт, сыгравшая главную роль в фильме «Гангубай Катавади».

Это история реальной бандерши из квартала красных фонарей Бомбея, очень самобытно и любопытно перелицованная известным перфекционистом и, кстати, выходцем из того самого района под названием Каматипура — Санджаем Лилой Бхансали, которого мы хорошо знаем по множеству мелодрам и мюзиклов (да, в Болливуде снимают и такие). Мэтр решил кардинально переменить амплуа и взялся за пересказ биографии самой известной проститутки Индии. И вот что из этого вышло.

Конец 50-х годов прошлого века. Ганга Катавади, дочь провинциального адвоката, мечтавшая о карьере в кино и работавшая танцовщицей, убегает из дома вместе с любимым, который, привезя ее в Бомбей, тут же продает знакомой бандерше — мадам Шиле всего за тысячу рупий. Сцена прощания с домом восхитительная и чисто индийская — Ганга танцует на празднике огня в массовке, вбегает домой с улицы, а тут ей выговаривает любимый: мол, ты все пляшешь, а нам надо ехать. Теперь жизнь девушки ей не принадлежит. Ганга гнется, но не ломается, решая всем доказать, чего она стоит на самом деле.

Я не припомню истории, в которой был бы описан взлет простой путаны на вершины криминальной власти. И тем не менее Ганга столь рьяно берется за столь неприкасаемую работу, что через небольшое время стоит вчетверо дороже прочих девушек. У нее своя очередь и свои привилегии; теперь она диктует условия Шиле, которая, понятно, вольностей не потерпит. Назревает конфликт.

Бхансали раздает всем героям картины особые имена, а заглавную героиню делает похожей на свое — стремительной, как воды одноименной реки. Лучшую подругу Гангу (теперь ее кличут так: уменьшительным именем, что-то вроде Гангуся) зовут Камли, «Безумная» — и верно, она готова на все, лишь бы выбраться из клетки — правда, неведомо куда, ибо в бордель ее продал муж. А в том, какая это клетка, режиссер показывает постоянно, снимая девушек через забор, решетки на окнах, балюстраду лестниц, драпировку. Иногда Гангу сама покрывает лицо тканью, как это принято у юных дев, которых не должны видеть иные мужчины, кроме отца, братьев и жениха; та самая индийская традиция, которая так

замечательно расписана в комедии «Потерянные невесты» — о ней я некогда рассказывал.

После коллективного похода девушек в кино Шила наносит ответный удар, подсылая к Гангу садиста. Я поминал, что постановщик фильма родился в Каматипуре, а потому знает подноготную не понаслышке. Героиня принимает удар, она сговаривается с еще одним отверженным Бомбея — местным мусульманским мафиози Рахимом (его сыграл герой знаменитого блокбастера «Рядом ревет революция» Аджай Девган): кто не помнит, это одно из прозваний аллаха, заменяющего богу имя, и значит «сострадательный». Тот берет Гангу под крыло. Надо ли говорить, что совсем скоро Шила не проснется? Гангу сама становится «мадам», или «Гангубай» на хинди. Теперь она переодевается во все белое.

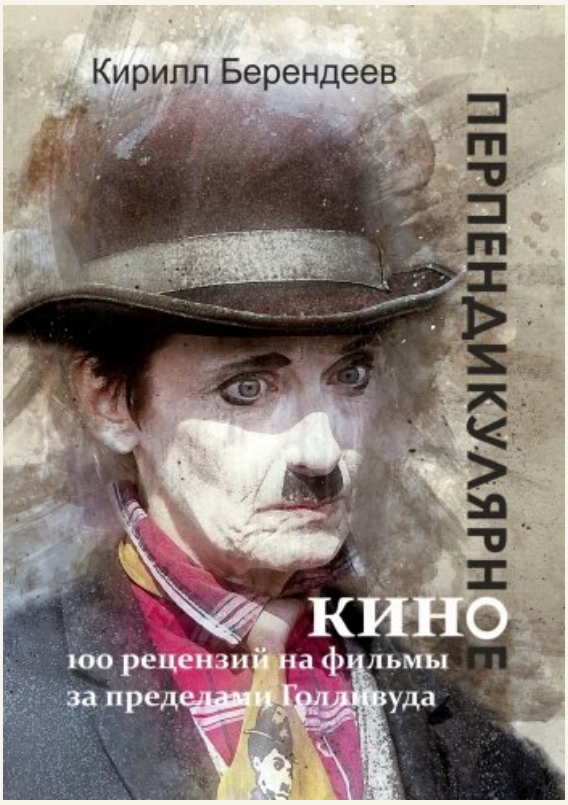
Это еще один интересный прием, взятый режиссером. В Индии, как и в античной Европе, белый — цвет траура: Гангу как бы переходит из состояния вечной невесты к вечной вдове, недоступной, но невыносимо желанной мужчинам. Белое сари не отменяет косметику и золото, напротив, подчеркивает сакральную недоступность бандерши. Гангу идет в рост, покупает холодильник (мадам постоянно поит гостей чаем со льдом, роскошь в то время почти недоступная, как и в СССР), а после и «Роллс-Ройс» — еще одна пощечина общественному вкусу. Сами посудите: как может падшая женщина разъезжать на люксовой машине, да еще и с шофером-мужчиной, не ее родственником? Конечно, на нее начинают капать, особенно школа, расположенная в том же квартале, которая предыдущие сорок лет не обращала внимания на свое окружение. Но, когда бандерша выиграла местные криминальные выборы, проводившиеся как в романе «Собор Парижской богоматери», и стала первой мадам района, на нее взъелись особенно. А тут, как на грех, сама Гангу влюбилась.

Избранника ее зовут Афсан, в переводе с фарси «сказка». Отношения между молодыми Бхансали показывает тоже по-особенному: молчанием. Чаще всего они обмениваются жестами, понятными каждому зрителю, под музыку цитр или в полной тиши. Но разве может проститутка выйти замуж? Гангу приходится сделать нелегкий шаг. Как раз когда ее снова вызывают в суд.

Алия Бхатт играет одновременно со многими образами падших женщин, изображенных до нее, она мимолетно напоминает то Софи Лорен, то Элизабет Тейлор, но при этом ее собственный образ самостоятелен и самобытен. Такую блудницу надо уметь создать, одновременно робкую и наглую, стеснительную и отчаянную, расчетливую и страстную.

Первая часть фильма проходит в клаустрофобно-темных зарешеченных декорациях. Когда Гангу становится королевой Каматипуры, они тут же расширяются, но все равно остаются темным пятном города, жалкими лачугами на фоне небоскребов Бомбея, стоящими окрест квартала нерушимой преградой, из которой героине не выбраться. Или Гангубай способна и на такое? Недаром о ее отношении к девушкам уже ходят легенды…

Ее посещают сперва журналисты, а следом за ними политики. Но от всех них Гангу требует одного — безусловного уважения и признания. Она добивается встречи с премьер-министром. Она хочет быть услышанной не только в своем квартале, не только в трущобах и салонах Бомбея — донести свое слово повсюду. Получится ли?

Кирилл Берендеев

Перпендикулярное кино (100 рецензий на фильмы за пределами Голливуда)

Информация о том, как можно заказать книгу: https://ridero.ru/books/perpendikulyarnoe_kino/

В сборник вошли рецензии на зарубежные фильмы, вышедшие в последние годы за пределами голливудских студий в самых разных странах мира: от Франции до Камбоджи, от Новой Зеландии до США (независимых студий), во всех жанрах, кроме скучного. Они разбиты на несколько разделов, в зависимости от жанров: драмы и мелодрамы, комедии, детективы, исторические, ужасы и триллеры, фантастика, детские и подростковые.

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a87260bc080b', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

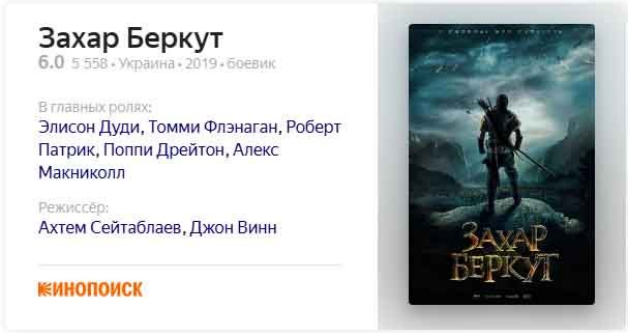
MANUSCRIPT

Марина и Сергей Дяченко. «Захар Беркут» (2019): трагедия или поцелуй в финале блокбастера?

Да, сегодня разговор об экранизациях украинской классики воспринимается… несколько иначе, чем когда была написана эта статья. Но никуда не деться от вопроса: как быть, если старая советская экранизация ближе к духу литературного первоисточника, чем новая американская? И, если совсем честно — даже чем сам этот первоисточник?

МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО MANUSCRIPT

«Захар Беркут» — совместный украинско-американский художественный фильм режиссеров Ахтема Сайтаблаева и Джона Винна, экранизация одноименной исторической повести «Захар Беркут» Ивана Франко. Партнером и историческим консультантом ленты выступает «Международный фонд Ивана Франко» во главе с внуком выдающегося писателя Роландом Франко.

Этот фильм мы смотрели с особым чувством, так как дружили с режиссером Леонидом Осыкой, снявшим «Захара Беркута» еще в 1971 году. Эта картина стала классикой «поэтического кино». Леонид снял известную картину по сценарию Сергея Дяченко «Гетманские клейноды» (1993 год), а позже, в 90-е годы, работал уже над сценарием Марины и Сергея о легендарном карпатском Робин Гуде — Олексе Довбуше — и его антиподе, брате и убийце-садисте Иване. Были сложности с финансами картины, Леонид заболел, и вскоре его не стало. Но светлые воспоминания об этом прекрасном человеке мы храним до сих пор.

Специально для исторического экшена было создано более 600 оригинальных костюмов, число единиц одежды составило 3000; сотни экземпляров оружия, аксессуаров, украшений, посуды

Новый «Захар Беркут», где русинов-бойков играют американцы и англичане (Захара, старейшину селения, играет, например, Роберт Патрик — «жидкометаллический робот» из «Теминатора 2»), сделан неплохо, особенно в боевых эпизодах. Да и красота Карпат с нашим любимым озером Синевир никуда не исчезла. Но мы не будем оценивать эти фильмы, сравнивать их. Мы хотели написать

о другом — о разнице в подходах к финалу у этих картин.

Представьте себе «Ромео и Джульетту», где влюбленные остаются живы и уста их скрепляет поцелуй в лучших голливудских традициях. Представили? Это, собственно, и ждут сегодня большинство зрителей от финалов. Но — осталась бы в памяти столетий эта история, наполненная печалью?

В финале обоих фильмов русины затапливают захватчиков во главе с их ханом, а в его руках плененный Максим — герой и единственный сын Захара. Старейшина имеет возможность спасти сына ценою свободы кровожадного хана…

Так вот, у Леонида Осыки отец жертвует сыном ради блага общины, с согласия сына. И вот мы помним этот финал спустя десятилетия, он цепляет, это античная трагедия, здесь работают архетипы подсознания. В новом фильме Максим после эффектного боя с ханом спасается и воссоединяется со своей невестой. Вспомнится ли этот финал, совпадающий с сюжетом повести Иваном Франко, через годы?

Как нам кажется, в том-то и гениальность Леонида Осыки, что он пошел, как когда-то Шекспир, против правил «поцелуйного финала» и оставил незаживающую рану сомнений: а прав ли был Захар Беркут?

А что вы скажете, дорогие друзья? Как бы вы поступили на месте старейшины?

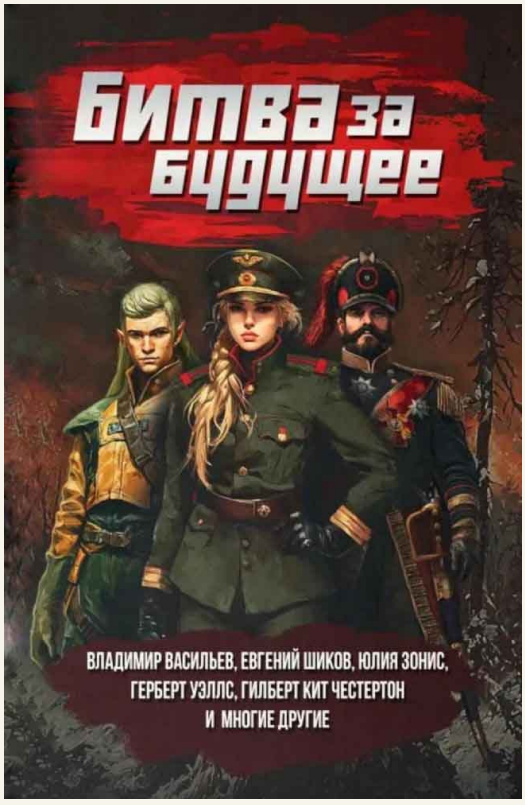
__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a872619461a2', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

От редакции. Последний юбилей

Продолжаем обзор сборников фантастики издательства «Феникс». На сей раз перед нами антология прошлого года, ставшего 80-м со времени Победы…

ОТ РЕДАКЦИИ MANUSCRIPT

Продолжаем цикл рецензий о не чужих для нас сборниках издательства «Феникс», двигаясь «в обратном порядке», из настоящего в прошлое. Недавнее: в 2025 год. Год 80-летия Победы. Фактически последний юбилей, который мы успеваем отметить со все еще пребывающими на Земле фронтовиками…

Этому и посвящен сборник, а ранее был посвящен курируемый «Горизонтом» конкурс, по итогам которого сборник во многом и вышел. Так что да, книга для журнала не чужая… Как и сама тема.

8 разделов, каждый со своей иллюстрацией. 37 рассказов. В каждом — разные стороны жизни и смерти. Такая уж тема.

Первый раздел — «Наши павшие — как часовые». Что тут скажешь: на войне как на войне…

Ника Батхен «Огонь!»: у летчика всегда остается небо, даже когда он приземлился навсегда. А с фронтовиком остается война. Но бывает, что с ним остается ТОЛЬКО она. И тогда на помощь приходят те особые, фантастические «фронтовые сто грамм», которые перед боем позволяли заглянуть в светлое, или уж какое есть, послевоенное будущее — а теперь, уже из этого будущего, отправляют в… совсем другое путешествие.

Ефим Гамаюнов «Мороз Красный»: ох, от него не спастись, он идет — по деревьям шагает, трещит по замерзлой воде… Но для того, чтобы он спасал своих, а смерть нес только чужим, сперва надо заплатить высокую цену, собственной жизнью. И тогда Мороз станет тобой — а тебе не все равно, где каратели и полицаи, а где партизаны и беженцы…

Найя Диним «Плоский человек»: его работа и даже призвание — оцифровка документов. Сколько их, этих документов, этих архивов, этих хроник военного времени. И вдруг выясняется, что материал оказывает сопротивление, не пробиваемое искусственным интеллектом. Потому что наступило время стать исполнителем желаний: для тех, кто не дождался.

Раздел второй — «Варианты». То, что не произошло. Или произошло совсем в других мирах — но даже эти далекие миры соединены той самой Войной…

Григорий Панченко «Licet bovi»: тут надо как следует всмотреться, чтобы понять — это не биопанк, кажущиеся фантастическими звери реальны, они были и даже есть. Имена тоже настоящие, как и планы, вот только в нашей реальности им не нашлось применения. Точнее, нашлось, но уже главным образом после войны и более

скромное. Тут же война все длится и длится, поэтому все застыло в шатком равновесии — но не на чаше весов, а на острие бычьего рога.

Александр Белкин «Ошибка»: взгляд из мира, в котором фашизм получил гораздо меньше, чем хотел, — и тяжко страдает от этого, потому что ему хочется всего. Так что фюрер задумывает хитрый план, который позволит исправить ошибку, допущенную в уже весьма далеком сорок первом году… И которая, на самом-то деле, превратит «ту» реальность в «эту», о которой мы хорошо знаем, что в ней получил фашизм!

Егор Альтегин «Выдумщик»: трудно врать самому себе, еще трудней признать, что ты боишься не за дело, не за друзей, а прежде всего за себя. Особенно если тебе по силам придумать мир, в котором нет войны. Однако это не мир, а мирок: лично для тебя. Так что возвращайся в мир, солдат. Не придумывай. Думай…

Виктор Колюжняк «Солдатская вьюга»: эта вьюга заволакивает поля сражений, закрывает глаза мертвым, уносит с собой их души. А живых неведомым образом заносит туда, где им предстоит совершить нечто абсолютно фантастическое.

Юлия Зонис «Говорящий с ветром»: и тут тоже надо как следует всмотреться чтобы понять, где расположена точка бифуркации. А на самом деле это не точка: просто, когда из мира Арды ушли на Заокраинный Запад эльфийские корабли — часть детей бессмертного вымирающего племени осталась в этом мире, мире людей. И когда, тысячи лет спустя, приходится выбирать, с кем ты, — помни: ушедшие на белых кораблях возвращаются на черных, под цвет эсэсовской формы…

Юрий Иванов «Разбудите Херцина!»: о да, разбудите его — он придет и поможет. Придет даже с того берега, который не на этом свете. Родина продолжается и там.

Ирина Соколова «Лесник и немцы»: иного кудесника в 1941 году можно так обидеть, что даже полвека спустя по дороге, ведущей через его лес, немецкой технике ходу не будет. А уж если врубить «Рамштайн» — то и подавно.

Дарья Странник «Слёзы для Крига»: война хочет есть. Всегда. И находит тех, кто ее кормит — даже после того, как она закончилась. Потому что где-то она все равно продолжается…

Раздел третий — «И любовь, и кровь». Да, любовь никуда не исчезает даже на войне!

Далия Трускиновская «Тайный березовый знак»: рассказ начинается во время печально знаменитого «мултанского дела», продолжается во время правнуков, в 1941 году, а заканчивается… пожалуй, чуть ли не в нашу пору. Но знак, который могут наложить старые языческие боги, хранит и жизнь, и любовь. А время для него — ничто.

Евгения Халь, Илья Халь «Влюбленная пуля»: налево пойдешь — смерть найдешь, направо пойдешь — коня потеряешь, прямо пойдешь — счастье найдешь. И, если это счастье окажется пулей — она покажет тебе, какой могла быть жизнь, если бы ты вернулся с войны. Но можно ли назвать это жизнью?

(Один из соавторов, Илья Халь, публикацию этого сборника не увидел…)

Игорь Вереснев «Люрики во все времена»: научная работа важнее всего, а для тех, кто из будущего, погибшие на этой войне — все равно что персонажи исторического фильма. Но твой возлюбленный может перенести вас в другое будущее: в свое будущее, не ставшее твоим настоящим. Потому что будущее, в отличие от прошлого, не предопределено.

Ирина Лунинская. «Не всем рекам»: даже чудо должно иметь корни, поэтому, когда уйдет последний человек, который помнил своего деда-фронтовика живым… Но, может быть, этот человек сумеет передать связь с прошлым поколению своих внуков?

Дмитрий Осин «Взаимодействие»: если кто-то из будущего хранит сперва тебя, а потом твою любимую — то, может быть, этот «кто-то» и есть ты сам? Причем без всякой мистики, сплошная научная фантастика, можно даже уравнения Максвелла применить… наверно.

Четвертый раздел — «А до смерти четыре шага». Вряд ли надо что-то объяснять: на войне шагов бывает и меньше.

Сергей Игнатьев «Маяк для Нагльфара»: от смерти лекарства еще никто не придумал… пока что. Значит, удачной охоты, товарищи вампиры! Вломите этим гадам, пока они не погубили наш мир.

Андрей Якушкин «Три звездочки, три косточки»: от смерти никто не убежит. Но везунчиков вроде она любит, всех в лицо помнит. И иногда играет с ними в карты. А карточные долги нужно отдавать…

Валерий Генкин «Историк»: если человек не знает тех сказок, которые все, абсолютно все знают с детства, — он, конечно, не здешний. Но откуда он все-таки пришел в блокадный Ленинград, что ему тут было надо… и что стало надо сейчас?

Андрей Чесман «Спасибо деду за победу» — если кто-то из будущего явился на войну поиграть за эсэсовцев, то пусть не говорит: «Это неправильно! Этого нет в договоре! Я не сделал ничего плохого!» Но вообще-то воевать против своих становится модой и в настоящем…

Пятый раздел — «Дальний прицел». Будущее. Не всегда, кстати, такое уж дальнее: иногда до него, как ни горько, совсем рукой подать…

Евгений Шиков «Все обрыдаются»: вот это именно тот случай, когда до будущего — рукой подать, но от этого особенно горько. Время, когда счет оставшихся фронтовиков пойдет на единицы и за право сделать репортаж с последним из них разные телепрограммы будут биться зубами и ногтями…

Владимир Васильев «Оккупанты»: на сей раз это слово означает совсем не то. Потому что есть такой анекдот о двух путях наведения порядка: реалистическом и фантастическом. Реалистический — это если прилетят инопланетяне и наведут порядок. А фантастический — мы его наведем.

Андрей Загородний «Практикант»: где еще проходить практику молодому хирургу, как не на войне, причем той самой? Даже если он из другого времени. Совсем. Вот только временной парадокс образовываться все-таки не должен…

Борис Богданов «Точечные воздействия»: что может и должен сделать хранитель времени, если для будущего гаупт-ефрейтор гитлеровской армии в самом деле ценнее, чем советский солдат? Немногое. Но может!

Юрий Максимов «Случай в ломбарде»: а вот это будущее по-настоящему далекое, ломбард располагается на астероиде… Однако все равно сдавать туда медаль своего далекого предка — совсем не дело!

Раздел шестой — «Иная сторона». Все-таки Великая Отечественная — часть Второй мировой. И действительно иногда есть смысл посмотреть на события глазами союзников… или даже противников.

Станислав Стрыгин «Тоннель Знамение»: взгляд из Италии эпохи интербеллума, дуче уже у власти, но никаких особых ужасов пока нет и вроде не ожидается. Еще никто из персонажей не знает, погибнет он под знаменами Муссолини или в Сопротивлении, попадет ли в плен (к кому?), уйдет ли в партизаны… Легко ли это — вдруг увидеть свою судьбу? Удастся ли поверить увиденному или проще отмахнуться?

Вячеслав Ледовский, Екатерина Романенко «Крайний трек: тайна U-977»: достоверных свидетельств того, что фюрер обладал паранормальными способностями, не существует. Конечно, ими вполне могли стать показания экипажа U-977 — однако эти ребята поклялись никому ни о чем не рассказывать. И очень даже понятно почему!

Дмитрий Никитин «Пусть всё кругом горит огнем»: а вот тут мы видим всё глазами американского летчика, подбитого над Германией, но сумевшего дотянуть до неба Швеции. И ведь мы все знаем этого летчика, точнее — того, кем он стал! Знаем с самого детства…

Витольд Зайчонски «Узел»: польский полуэскадрон первых недель Второй мировой войны — и римский легион с… не понять, какой войны. Что свело их вместе? И чье еще оружие вплелось в этот случаем завязанный кровавый узел?

Раздел седьмой — «За воротами гетто». Тоже незачем что-либо объяснять, пусть

даже эту сторону войны сейчас многие усердно стремятся замолчать или даже отрицать.

Елена Лаевская «Кукла товарища Берии»: эта кукла осиротела в Освенциме. После войны она вернулась к единственной из своих уцелевших маленьких хозяек и до сих пор живет у нее, но периодически исчезает с насиженного места, а где-то в это же самое время вдруг умирает закулисный торговец оружием, в одном из государств заканчивается фашистский режим или происходит что-то не менее значимое…

Инна Девятьярова «Это было в Любавичах»: вот тут молитва действительно помогла спастись. Бывает же такое? Во всяком случае, в фантастике?

Григорий Панченко «Смерть Геометрии»: вот так встретились посреди сугробов партизаны двух войн, называемых Отечественными. Одни — из отряда, названного то ли в честь звезды Давида, то ли в честь Дениса Давыдова… а другие о Денисе Давыдове не только слышали, но и видели своими глазами.

Раздел восьмой и последний — «Старые страницы». Тут, как в «декабристском» сборнике, представлено творчество современников: тех, кто предощущал ту войну, застал ее, принимал в ней участие, погиб на ней… Тех, кто сумел воплотить свои ощущения в фантастике. Наши и не наши, знаменитые и малоизвестные, профессиональные мастера литературы и те, кто обращался к ней лишь эпизодически.

Фрагмент довоенного романа советского писателя Ефима Зозули «Заседание правления Мастерской Человеков», опубликованный через много лет после того, как его автор погиб на исходе 1941 года.

Фантастический рассказ известного популяризатора науки И. Нечаева (он же Яков Пан) «Белый карлик»: автор пал смертью храбрых тоже на исходе 1941 года, командуя ротой ополчения.

Герберт Уэллс (его-то представлять читателям не надо!) с двумя слившимися в этой публикации рассказами-главами «Ураган последней войны» и «Бродячая смерть» из очень своеобразного романа в новеллах (или даже в эссе?) «Облик грядущего», написанного и опубликованного в 1933 году, когда Муссолини уже на слуху, Гитлер тоже… но еще в гораздо меньшей степени. Эта часть романа повествует о событиях 1940—1950 годов и изумляет поистине странным сочетанием удивительно зорких прозрений и близоруких промахов.

Бельгийский поэт, прозаик, художник, фотограф и музыкант Фернан Дюмон (Демустье) с сюрреалистической новеллой «Влияние солнца», написанной уже под оккупацией… что очень чувствуется. Он почти сразу принял участие в Сопротивлении, в 1942 году был арестован, отправлен в концентрационный лагерь «Берген-Бельзен», где и погиб уже в самом конце войны…

Самый неожиданный автор в этом разделе — Гилберт Кит Честертон с повестью «Месть статуи»: он умер еще в 1936, для него это возможное будущее, а вот для нас — альтернативная история Второй мировой войны. Пускай даже почти неузнаваемой: в роли главного врага предстает «новое государство, возникшее в Сибири и поддерживаемое Японией и прочими могущественными союзниками». Вариант, конечно, экзотический — однако сразу после прихода Гитлера к власти Честертон тут же распознал в немецком фашизме основную опасность и все оставшиеся ему годы жизни пытался обратить на это внимание своих закоснелых в политической близорукости соотечественников.

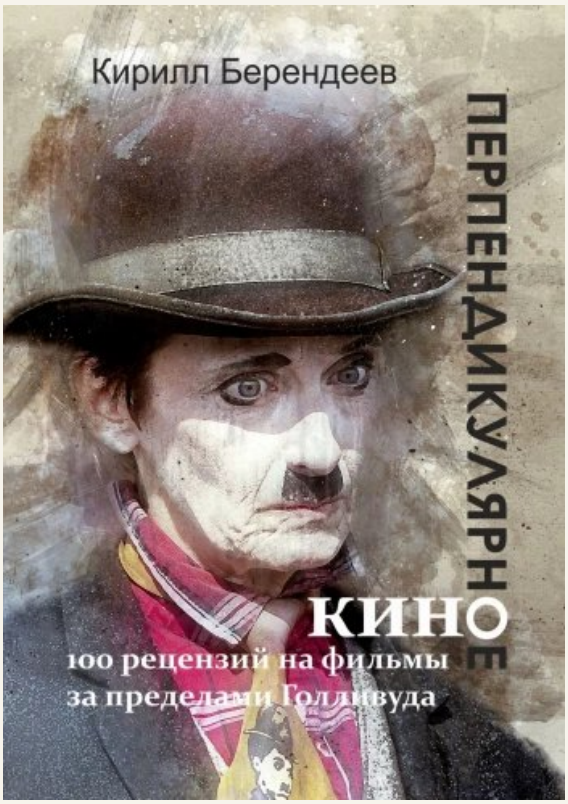
Что тут скажешь: похоже, фантастам и в самом деле «видно дальше»…

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a87262d241a0', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Книжный компас: информация для читателей

АВТОРСКИЙ МАТЕРИАЛ MANUSCRIPT

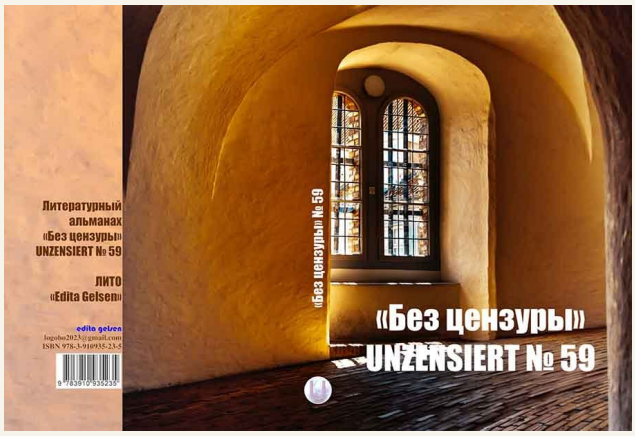
Кирилл Берендеев

Перпендикулярное кино (100 рецензий на фильмы за пределами Голливуда)

Информация о том, как можно заказать книгу: https://ridero.ru/books/perpendikulyarnoe_kino/

В сборник вошли рецензии на зарубежные фильмы, вышедшие в последние годы за пределами голливудских студий в самых разных странах мира: от Франции до Камбоджи, от Новой Зеландии до США (независимых студий), во всех жанрах, кроме скучного. Они разбиты на несколько разделов, в зависимости от жанров: драмы и мелодрамы, комедии, детективы, исторические, ужасы и триллеры, фантастика, детские и подростковые.

Вышел очередной коллективный сборник (альманах) «Без цензуры» (Unzensiert)

Наша страница в сети: http://editagelsen2023.com/

Мы на Фейсбуке: https://www.facebook.com/edita.gelsen

Мы на ВК: https://vk.com/id563060152

Вышел в свет сборник антиутопий «Будущее, которого мы избежали», посвященный 120-летию со дня рождения Джорджа Оруэлла. Сборник вышел на редкость толстый, почти в 500 стр. Его можно приобрести по себестоимости 6,5 евро в издательстве «Эдита Гельзен», написав на адрес westfalia-books@mail.ru. Там же можно уточнить вопросы оплаты и доставки.

Сборник можно скачать в любом удобном для вас формате по этой ссылке: https://disk.yandex.ru/d/IARCerSrlZKCfQ, также можно ознакомиться с предыдущими изданиями серии «Созвездие Эдиты» в формате пдф вот здесь: https://disk.yandex.ru/d/Yyee6HtWW7nQIg

Редакция и составитель традиционно ждут от вас отзывов и комментариев. Распространение информации о сборнике всячески приветствуется.

Разрешите представить сборник «Лоскутная фантастика под любое настроение».

Наши настроения непостоянны. Мы смеёмся над забавными происшествиями, грустим, когда нам чего-то не хватает, боимся — каждый своего. Мы мечтаем и фантазируем, разочаровываемся и надеемся. Такова жизнь, таков этот сборник.

Наверное, не найдётся читателя, которому понравятся все рассказы этой подборки. Но надеюсь, что каждый читатель обнаружит здесь что-то для себя.

Сборник состоит из 37 рассказов, разделённых на три части. Первая — юмористическая, здесь встречаются как реалистические, так и фантастические произведения, лёгкая ирония и чёрный юмор. Вторая часть сборника состоит из фантастических рассказов. Большинство из них принадлежат жанру социальной фантастики, но есть и пара мистических.

Третья и последняя часть сборника состоит из рассказов ужасов, мрачной мистики и т. п.

Теперь судьба книжки зависит от читателей. И я с замиранием сердца жду, заинтересует ли вас подобная подборка.

До 1 июля книгу можно заказать по цене 750 рублей за экземпляр (твердая обложка, 268 страниц, доставка оплачивается дополнительно по тарифам «Почты России»), отправив заявку на почту m-periscope@yandex.ru

В заявке нужно указать:

1. Название книги.

2. ФИО и адрес получателя.

3. Количество экземпляров.

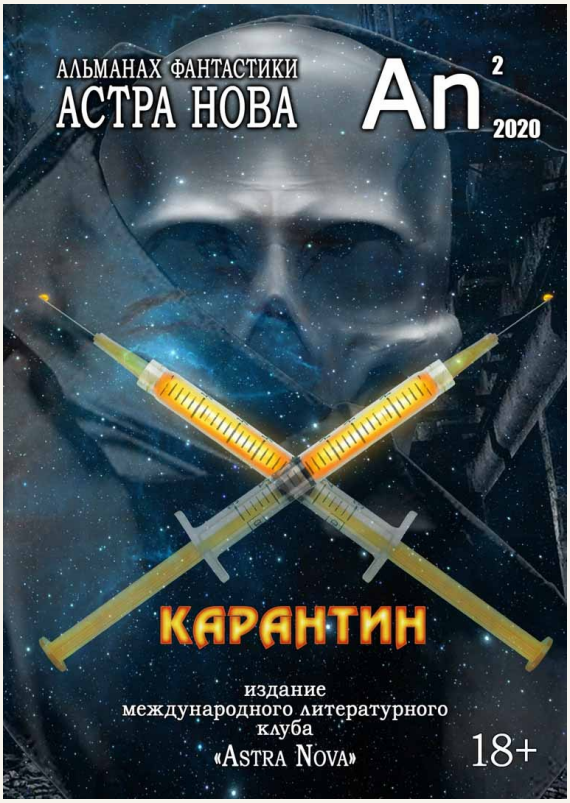
Ссылка на объявление издательства: https://vk.com/wall-137370134_35298

Распространение информации приветствуется.

Издательство Беляевского фонда поддержки и развития литературы выпустило отдельной книгой историко-приключенческую повесть Андрея Балабухи и Сергея Удалина«Сказание о купце Садко и Сигтунском походе».

К огромному сожалению, Андрей Дмитриевич свою книгу уже не увидит.

В каком-то смысле издание повести можно назвать выражением благодарности учеников ушедшему учителю. Сергей Удалин был соавтором Андрея Дмитриевича, Татьяна Громова написала стихотворение, необходимое по сюжету книги, а также занималась версткой и прочей предпечатной подготовкой, Мария Акимова отвечала за художественное оформление, а Игорь Кайбанов добавил предисловие.

Если такие трудности вас не пугают, указанную выше сумму следует перевести на банковский счет Татьяны Громовой, номер сбербанковской карты: 4276 5500 5633 6285, держатель Татьяна Витальевна Г.

Разумеется, параллельно с этим необходимо отослать сообщение с указанием, кто, когда и сколько перевел. Во избежание недоразумений.

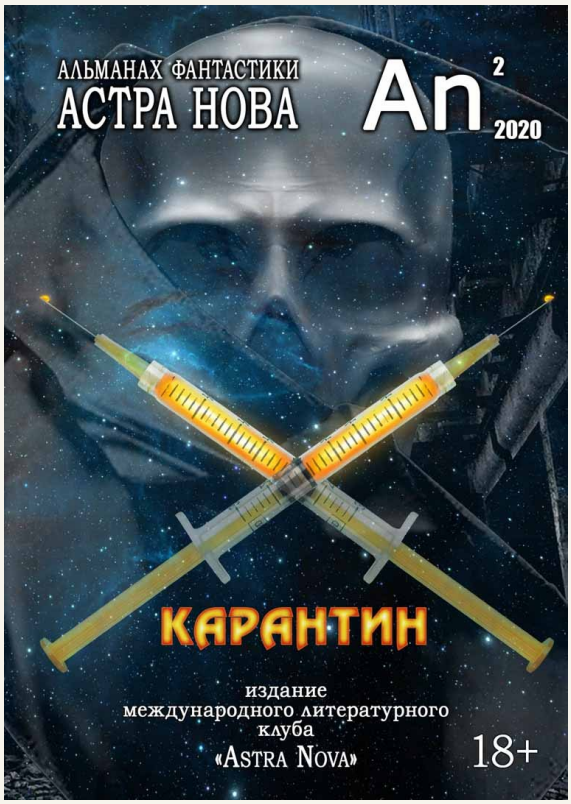
Желающие просто поддержать проект также могут отправить пожертвование в произвольном размере на тот же счет.

Распространение информации о книге и самого текста, а также обсуждение повести всячески приветствуются.

Приятного чтения!

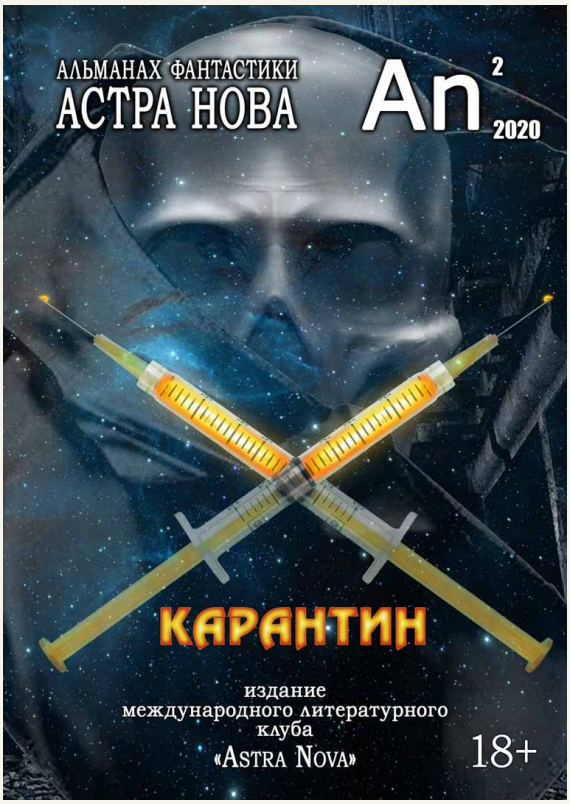

«Сохрани мои письма...» // Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 6. / Составители: И. А. Альтман, Р. Е. Жигун, Л. А. Тёрушкин // Под ред. и с предисловием И. А. Альтмана. — М.: Центр «Холокост», 2021. — 384 с.

Скачать сборник (Впервые электронная версия сборника выкладывается вместе с иллюстрационной вкладкой — см. конец файла. Файл защищён от копирования, доступен только для чтения. Печатную версию спрашивайте, написав на адрес romazhigun@mail.ru)

Опубликован очередной выпуск сборника работ победителей и лауреатов XX Международных конкурсов, посвященных Холокосту.

Уже год, как с нами нет Владислава Крапивина. Он ушёл очень символично: в День знаний, 1 сентября — в возрасте 82 лет. К годовщине (ну, с небольшим опозданием) этого траурного события издательство «Снежный Ком М» подготовило памятный сборник «крапивинской» фантастики. Под «крапивинской» фантастикой в данном случае подразумеваются и тексты, действие которых происходит в созданных Командором мирах, и просто выдержанные по духу как некое духовное наследие. Дополнительная информация: сборник этот составлен по итогам конкурса «Стоптанные Кирзачи-10», для журнала «Горизонт» отнюдь не чужого!

Оставить комментарий Отменить ответΔdocument.getElementById("ak_js_1").setAttribute("value", (new Date()).getTime());#respond

MANUSCRIPT

Джулиус Лонг. Защита почила в бозе

Это юридический детектив — или рассказ о зомби? В каком, говорите, году он написан?

ДЖУЛИУС ЛОНГ MANUSCRIPT

Мы уже публиковали биографию этого автора, так что не будем повторяться, просто отсылаем читателей к майскому номеру «Горизонта». Рассказ «Защита почила в бозе», опубликованный в июльском номере «Weird Tales» за 1938 год, относится к «судебно-детективному» этапу творчества Лонга — но фантастика в нем отнюдь не позабыта!

Джейсон Сандерс бесстрастно глядел, как двенадцать присяжных с важным видом рассаживаются по местам. Краем блёклых глаз он с насмешливой презрительностью наблюдал за потным типом, который съёжился рядом с ним. Тип потел потому, что от вердикта зависела его жизнь. А съёжился потому, что был виновен. В душе Джейсон Сандерс посмеивался. Он заранее знал: его клиента не поджарят на электрическом стуле. Ни одно жюри ещё не выносило смертный приговор за какие-то полчаса. Так что приятное ощущение триумфа восхитительно переплеталось с удовольствием от чужого страха.

У дверей, поближе к телефонам, толпились газетчики, в любую секунду готовые подбежать и пристать как репей. Они не сводили с Джейсона Сандерса глаз.

— Ему плевать, — шепнул один.

— Он прекрасно знает, чем закончится слушание, — отозвался другой.

— Ему всё равно, деньги-то получил, — многозначительно бросил третий: под его опухшими от разгула глазами виднелись мешки, а все лицо выглядело словно воплощение цинизма.

Присяжные тяжело опустились на стулья, и в зале повисла тишина, нарушаемая лишь редкими шепотками прессы. Судебный пристав грозно зыркнул на репортёров, и те умолкли. Все взгляды обратились к старшине присяжных.

Судья устало посмотрел на старшину.

— Господа, вы вынесли решение?

Старшина поднялся.

— Да, ваша честь.

— Передайте его суду.

Старшина через секретаря передал сложенный лист бумаги судье. Тот пробежал решение глазами и хмуро вернул помощнику.

— Подсудимый, встаньте для оглашения вердикта.

Подсудимый, по лицу которого градом катился пот, поднялся. Секретарь откашлялся и зачитал противным тенорком:

— Мы, присяжные заседатели, будучи должным образом отобраны и приведены к присяге, признаём подсудимого Луиса

Падулло невиновным по предъявленному обвинению.

Секретарь сложил листок и отдал помощнику. Судья, разведя руками, отпустил присяжных.

* * *

Освобождённый без сил рухнул на стул. Джейсон Сандерс невозмутимо встал, поправил галстук и глянул через зал на Робертса. Окружной прокурор сидел неподвижно, обхватив руками раскрасневшееся лицо. Рядом прожигал Сандерса взглядом бледный, болезненного вида юноша. Сандерс пожал плечами и двинулся на выход.

— Повезёт в следующий раз! — бросил он Робертсу.

Робертс вскочил, в три широких шага настиг Сандерса и погрозил ему пальцем.

— Сандерс! — взорвался он. — За все годы практики я не видел подобного издевательства над правосудием! Это же надо так нагло сфабриковать улики! Подкупить толпу лжесвидетелей!

— Рад слышать, что я расширил ваш кругозор.

— Вы позор адвокатуры! — почти сорвался на крик Робертс.

— Главное, что не жалкий неудачник.

Казалось, Робертс готов разразиться новыми проклятиями, но вдруг он осёкся и произнёс нарочито спокойным голосом:

— Запомните мои слова, Сандерс. Однажды вы убийцу не отмажете… своего собственного!

Сандерс на мгновение сбросил маску равнодушия и с интересом прошёлся взглядом по прокурору.

— Это угроза?

— Нет. Просто констатация факта. Когда-нибудь, где-нибудь кто-нибудь воздаст вам по заслугам. И кто бы это ни был, на суде вас не окажется рядом, чтобы его защитить.

Сандерс насмешливо посмотрел Робертсу в глаза, рассмеялся в лицо и неспешно двинулся к выходу.

— А ведь Робертс, пожалуй, прав. Только при таком раскладе дел я и не смогу выиграть, — пробормотал он себе под нос.

* * *

О клиенте все забыли. Газетчики обступали Сандерса со всех сторон, фотографируя только его одного. Ему нравилось мелькать в газетах. Он отлично получался на снимках и выглядел именно так, как и подобает великому адвокату по уголовным делам. Джейсону Сандерсу было пятьдесят, и сохранился он на свои годы, но многие из этих репортёров отдали бы молодость за столь благородную осанку. Человеку с таким лицом нужна дьявольская изворотливость, чтобы ему соответствовать.

— Пару слов для прессы, мистер Сандерс? — заискивали газетчики.

Он слегка наморщил лоб, извлекая из глубин памяти тщательно подготовленную домашнюю заготовку, которую пристало время выдать за очередной экспромт.

— Мой многоуважаемый оппонент, окружной прокурор Робертс, довольно прозрачно намекнул, что в этом деле правосудие было не на моей стороне, — небрежно сказал Сандерс. — Можете передать своим недалёким читателям, что любой дурак попрёт напролом, если уверен в собственной правоте. Но идти напролом, будучи кругом неправым, под силу только по-настоящему хорошему адвокату!

Выдав эту тираду, Джейсон Сандерс удалился.

Несколько человек угодливо расступились перед ним у лифта и навострили уши, пытаясь разобрать, что он бормочет под нос. И не расслышали. Но несомненно догадались бы, стой они рядом в тот момент, когда прокурор Робертс запальчиво бросил в сердцах: «Однажды вы убийцу не отмажете… своего собственного!» — именно эту фразу, спускаясь, повторял Джейсон Сандерс.

* * *

Поджидавший на улице шофёр расплылся в широкой улыбке. Он грелся в лучах славы своего нанимателя и воспринимал эту победу как личную.

— Отлично сработано, босс!

Сандерс изо всех сил пытался скрыть удовольствие от этой искренней лести. Его раздражало, что он не на шутку привязался к здоровяку-шофёру. Всю жизнь Джейсон Сандерс намеренно руководствовался лишь собственными интересами. Только он начинал испытывать любовь к ближнему, как сразу понимал, что перебрал с выпивкой и пора ехать домой отсыпаться. Тем не менее сейчас он просиял.

Надо будет дать парню дополнительный выходной.

Уже занеся ногу на подножку лимузина, Сандерс почувствовал, что кто-то тронул его за рукав. Он раздражённо обернулся и сразу расслабился, увидев знакомое лицо. Тонкие пальцы, вцепившиеся в его локоть, принадлежали тому самому бледному, болезненному на вид юноше, что просидел весь суд рядом с прокурором.

— Здравствуйте, Костелло, — терпеливо вздохнул Сандерс. — Чем могу быть полезен?

Костелло промолчал. Убрав руку с локтя, он сунул её в боковой карман пальто. Когда рука показалась снова, в ней блеснул маленький однозарядный пистолет иностранного производства. Крошечное дуло смотрело адвокату прямо в сердце.

Сандерс небрежным жестом остановил шофёра, который уже рванулся было на помощь.

— Ай-яй-яй, Костелло! Что за манеры! — снисходительно произнёс он. — Я лишь выполнил долг перед клиентом. Вы говорите, Падулло убил вашу сестру. А присяжные только что сказали: нет. Вот и всё. Так что уберите свою игрушку, и давайте пожмём друг другу руки.

При виде протянутой ладони у Костелло едва заметно дрогнули губы. А затем юноша нажал на спуск.

* * *

Очнувшись в незнакомой комнате, Джейсон Сандерс впал в панику. Сколько он уже лежит здесь в одиночестве? Кто знает…

Через пару минут, как пришёл в себя, Сандерс попробовал сесть, но не смог. Сначала не придал этому особого значения. Наверняка просто занемели мышцы. Сейчас тело окончательно проснётся, и он встанет.

Но секунды складывались в минуты, и уверенность быстро таяла. Явно произошло что-то из ряда вон выходящее. Такого с ним ещё не бывало. Голова работала предельно ясно, но тело оставалось деревянным и не слушало приказов мозга.

Сандерс долго пялился в одну точку на потолке, а потом осознал, что смотреть куда-то ещё просто не может. Как ни старайся, взгляд не перевести. Даже ресницами не моргнуть. Оставалось лишь лежать неподвижно и бессмысленно таращиться в эту точку на чужом потолке.

Это открытие привело его в бешенство. Ни один пленник, крепко связанный злейшим врагом, не закипал от собственной беспомощности сильнее.

Через несколько секунд бесплодной ярости удалось взять себя в руки и воззвать к рассудку. Сандерс начал думать, в обратном порядке восстанавливая ход событий.

Ослепительная вспышка. Землистое лицо. «…уберите игрушку… выполнил долг… ай-яй-яй, Костелло…»

Значит, в него стреляли! Этот идиот Костелло всё-таки спустил курок своего пистолетишки. Джейсон Сандерс рассмеялся бы, да только не мог извлечь смех из своего окаменевшего тела. На Костелло он совершенно не злился. Будучи человеком, напрочь лишённым чувства справедливости, он не имел права ждать её от других и потому не таил обид.

Мгновенно позабыв о парне, он сосредоточился на своём пугающем состоянии. Очевидно, пуля из этого дурацкого пистолета задела какой-то важный нервный узел и вызвала паралич. Отчаяние захлестнуло с головой.

Неужели он так и останется беспомощным калекой? Возможно, всё не так плохо. Вдруг это лишь временный шок? Нужно немедленно выяснить правду. Наверняка где-то рядом есть врач или медсестра: эта незнакомая комната — явно больничная палата.

Сандерс решил позвать на помощь.

Но губы не шевельнулись. Язык лежал во рту мёртвым грузом. Снова нахлынула злость. Как же дать понять, что пришёл в себя? Почему рядом никого нет? Хороша больница! Неужели персонал не соображает, что нельзя бросать тяжелораненого без присмотра?

Сандерс пытался выдавить крик о помощи — безрезультатно. Ещё попытка — и снова впустую. Десятая, сотая — то же самое. Если бы хоть немного шевелились губы! Увы, оставалось только ждать.

* * *

Ждать пришлось недолго. Из коридора донеслись шаги и приглушённые голоса. Наверное, врач и медсестра, решил Сандерс. На секунду его охватил ужас. Вдруг пройдут мимо? Слава богу! Заходят.

Но эти двое не подошли к нему. Они пересекли комнату и остановились в другом её конце. Сандерс попытался глянуть, но шея не поворачивалась, и глаза всё так же сверлили точку на потолке.

Послышался знакомый шум: совсем рядом кто-то набирал номер на дисковом телефоне.

— Алло, — произнёс холодный профессиональный голос. — Это доктор Асман. Мы закончили, можете забирать тело в любое время. Оно в общей приёмной, третье слева. — Пауза. — Отлично. Гауэнс или я будем на месте… а скорее всего — оба.

Трубка со стуком опустилась на рычаг.

Джейсон Сандерс опешил. Доктора Асмана он знал отлично: тот заведовал городским моргом.

— Может, закроем ему глаза? — спросил второй голос.

Этот голос тоже был знаком. Молодой Гауэнс, помощник Асмана.

— Без разницы, — ответил Асман. — Гробовщик приедет, сам всё сделает.

— Но к тому времени может наступить трупное окоченение, — настаивал Гауэнс.

— Вряд ли. Он здесь всего два часа. Гробовщик будет через час. Времени полно.

— Возможно, но у Сандерса сегодня выдался тяжёлый день. Отговорить присяжных от намерения зажарить такую крысу, как Падулло, — та ещё работёнка. После такого нервного истощения тело коченеет очень быстро.

— Ну ладно, давай глянем.

Двое мужчин подошли ближе.

Сандерс поразился до глубины души. Он не в больнице. В морге. И эти люди считают его мёртвым!

Он, Джейсон Сандерс, мёртв? Немыслимо! Нужно доказать им обратное. Подойдёт что угодно: дрогнувшее веко, дёрнувшийся палец — абсолютно всё. В панике Сандерс собрал всю свою волю, пытаясь совершить хотя бы крошечное движение. Пробовал выдавить из себя слово, сжать пальцы в кулак. Но всё впустую — тело словно забыло, как двигаться.

Сандерс представил, как выглядит со стороны — голый, разумеется. Столько раз он приходил сюда сам! И равнодушно смотрел на белые трупы тех, кого убили его подзащитные. Мысль о морге, хоть и леденившая душу, обнадёживала одним: любое движение точно не останется незамеченным. Сандерс попытался снова. На этот раз — пошевелить пальцами ног: уж это-то не так сложно. Куда там! Теперь пришлось убеждать в том, что жив, не только Асмана и Гауэнса, но и себя.

Врачи ощупывали его тело. Сандерс не чувствовал кожей их рук, но краем глаза улавливал движения. Вот Асман приподнял ему подбородок.

— Видишь, как легко закрывается рот? Смотри.

Голову Джейсона Сандерса повернули, его взгляд скользнул по потолку и упёрся в накрытую простынёй фигуру неподалёку. Дальше виднелось ещё одно белое пятно. «Третье слева». Это про него, про Сандерса. Он живо представил, как выглядит со стороны — просто ещё один из множества трупов в ряду. Трупов? Сандерс уже воспринимал свою смерть как данность.

— Верно, ещё мягкий, но подождите пару минут, — сказал Гауэнс. — Я видел такое сотни раз. Когда человека убивают на пике умственного и физического истощения, как это произошло с Сандерсом, трупное окоченение наступает быстро… и выраженно. Как судорога.

— Но не настолько же быстро. Гробовщик успеет. С этой работой ему повезло: всё опрятно, никакой кровищи. Видел когда-нибудь более чистое входное отверстие? Прямо в сердце. Джейсон Сандерс умер ещё до того, как упал.

— Да. И до сих пор выглядит удивлённым.

— И всё же на лице печать интеллекта. Великолепного ума был человек… сильный, волевой.

— Это так, — согласился Гауэнс. — Только теперь от него никакого толку. Сандерс больше не отмажет ни одного убийцу. Выбрал свою квоту одураченных присяжных.

Асман вздохнул.

— Мальчишка Костелло убил единственного адвоката в городе, способного вытащить его с электрического стула. Я так понимаю, он нанял в защитники Билли Уильямса. Билли — парень толковый, но Джейсону Сандерсу не ровня.

— Увы. Знаете, а я бы хотел, чтобы парнишка выкрутился. Если газеты не врут, Костелло застрелил Сандерса не потому, что он оправдал Падулло, а из-за той грязи, которой облили сестру на суде.

— Что ж, таковы правила игры. Выбить для Падулло хотя бы призрачный шанс можно было только одним способом — лишить присяжных сочувствия к девчонке. Когда суд решил, что жертва в десять раз порочнее убийцы, убийцу просто перестали винить.

— Но была ли девчонка такой?

— Скорее всего, нет. Костелло твердит, что все свидетельства против неё — фальшивка. Он боготворил сестру, считал её ангелом. Потому и всадил пулю в Сандерса.

— А теперь за это сгорит.

— Полагаю, да. И всё же, сумей Билли Уильямс доказать, что свидетели солгали под присягой, — ни одно жюри в мире не осудит парня.

— Но как Уильямс это докажет? Джейсон Сандерс был не дурак. Не оставлял концов, до которых могла бы докопаться дисциплинарная комиссия. Он разыгрывал подобную карту сотни раз. Как-то сказал мне: убийца, считай, уже одной ногой на свободе, если удалось доказать, что жертва была ничем не лучше. Мол, он всегда первым делом добивался именно этого.

— Да, в этом что-то есть, — признал Асман. — Взять хотя бы нынешний случай. Знаешь, что сделал бы Сандерс, защищай он Костелло? Нарыл бы целую толпу свидетелей, и те убедили бы присяжных, что он — в смысле, сам убитый — заслуживал смерти. Сандерс продемонстрировал бы, как натаскивал свидетелей лгать в суде. Наверняка кто-то мог бы рассказать правду, но лишь он знал, где искать таких людей.

— Ну, нельзя же ждать, что Сандерс отмажет собственного убийцу, — усмехнулся Гауэнс.

— Да уж, — согласился Асман. — Это перебор даже для него. Ладно, пошли отсюда. У нас работы полно.

Асман направился к двери. Гауэнс, прежде чем уйти, украдкой подошёл к Сандерсу. И внезапно Сандерс перестал видеть. Гауэнс всё-таки закрыл ему глаза. Затем оба врача удалились.

* * *

Сандерс даже не попытался их окликнуть. Теперь он понимал всю тщетность таких попыток. Он мёртв. Будучи реалистом, Сандерс отбросил надежду. Оставалось только лежать и думать.

Но само русло его мыслей странным образом изменилось. Всю жизнь он волновался исключительно о себе. Абсолютный, беспримесный эгоизм — вот чем была его этика. Если Сандерс случайно совершал бескорыстный поступок, такое становилось поводом для раскаяния и мук совести. Это было слабостью, непростительной слабостью. На таком этическом фундаменте Джейсон Сандерс выстроил всю свою взрослую жизнь.

Но теперь его не стало. Он умер. Умер и больше не может плести хитрые интриги ради собственной выгоды. Собственные мелкие амбиции кажутся ничтожными, абсолютно неважными. О Джейсоне Сандерсе думается исключительно в третьем лице — объективно и отстранённо. Он стал лишь одним из множества персон, теснящихся в памяти.

На фоне всех этих лиц только одно выделялось ярко и отчётливо. Землистое лицо того парня, Костелло. Сандерс ловил себя на том, что думает о нём с теплотой, с жалостью. Мальчишка оказался глупцом. Совершил преступление открыто, на глазах у толпы. Убил, чтобы отомстить за подлость, и теперь поплатится за это жизнью.

Те двое врачей рассудили верно. При всём своём адвокатском таланте Билли Уильямс в жизни не распутает клубок лжесвидетельств, который так успешно уничтожил репутацию Марии Костелло. А ведь ключевой свидетель, способный доказать этот обман, действительно существует. Но только он, Сандерс, в курсе, как зовут этого человека и где его искать. Вызови свидетеля в суд — и мир узнает, на какую гнусность пошёл Джейсон Сандерс ради спасения клиента. От былого сочувствия к убитому не останется и следа. Вот только найти этого свидетеля может лишь Сандерс, а он мёртв.

Словно из далёкого, туманного прошлого всплыли в памяти злорадные слова прокурора Робертса: «Однажды вы убийцу не отмажете…» И сейчас Джейсон с радостью бы пожертвовал всеми своими знаменитыми судебными победами, лишь бы добиться оправдания Костелло, своего убийцы.

А ведь, будь Джейсон Сандерс жив, выиграть это дело оказалось бы проще простого. Но он лежал в оковах смерти, бессильный воспользоваться своими знаниями. Механически выстраивал линию защиты. Группировал факты, формулировал вопросы, вызывал свидетелей, доступных ему одному. В конце концов жуткая ирония ситуации навалилась невыносимым грузом, заставив оборвать бесплодное планирование.

Если бы только можно было как-то связаться с Билли Уильямсом, дать ему пару имён и адресов! С этими сведениями защитник развернётся во всю мощь, и победа сама собой ляжет ему в руки… Телефон же совсем рядом. Если бы только…

И в этот миг телу вернулась подвижность — стремительно, безо всякого предупреждения. Джейсон оказался совершенно не готов. Казалось, его цепи разлетелись вдребезги. Он спрыгнул со стола, покачнулся, но устоял. Глаза распахнулись и нашли телефон на стене. Ни секунды не раздумывая, Сандерс бросился к нему. Ведо́мый единственной навязчивой идеей, он сорвал трубку с рычага и начал лихорадочно крутить диск.

* * *

Доктор Асман с недоумением смотрел на Билли Уильямса.

— Вы наверняка ошибаетесь. Последние сорок пять минут мы с Гауэнсом не отходили от этого телефона. Уверяю вас, мы к нему даже не притрагивались. И в кабинете, кроме нас, никого не было.

Уильямс пожал плечами:

— Говорю же, звонок отследили. Это не составило труда, потому что позвонивший не положил трубку. На коммутаторе говорят, он звонил из городского морга.

Асман и Гауэнс посмотрели на Уильямса с сомнением.

— В конце концов, так ли уж важен этот звонок?

— Пока не знаю. Тот человек продиктовал целый список имён и адресов. Я на всякий случай их записал. Меня только что наняли

защищать Костелло, и я нутром чую: этот звонок как-то с ним связан.

— Голос не узнали?

— Нет. Никогда не слышал ничего даже отдалённо похожего.

Все трое озадаченно замолчали. Вдруг Гауэнс поднял взгляд на начальника:

— Слушайте, а как насчёт того телефона в общей приёмной?

Асман резко его оборвал:

— Чепуха. Вход в неё все время оставался у меня на виду. Я часто поглядывал в ту сторону, ждал гробовщика.

Уильямс заинтересовался:

— А другие телефоны в здании есть?

Асман и Гауэнс кивнули со своих стульев. И в следующее мгновение застыли от жуткого, потустороннего воя, разнёсшегося по моргу. Уильямс вскочил на ноги.

— Боже! Что это?

Асман с Гауэнсом, дрожа, тоже встали. Вой — по-прежнему громкий и леденящий душу — доносился из приёмной.

— За мной, — бросил Асман и невозмутимо двинулся к выходу.

Гауэнс и Уильямс на дрожащих ногах последовали за ним.

В дверях приёмной все трое замерли. Страх постепенно уходил из их остекленевших глаз, напряжённые лица расплывались в улыбках. Жуткий вой, который всё никак не стихал, шёл из телефонной трубки: на станции связи пустили зуммер, сигнализируя, что трубка снята с рычага.

Гауэнс быстро шагнул вперёд и, вскрикнув от неожиданности, резко замер.

Повернувшись к Асману, он указал на тело у ног.

— Смотрите! Я же говорил! Трупное окоченение! Предупреждал ведь, что наступит раньше и будет мощным, как судорога… Глядите: прямо-таки спрыгнул со стола и откатился почти до телефона! Интересно, что…

Он уставился на трубку, которая покачивалась на шнуре.

Билли Уильямс тоже разглядывал трубку и скрюченное тело Джейсона Сандерса на полу. Внезапно он развернулся и быстро зашагал к выходу, рядом с которым стояла его машина. Нужно немедленно проверить полученные имена и адреса. Такого не бывает, но…

Перевод с английского Анастасии Вий

Под редакцией Григория Панченко

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a87264b5fe61', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Василий Немирович-Данченко. В 2428 году

Узнаёте лицо на экране? Не удивляйтесь: в 1928 году автору вдруг начало казаться, что через полтысячелетия все будет обстоять именно так…

ВАСИЛИЙ НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО MANUSCRIPT

Лекция о Льве Толстом через 500 лет

Василий Немирович-Данченко (1848—1936), старший брат Владимира Немировича Данченко — знаменитого театрального режиссера, соратника и соперника Станиславского, — несколько лет упоминался в нашем журнале как пример «дореволюционного килобайтщика». Писатель он действительно был чрезвычайно, даже как-то сверх меры плодовитый — но, с другой стороны, у него имелось что сказать, да и жизнь он прожил не просто очень долгую, а еще и в высшей степени насыщенную.

Его вклад в художественную литературу во многом является «процентом» с такого «основного капитала», как путевые записки — а поездил он по миру прежде всего в качестве военного корреспондента. Немирович-Данченко посылал репортажи с фронтов в общей сложности четырех войн, иногда лично принимая участие в сражениях, был награжден тремя боевыми орденами — и обращение к толстовским идеям, продемонстрированное в этом рассказе, выглядит… мягко говоря, странно. Но вот так трансформировались его жизненные установки в старости. Впрочем, до этого еще дойдем.

В Гражданской войне Немирович-Данченко участия не принимал: не только по возрасту, но, кажется, и по убеждениям. Вплоть до начала 20-х он, похоже, ждал, что ему и новой революционной власти удастся достичь какого-то консенсуса. Вроде бы к тому даже шло. Едва миновали сплошные неурядицы войны и разрухи, как его книги снова начинают издаваться, а сам он в 1922 году обращается за разрешением о выезде в Берлин, чтобы поработать в тамошних архивах для задуманного крупного исторического труда, и без особых проблем его получает… После чего в 1924 все же решает не возвращаться. И, хотя в эмиграции Немирович-Данченко, как пишут его биографы, «многого не принимая в жестоких буднях революции, все-таки не вступил в открытую и последовательную конфронтацию с покинутой родиной» — сказанного и сделанного, чего уж там, оказалось достаточно. В результате не только его книги надолго, на десятилетия исчезают из советских библиотек, но и советская власть с гораздо большей подозрительностью начинает смотреть на просьбы о выезде за границу для творческой работы…

Прожил он после этого еще долго, целых двенадцать лет. Рассказ этот был написан в 1928 году, вызвав неоднозначное отношение в кругах эмиграции. Впрочем, к старому

писателю все ее круги относились с уважением.

Уже давно Московский университет стал «Всемирным». В его громадные аудитории на Воробьевых горах стремились сотни тысяч юношей не только со всех концов федеративной республики Российской, но и из отдаленнейших уголков земного шара. Лекции читались на эсперанто, выработавшемся в настоящий язык, обогащенный словами всевозможных рас, и на русском. Особенным успехом пользовался знаменитый профессор Крылов. Ему отвели колоссальнейшую из галерей. В ее окна виден был чудовищный город, выраставший внизу в даль и в ширь. Он считал свое население в десять миллионов человек. Старый Клин, Богородск давно вошли в его пределы.

В эти солнечные дни Москва была особенно великолепна. Архаическая топка домов и фабрик, заволакивавшая ее несколько сот лет назад густым, удушливым дымом, давно отошла в смутную область полузабытых преданий. Уже два века люди овладели таинственными силами природы. Они незримо работали на людей, дышавших даже в таких мировых центрах чистейшим воздухом. Солнечное тепло, сгущенное в особых резервуарах, согревало все кругом. Небоскребы строились с плоскими крышами, обращенными в сады и цветники. И с высоты весь этот простор показался бы поэту и мечтателю XX века каким-то волшебным раем.

Недавняя паутина проволок, соединявшая университет с отдаленнейшими странами, была снята. Теперь эти сообщения бесчисленными норами пронизывали почву или передавались в пространство отражательными зеркалами, говорящими аппаратами, чуткими приемниками. Только бесчисленные крылатые машины самых причудливых форм и красок стаями пестрых птиц мелькали вверху. Профессоров Московского университета слушало все человечество. Люди, не обладавшие большими средствами или работою привязанные к определенному месту, давно уже освободились от необходимости оставлять свое жилье. Каждый у себя в определенные часы соединял зрительный и слуховой аппарат с аудиторией за тридевять земель и видел лектора и внимал ему так же, как и профессор в отражательные чудовищные зеркала своих студентов. Такими зеркалами были стены аудиторий и галерей, и в них теснились бесчисленные китайцы, японцы, малайцы, индусы, негры, за пятьсот лет приобщившиеся к мировому прогрессу. Вся западная сторона была занята европейскими слушателями. А в глубине настоящим муравейником мерещились смуглые юноши Персии, Аравии и отдаленнейших островов. Позади кафедры на грандиозном радиоэкране появлялись в живых изображениях люди и дела тех эпох, о которых рассказывал профессор.

Братство народов из области мечты давно стало настоящею явью, и храмы науки уже сделались достоянием не одного племени, а всего человечества.

Профессор Крылов читал историю словесности.

Сегодня он всю лекцию посвятил величайшему из русских писателей, жившему пять столетий назад. Перед слушателями на радиоэкране сменялись портреты этого поэта, проходили одна за другой воспроизведенные с этнографической и исторической точностью характерные сцены из его произведений, типы железного, жестокого века, с которым приходилось бороться его лучшим людям. В красках и движениях воскресали залитые кровью боевые поля с сотнями тысяч бойцов, избивавших друг друга, святые братские могилы, ставшие колыбелями свободы и братской любви в последующих поколениях. Все, от чего давным-давно отрешилось новое человечество. Каждый век, благоговейно чтивший замученных пророков предшествовавшего столетия, избивал своих апостолов, и теперь все эти светочи земли сменялись в величавых образах перед всемирной аудиторией.

— Вы видите во главе провозвестников правды величайшего гения тогдашней России Льва Толстого, — заканчивал о нем свою лекцию профессор. — Я уже вас познакомил с его жизнью. Рассказал и его борьбу и с людьми, и с самим собою, его

мучительное искание Бога в человеке и в таких потемках, которые в наше время казались бы анахронизмом в самых отдаленных уголках просветленной и просвещенной земли.

Сейчас на экране перед вами воздвигнутый всем человечеством памятник этому пророку любви и всепрощения. Да запечатлеются в наших чертах и те слова, которые сверкают на его цоколе: «Великому борцу — века им угаданные».

Он писал и учил не для своего сурового, беспощадного, кровавого времени. Через голову пяти веков он говорил нам, и то, что тогда казалось трогательной фантазией мыслителя, пленительной сказкой поэта, теперь стало обычной действительностью. Его идеалы увлекали современников. Они преклонялись перед ним, как некогда халдейские звездочеты чтили недоступные их пониманию глаголы светил небесных. По осуществлению его пламенной и неутолимой проповеди томились и плакали люди, но они знали, что, следуя ей, они вступают на тернистые пути мученичества. Он и его ученики работали для нас. История сохранила священную память о них. Синодиком с их именами мы, русские, гордимся особенно потому, что и Лев Толстой, и они вышли из глубин бездонных нашего народа. Он приобщил нас к великому движению всех времен и рас. Он завоевал нам удивление и уважение всего человечества. Не знавший покоя и отдыха, часто не понятый близкими, он уже мертвевшей рукой набрасывал строки, ставшие ныне реликвиями. В них великие заветы страдавших одиноких мучеников своим более счастливым потомкам.

Повторяю, он был чудной сказкой для века, его истерзавшего. Его проповедь сияла, как созвездие. Теперь эта сказка стала естественным условием жизни. Почвой, на которой росли мы, растут наши дети. Созвездия за 500 лет, медленно, сквозь туманы и стихийные бури, сквозь чудовищные катаклизмы изуверства, насилия, разбойнического хищничества, адского торжества палачей на нашей родине, сошли на землю. Теперь они горят у наших очагов, светят нам дома, на улице, в школах, в труде и отдыхе… Сквозь багровый мрак, объявший наше отечество, покрытое тогда несчетными Голгофами безвестных мучеников, они зажигали надежду в смятенных сердцах. И вера в предсказанное Толстым торжество правды сбросила камень с гроба великой России… Преклонимся же перед великим пророком и его веком, веком страдальческой борьбы, веком кровавых, беспримерных поражений, которые сияют нам ярче прославленных побед. Ибо в огне этих адских мук родилось новое человечество. Да, оно угадывало нас, работая под бичами безумных насильников. Сходя в ранние могилы, расчищало нам пути к такой простой и ясной правде!

Его образы в вечной красоте перед нами! В них живая история человечества за пятьсот лет назад. По ним мы учимсязнанию прошлого. И до Льва Толстого были пророки и мыслители. Но их произведения говорили уму. Таковы Лао-зы — китаец. Дзен — японец. Сократ — грек, и только Толстой соединил в себе глубину философа с прелестью и величием поэта, взывающего к сердцу человека. Он был и ближе и понятнее людям. Он говорил образами и мыслями. В нем они гармонично дополняли одни других. Но долог и труден был путь, которым человечество пришло к осуществлению его правды.

Вы все знаете, чем ознаменовались XX и следующий века. Нынешний уклад жизни стоил народам таких родовых болей, о которых не ведало даже мифическое варварство древности. Прежде чем принять заповеданное великими учителями, вся земля долго исходила судорогами небывалых войн, воздушных и подводных. Целые страны задыхались в дыму пожаров, отравлялись газами, открытыми подлейшими преступниками науки. Голодные и одичавшие люди миллионами бродили по пустырям. Руины великолепных по тому времени городов пахли трупами. Казалось, участь земли была решена. Полное истребление грозило старым племенам Европы под могучим напором усвоивших ее технику и военные знания и поднятых большевиками азиатских рас.

Россия, только что из ССС-эрии воскресшая свободною страною, еще не залечившая вчерашних ран, вся

полуистекавшая кровью, опять выдержала на себе эти страшные удары. Она вторично спасла не признававший ее Запад. Спасла, обливаясь кровью, в таких ужасах, о которых мы не имеем понятия. Но народ, создавший Толстого, Достоевского и Пушкина, умереть не мог. Когда красные факелы побед и поражений были вырваны из наших рук, на почти обезлюдевшем просторе загорелись кроткие светочи, и по озаренным ими дорогам пошли к общему счастью мира, свободы и братства недавние враги. Мы теперь только в музеях видим мрачные орудия истребления. Там в стали и железе, переданные нам прошлыми веками, — остатки тогдашней жизни. Вы помните, как впервые на мировом конгрессе в благородной чешской Праге — в этом географическом центре Европы — представители всех измученных народов постановили единогласно: «Каждого отныне, кто изобретает новое орудие для истребления человечества, сажать до смерти в сумасшедший дом, как опасного и помешанного врага всех племен земли». На следующем конгрессе в Пекине были выработаны международные суды и положены начала тому добру и правде, которым учил Лев Толстой. А через два века и суды не понадобились. Завоевание человеком воздуха и таинственных сил природы, когда войны отошли в злую старь, сгладило разницу между расами, границы государств остались только на древних картах, и мы теперь, памятуя Величайшего из Великих первомученика Христа, завещавшего: «Несть ни эллина, ни иудея», работаем заодно — как братья на общей Господней отцовской ниве.

Пятьсот лет назад бежавший от неправды и нестроения, Лев Толстой в мучительном искании вечной любви умер в жалком и бедном селении. В те времена память дорогих народу мертвецов современники молчаливо чтили вставанием.

Человечество! На экране перед тобой последний образ великого, угадавшего наш век за пять столетий вперед. Встань и ты перед этим пророком в благоговейном безмолвии. Да не погаснет память о его жизни и подвиге, пока будут стоять земля и мыслить народы!

И все человечество от полюса до полюса встало, поднялось перед изображением кротко смотревшего из-под нависших седых бровей учителя.

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a872350a5c1a', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });

MANUSCRIPT

Андрей Ренников. Русским Интернационал

Нет, никакой ошибки в заглавии! И это не призыв, а грамматика. Какого именно языка? Ну… разве их все сочтешь…

АНДРЕЙ РЕННИКОВ MANUSCRIPT

Андрей Ренников (1882—1957) — на самом деле Селитренников. Видная фигура на литературном фоне сперва дореволюционной России, а потом и эмигрантской среды. Прозаик, фельетонист, драматург, очень неплохой музыкант, человек с задатками крупного ученого — он «по жизни», как сейчас бы сказали, все-таки был прежде всего фельетонистом. Это отразилось и на его творчестве.

Публиковаться Ренников начинает в газетах, однако вскоре расширяет свою писательскую деятельность. К фантастике на дореволюционном этапе своего творчества он обращается часто, и не только в малой форме — но даже крупные произведения отмечены почти фельетонным, сатирическим отношением к сюжету и персонажам.

В целом Ренников считается представителем «цивилизованных правых». Конечно, дореволюционные воззрения не предопределяют реакцию на октябрьские 1917 года, но у Ренникова все получилось как раз ожидаемо: он примыкает к Белой гвардии, сражается, правда, «не штыком, но пером», в агитационных структурах. Вместе с войсками Деникина отступает до Крыма, в 1920 эвакуируется из него… В эмиграции продолжает работать как газетный сотрудник, писатель и драматург — причем доля фантастики, такой же фельетонной, в его творчестве даже растет.

В годы Второй мировой войны Ренников приложил все усилия, чтобы оказаться в наименее фашистской из стран, до которой выйдет добраться: сперва переехал из оккупированного Парижа на вишистский юг Франции, потом — в Грецию. И даже там жил отшельником, стараясь как можно реже выходить из дома…

Публикуемый в нашем журнале рассказ является частью сборника «Незваные варяги» (Париж, 1929). Входящие в него тексты наполнены не яростной сатирой и жаждой мести, а грустным юмором, замешанным на самоиронии. «Изгнание большевиков», после которого эмиграция получает шанс вернуться, лишь упомянуто без подробностей, как некая условная данность: Ренников явно не рассматривал возможность возвращения «на белом коне» или соответствующего цвета танке. Скорее в строках сборника проступает затаенная печаль — и тщательно скрываемая уверенность: в этой жизни его автору и читателям на родину возврата нет…

После свержения большевиков, когда эмиграция вернется в Россию, в Петербурге можно будет наблюдать любопытные бытовые сценки…

Вагон трамвая № 3 по-прежнему ходит от Новой Деревни до Балтийского вокзала. Народу много. Душно. Среди стука колес и звона окон слышны отрывки бесед, отдельные фразы.

— Ох, как жарко! Будто не Петербург, а Лемнос.

— Что Лемнос! Наш Сиди-Бишр вспомнишь.

— Мсье! Вы уронили пакет. Вот.

— Хвала лепо.

— Что? Сербской эвакуации? Вот приятно! Позвольте познакомиться: Журавлев. Тоже эсхаесец.

— Врло задоволен… Птичкин. Давно в Петербурге?

— Еденаедцать месяцев. Вы — белградец?

— Нет. Вранячкой Бани. А вы? Сараевский? Как же, бывал в Сараеве. Лепо. Прекрасный городок. Лукина случайно не знали?

— Господи! Как не знать. Приятели. Вместе в кинематографе в оркестре играли. Он на флейте, а я капельдинером.

— Доннерветтер! — раздается рядом с сербскими пассажирами сердитый голос. — Не толкайтесь, майн герр, когда разговариваете. Это вам не Тиргартен во время альге- майна штрайка.

— Действительно, субъект! Ляля, отодвинься. Сао джип, дингай геби чака деджазмач.

— Бер мытаф, мама, не обращай внимания. Беребеви альга ферендж чыки чыки.

— Сударыня, прошу вас не ругаться. Я не виноват, что тесно.

— Никто вас не трогает, мсье. Я просто разговариваю с дочерью по-абиссински.

— Мсье! Эйэ ла бонтэ, передайте деньги ресеверу. Мерси бьен. Плетиль? Десять сантимов? Виноват — копеек? А я думал, пять. Экскюзэ муа.

— Битте шен.

— Кому еще билеты? Господа! Прошу билеты! — раздается зычный возглас кондуктора.

— До краю, — сует деньги старушка.

— А мне до гар Монпарнасс. Пардон. До Балтийского.

— Нет, — слышится голос одного загорелого пассажира, — тигров мне не приходилось бить, но льва одного подстрелил, это верно. Возле Маракеша, знаете, к югу. Идем как-то мы, французы, на наш форт Кебиль, устали здорово после перестрелки с марокканцами. А тут вой… Лев ревет. Сержант и говорит: «Волонтеры, вперед! Кто хочет успокоить льва?» Была не была, думаю, целый день с марокканцами дрался, трудно, что ли, еще полчаса пострелять? А для русского престижа как-никак полезно. Вот и вызвался… Трое нас было — русские все.

— Убили?

— Уй.

— Мне в Бразилии не пришлось диких зверей встречать. Все в городах жил. Зато змей видел. Здоровенная это штука, сеньор, боа констриктор. Бревно. Я против змей там даже прибор изобрел, знаете: антисерпантин. Патент у бразильцев взял. На подоконник, если хотите ночью с открытым окном спать, кладется во всю ширину эдакая доска, а сверху окна в раме ходит тяжелый нож. Как в гильотине. Змее достаточно влезть на доску и добраться до середины, как нож вдруг падает — и трах. Тутто финито.

— Так, батенька, не только змею убить можно. И хозяин, если забудет да выглянет ночью в окно, тоже здорово пострадает.

— Си, синьор, может. Только хозяева-то там кто? Португальцы. Пусть сами и берегутся.

В вагон входит вместе с каким-то странным мужчиной молоденькая дама. Берется за ремень, подвешенный к потолку, оглядывается.

— Маруся, ты?

— Верочка? Господи!

Со скамьи порывисто поднимается пассажирка. Раздаются радостные поцелуи.

— Боже мой! Как я рада! Давно? Когда? Откуда?

— Уже две недели… Из Америки. Вот встреча! Кстати — мой муж. Познакомьтесь, пожалуйста… Ягуар, — обращается дама к господину, — ой фе, хым хым бурлюло. Маруся Овечкина, юйт там-тайтфью.

— Бур! — элегантно наклоняет голову муж. — Ол райт.

— Очень приятно. К сожалению только, не разобрала… Ну, Верочка? Рассказывай… Где была? Я тебя с 25 года потеряла из виду. А, между тем, мало изменилась. Такая же.

— Ах, милая! Родная! Разве можно успеть все в трамвае? Заходи ко мне. На Большую Монетную, № 5. Сегодня же. Поговорим. Вот расскажу! Вот порассказываю! И про Калифорнию, и про Аляску. Помнишь географию? Полуострова? То-то и есть. Последний год жила на берегу Онтарио. Не забыла озер? Мичиган, Эри, Онтарио… И нашего преподавателя географии Николая Петровича? Кстати, жив он? Так вот, я на Онтарио… Там познакомилась с мужем. И хотя он индеец и почти совсем не говорит по-английски, но какой прекрасный человек. Мы безумно любим друг друга. Ягуар, это моя подруга детства, понимаешь? Урлятру гур са фиф ы ы няу мяй.

Вагон останавливается на углу Садовой и Невского. Огромная очередь у остановки. Какой-то господин вскочил на площадку.

— Нет местов! Господин, прошу сойти!

— Я ведь поместился.

— Господин, прошу сойти! Я не пущу вагона.

— Слушайте… Мне спешно нужно на вокзал. На брзый воз.

— Прошу сойти!

— Кондуктор, — вмешивается Журавлев, услышавший сербские слова «брзый воз». — Если человек поместился, значит, место есть. Молим, господине! От какого вароша сте вы?

— А! Наш? Я из Ниша. Приятно! Па шта очет за мене кондуктор? Хвала Богу, има струя, има место… А он лютится, као нелепа животина.

— Господин! Прошу вас сойти!

— Он не сойдет, кондуктор. Мы не допустим. Птичкин, хайда овде! Господине, не мойте да излазити.

— Мессие, — спрашивает вдруг кто-то из середины вагона. — Э пуркуа мы стоим? Ресевер! Депеше ву. Что там? Скандал? Мон Дье, я опоздаю на поезд.

— Господа! — суетится Журавлев. — Кто здесь сербской эвакуации? Наших притесняют! Это нахальство! Французы! О секур!

— Эй, майн герр, битте зер, слезайте, вам же сказали… Геен зи цум тейфель.

— Долой немцев! Мадам, попросите вашего мужа, индейца, помочь… Кондуктор! Мы протестуем. Нас большинство!

Вагон наконец отходит. Сербская эвакуация, в союзе с французским легионером из Марокко, чехословацкими студентами, двумя абиссинками, одним лемносским жителем и индейцем с Онтарио, большинством голосов побеждает берлинского беженца и изобретателя из Бразилии.

Вагон, ускоряя ход, проходит мимо Гостиного. А в углу, на площадке, стоит какой-то нейтральный константинопольский старичок, вздыхает и, укоризненно покачивая головой, шепчет:

— Айя София! Айя София! Опять партии… Опять группировки… Алла! Алла!

__ATA = window.__ATA || {}; __ATA.cmd = window.__ATA.cmd || []; __ATA.cmd.push(function() { __ATA.initVideoSlot('atatags-370373-6a87265adfca5', { sectionId: '370373', format: 'inread' }); });